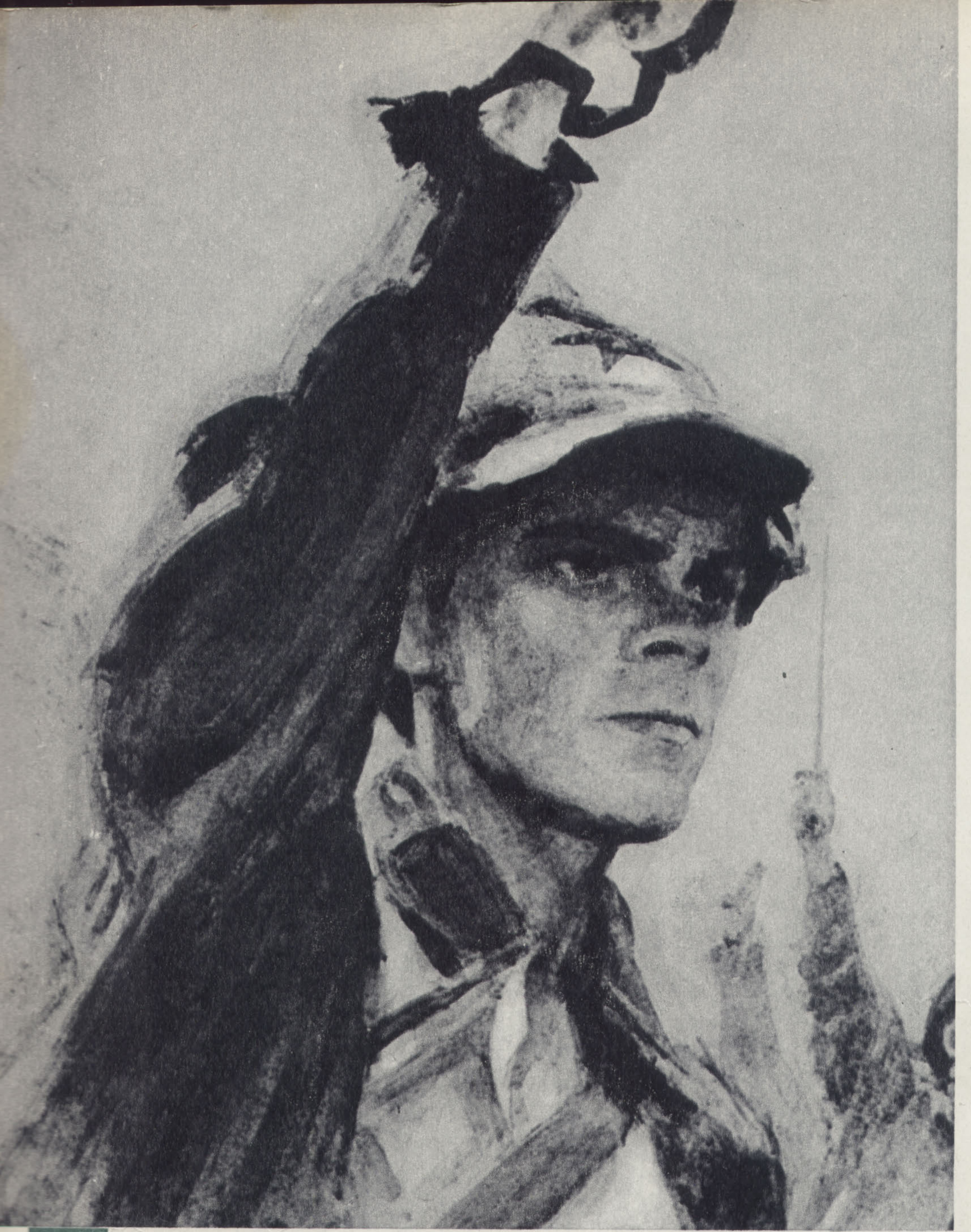

ОГОНЁК
№ 4 ЯНВАРЬ 1958
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

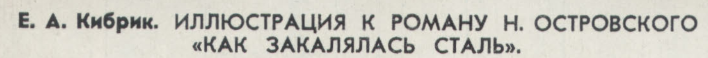

Л. А. Ильина. НА КОЛХОЗНЫХ ПОЛЯХ.

Р. К. Руйга. ТАЕЖНЫЙ ТРАКТ.

Е. А. Кибрик. ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РОМАНУ Н. ОСТРОВСКОГО «КАК ЗАКАЛЯЛАСЬ СТАЛЬ».

Графика

на Всесоюзной художественной выставке, посвященной 40-летию Октября.

→ Кукрыниксы (М. В. Куприянов, П. Н. Крылов, Н. А. Соколов). ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РОМАНУ А. Н. ТОЛСТОГО «ХОЖДЕНИЕ ПО МУКАМ».

На первой странице обложки: Сирия. Сын феллаха Салах Хамда стал трактористом. Он работает сейчас на кооперативных полях села Мурик.

Фото Н. Драчинского.

На последней странице обложки: Алтай. Буровая вышка Инской геологоразведочной партии.

Фото В. Тарасевича.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 4 (1597) 19 ЯНВАРЯ 1958

36-й год издания

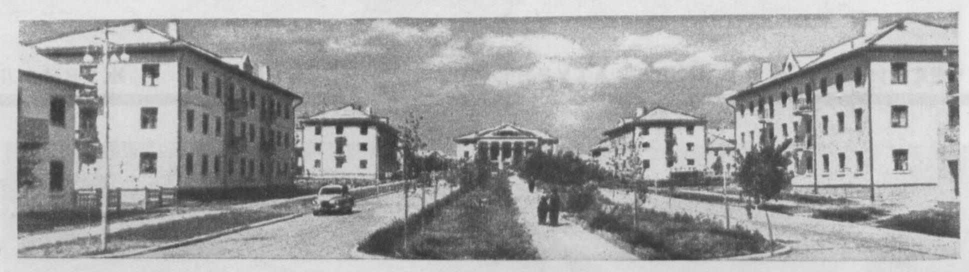
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

В Центральном музее В. И. Ленина.

Фото О. Кнорринга

САМЫЙ МОЛОДОЙ ГОРОД УКРАИНЫ

В Октябрьском избирательном округе Днепропетровской области появилось новое название — город Приднепровское. Пять лет назад на пустынном острове Чапли на Днепре были только пески да лозняк. А сейчас здесь раскинулись кварталы одного из самых молодых городов Украины, еще не обозначенного на географической карте.

Как возник город Приднепровское?

Отвечая на этот вопрос, секретарь исполкома Днепропетровского городского Совета депутатов трудящихся А. А. Бабенко рассказал:

— На острове Чапли создан новый жилой район: выросли дома, прокладывались широкие улицы, разбивались сады и скверы. Строители посадили в Приднепровском несколько тысяч деревьев.

В новом городе есть музыкальное училище, вечерний техникум, хлебозавод, механизированная прачечная. Приднепровское непрестанно расширяется. Недавно на окраине возникла новая улица — Горьковчанская. Так назвали ее рабочие, строящие здесь коттеджи своими силами по методу горьковчан.

В. ШУМОВ

Много ли надо, чтобы поесть на привале?
Слева направо: Галя Гусева, Нина Курганова, Таня Михайлова и Игорь Борзов.

ИДЕИ КАИРА ШЕСТВУЮТ ПО ЗЕМЛЕ

Чем величественнее событие, тем громче его эхо, тем дольше оно звучит над миром.

Уже прочитаны все резолюции и рекомендации Каирской конференции, уже закрыты заседания, и посланцы стран Африки и Азии покинули Египет, но страстные, благородные идеи, рожденные там, продолжают свое движение по земле.

Сейчас в СССР гостят представители Индии, Кении, Цейлона и других стран — делегаты Каирской конференции. Путешествуя по Москве, Ленинграду, Закавказью, наши гости убеждаются, что слова дружбы, переданные им советскими представителями в Каире, принадлежат миллионам советских граждан и выражают чувства этих миллионов.

Именно об этом и говорил при встрече с нами цейлонский общественный деятель и журналист Б. З. Сариффудин. Для делегатов Цейлона Каирская конференция имела особый смысл. Она проходила в канун празднования десятилетия независимости их государства. Эти годы были полны новых для мира событий, это были годы Бандунга. Всё это не могло не оказать влияния и на обстановку на Цейлоне. Благодаря идеям Бандунга независимость становилась действеннее, правительство, созданное народом, предпринимало первые шаги на пути развития национальной экономики и культуры, ослабевал британский контроль.

Б. З. Сариффудин.

Сариффудин говорил о том, что в Каире он ощущал, как велика сила сплочения бывших угнетенных стран, как это единство помогает каждой стране в ее действиях и борьбе.

— Когда мы приехали в Каир,— рассказывал гость с Цейлона,— мы были несколько растеряны перед обилием людей, говорящих на разных языках, облаченных в разные одежды. Но у единого чувства общий язык. И, поверьте мне, я расставался с еще недавно неведомыми мне людьми, как с братьями. Да, братство — именно то слово, которое отражает отношения, сложившиеся в Каире. И перед этим словом бессильны иные «объединения» и «союзы», отстаивающие мертвую идею колониализма.

Однако только энтузиазм и воодушевление еще не способны поколебать мир. Сила Каира, сила Бандунга в конкретности и определенности принятых решений. А именно такими они запечатлены в резолюциях конференции.

Сейчас мы возвращаемся домой. Отзвучали речи делегатов. Но отклики их снова воскреснут в разных концах земли. Мы едем домой, чтобы проводить митинги, демонстрировать фильмы, читать лекции и выпускать книги, исполненные идей Каира.

Мы едем, чтобы внушать нашим правительствам эти идеи. И правительства не могут не откликнуться на них. Ибо нельзя не услышать голоса народов, а голос Каира — это голос самих народов двух могучих континентов.

И, покидая вашу страну,— заканчивает Сариффудин,— я не могу не передать слов привета советским людям от моих сограждан. Ведь и моя страна еще раз испытала в Каире безграничное благородство симпатий Советского Союза ко всем, кому дороги независимость и прогресс.

«Привет от народа Цейлона,— записывает Сариффудин в моем блокноте,— народу Советского Союза. Мы поздравляем вас, успешно отстаивающих мир. Пусть мир торжествует на земле!»

Да, пусть торжествует мир, пусть идеи Каира продолжают свое величавое шествие по земле!

Г. ЮРОВСКАЯ

Две Светы — Литвиненко и Лазарева.
Фото Е. Тиханова.

И снова за уроки...

Белый снежок весело похрустывает под ногами, осыпается с деревьев, блестит тоненькими искрами на солнце. Термос с горячим чаем, буханка хлеба. Ведь не разносолы нужны, чтобы поесть на привале! Перекусили, и дальше в лес, на снежную целину, километров за 20 от деревни.

Третий год ученики 112-й московской школы проводят январские каникулы в своем зимнем лагере.

Идея зимнего отдыха родилась у комсомольцев еще осенью 1956 года. Директор школы поддержал инициативу ребят. Часть денег собрали родители. Материальную помощь оказали и шефы и роно. Долго выбирали, где можно «приземлиться», и наконец нашли — километрах в 40 от Москвы, в совхозе «Воскресенское».

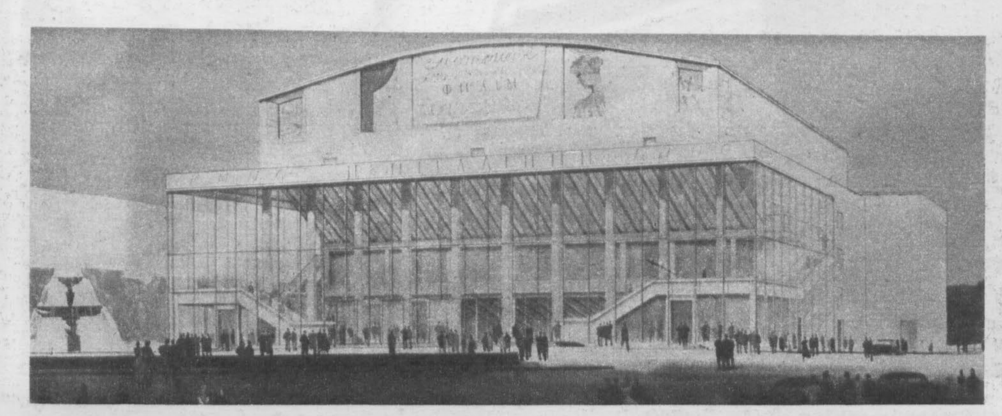
И вот 2 января нынешнего года 54 ученика старших классов, с рюкзаками и лыжами, приехали в совхоз. Здесь их уже ждали старые друзья — сельские ребята, которые предоставили москвичам для лагеря свою школу. Радостные восклицания, где-то завязался «снежный бой»...

Отдыхали по всем «санаторским» правилам: со строгим распорядком дня, утренней зарядкой. Даже в самые сильные морозы мальчики ежедневно обтирались снегом.

Хозяева потчевали своих гостей пушистым снегом, горками, лесами да полями. Как один день, пролетели каникулы. А теперь можно снова за уроки...

Т. КОНЮШКОВА

КИНОПАНОРАМА И ШИРОКИЙ ЭКРАН

Таким будет широкоэкранный кинотеатр на Пушкинской площади.

«МИР». Это слово скоро будет светиться вдоль фасада массивного здания на Цветном бульваре. Так названа первая в столице кинопанорама, созданная по проекту группы архитекторов и инженеров во главе с В. Бутузовым.

В круглом зале, вмещающем 1 400 зрителей, в светлом фойе, буфете — всюду идут последние отделочные работы. Устанавливается один из самых больших в мире панорамных экранов. Его высота достигает 11,4 метра, протяженность — 30 метров. Звуковое стереофоническое оборудование состоит из пяти групп мощных громкоговорителей за экраном и четырех групп на стенах и потолке зрительного зала.

Вслед за «Миром» в столице откроется несколько новых широкоэкранных кинотеатров. Летом на площади Пушкина заложат крупнейший широкоэкранный кинотеатр, проект которого недавно утвержден. Он расположится за сквером, примкнув к торцам здания Комитета по радиовещанию и телевидению. Это поможет завершить архитектурное оформление площади.

Зрительный зал нового кинотеатра рассчитан на 2 100 мест. Ширина экрана — 19 метров.

В цокольном этаже построят еще один зал — для демонстрации хроникальных фильмов.

Б. ВЛАДИМИРОВ

ЗА ЧИСТОЕ НЕБО!

Американские бомбардировщики на аэродроме в графстве Норфольк заправляются горючим перед очередным полетом.

Фото из журнала «Сфир».

Демонстрация женщин в Лондоне на Пиккадилли сёркус. Женщины требовали прекращения испытания водородных бомб.

Фото автора.

Г. КУЗНЕЦОВ

С Брином Томосом, викарием одного из лондонских приходов Далхам Хилл, который насчитывает 16 тысяч верующих, я познакомился случайно месяца полтора назад. Мы оказались попутчиками, когда я возвращался из поездки по Англии. Разговорились.

— Скажите, что, по вашему мнению, сейчас больше всего волнует ваших прихожан? — спросил я.

— Водородные бомбы,— коротко ответил Брин Томос. Помолчав секунду, мой собеседник продолжал:— Я считаю, что 1957 год пробудил британский народ от спячки. Народ возненавидел водородные бомбы, как своего личного врага.

Со времени беседы с Брином Томосом положение в Англии изменилось. Для английского народа водородные бомбы из потенциальной угрозы превратились в ощутимую опасность. Над крышами городов и деревень Великобритании кружат реактивные самолеты с водородными бомбами. На их фюзеляжах красуются белые звезды в синих кругах, а на носу выведено: «Военно-воздушные силы США».

Вспомнив разговор с Брином Томосом, я решил встретиться с ним еще раз. В церкви служба уже кончилась, но на скамьях сидели несколько человек.

Брин Томос в черно-белом облачении заговорил с жаром:

— Известие о том, что самолеты США в патрульных полетах над нашей территорией имеют на борту водородные бомбы и в любой момент могут полететь и сбросить их где-нибудь в Советском Союзе, было для нас страшным известием. Все заявления нашего правительства, будто оно имеет право вето на применение бомб, американцы недвусмысленно опровергли. Сознание, что мы можем быть вовлечены в авантюру, заставляет сделать вывод: те, кто пригласил сюда американцев, разрешил их бомбардировщикам подниматься в воздух с нашей земли и согласился на строительство ракетных баз, совершили поступок, направленный против интересов нашего народа.

Викарий добавил, что именно об этом он говорит в своих воскресных проповедях прихожанам.

— Мои слова ведь не расходятся с учением Христа,—пояснил он.— 22 января в своей церкви я соберу всех христиан округа, чтобы решить, что нам делать дальше, как защитить себя от американских бомб и ракет. Вы сами, наверное, видели, как реагируют простые люди на эту угрозу...

Мне действительно приходилось наблюдать такие демонстрации.

Недавно я видел, как несколько десятков мужчин и женщин прошли в полдень по двум оживленнейшим магистралям английской столицы — Чаринг Кросс Род и Оксфорд-стрит, — вытянувшись в длинную цепочку. Они шли, высоко подняв плакаты, с которых в шумную толпу лондонцев летели лозунги: «Главы государств должны встретиться», «Не нужны водородные бомбы над Британией», «Скажите своим членам парламента — здесь водородные бомбы не нужны», «Когда мудрые люди востока и запада будут действовать сообща — над землей засияют звезды мира».

...В небольшом помещении, под самой крышей старого дома, на одной из улиц лондонского Сити расположен английский Комитет защиты мира. Комитет существует на пожертвования. Здесь я встретился с секретарем этого Комитета Роем Гором.

— За последнее время в стране состоялись сотни крупных и мелких демонстраций, встреч, митингов и дискуссий,— сообщил Рой Гор.— В истории Англии редко бывало, чтобы столь большое число самых различных организаций, начиная от лейбористской и либеральной партий, церкви и профсоюзов и кончая всякого рода представителями, обществами, так единодушно выражали свое мнение. Всех их объединяет борьба против угрозы водородной бомбы.

23 января английский Комитет защиты мира планирует проведение в центре столицы демонстрации под лозунгом запрещения полетов американских бомбардировщиков, недопущения строительства ракетных баз и прекращения испытаний термоядерного оружия.

У входа в Комитет я встретил английского публициста Айвора Монтегю. Я задал ему вопрос: какова отличительная черта движения за запрещение водородных бомб в настоящее время?

— Будем откровенны,— сказал Монтегю.— Раньше, когда наше правительство говорило о вреде бомб как о сдерживающей силе против русской опасности, многие простаки этому верили. «Черт его знает, а может быть, они действительно нужны!» — рассуждали они. Сейчас картина изменилась. Всем ясно, что реактивные самолеты, бомбы и ракеты нужны не нам, а американцам. Поняв это, народ возмутился. Вот новое качество движения за мир в Англии.

Движение против использования Англии как базы для американских ракет и атомных бомбардировщиков растет. Англичане хотят видеть над своей головой чистое небо.

В своем избирательном округе, в городе Абердине, расположенном на северо-востоке Шотландии, член парламента Гектор Хьюз начал собирать подписи под петицией протеста против строительства американских ракетных баз. Другой член парламента, Артур Льюис, подписал петицию сам. Но эта петиция несколько другого рода. Когда мы встретились с ним в здании парламента, он заявил:

— Я надеюсь, что войны не будет, но если она начнется, наша страна будет мишенью номер один. Почему? Потому что у нас расположены американские базы и в дополнение к ним хотят построить ракетные площадки... Если бы русские задумали на нас напасть, они могли бы сделать это давно. Однако они не сделали этого. Наоборот, они снова сократили численность своих вооруженных сил. Я приветствую этот шаг и надеюсь, что наше правительство последует этому примеру и прежде всего выведет свои войска из Западной Германии. Американские базы на нашей земле не только не придают нам силы, а насаждают серьезную опасность. Поэтому вместе с восемьюдесятью другими членами парламента я подписал требование о дебатах в палате общин, о запрещении полетов американских бомбардировщиков и переговорах глав правительств великих держав. По моему убеждению, мы действуем так, как этого требует большинство английского народа.

Лондон.

Дети тоже участвуют в демонстрациях. «Мы хотим расти без страха»,— написано на одном из плакатов.

Фото из газеты «Дейли Уоркер».

АЛТАЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ

Геннадий ПОСПЕЛОВ,
старший научный сотрудник Сибирского отделения Академии наук СССР

Фото В. ТАРАСЕВИЧА.

На подступах к Инскому железорудному месторождению.

У тайги отвоевывается место для новой буровой вышки.

I

Если вы встретите человека, который скажет вам, что Алтай — это переходящая в холмистую местность плодородная равнина, верьте ему. Он говорит правду. Если вы встретите человека, который скажет вам, что Алтай — это горная страна, верьте и ему. Он тоже говорит правду. Есть Алтай Степной, и есть Алтай Горный. У Алтая есть несколько побочных официальных и неофициальных названий. Говорят, например, об Алтае Хлебном, Алтае Лесном. Имеется Рудный Алтай и даже «Безрудный». Так, по недоразумению, называли раньше Горный Алтай. В последнее время на границе бывшего «Безрудного» Алтая с Рудным стал намечаться новый, Железный Алтай. Геологи и геофизики обнаружили здесь «железный пояс», цепочку магнитных аномалий, протянувшуюся от границы с Монголией до Алейских степей. Выявленные месторождения магнитного железняка могут на добрую половину обеспечить нужды строящегося второго гиганта сибирской черной металлургии — Западно-Сибирского завода.

Здесь, на Инском и Белорецком месторождениях, будут строиться первые железные рудники Алтая. Именно здесь должны впервые встретиться железо и хлеб.

II

Кто пожелает в недалеком будущем посетить Инское и Белорецкое железорудные месторождения на Алтае, тому надо будет сходить в справочное бюро, узнать, какие поезда отправляют-

ся в ту сторону, купить билет, пересечь бывшие целинные земли Северо-Западного Алтая и выйти из вагона на одной из станций. Вот, собственно, и все. Не пугайтесь, если услышите взрывы. Это голос больших карьеров. Руда поступает оттуда на обогатительные фабрики и в железнодорожные составы. Не забудьте обратить внимание на мачты электролиний. По ним идет на рудники энергия с Усть-Каменогорской гидроэлектростанции. Взгляните также на местные благоустроенные автомобильные шоссе. При желании вы можете доехать сюда на машине...

Но вы, конечно, не увидите в

Из Харькова прилетела геолог Галина Демьяновна Маринич с дочерью Таней.

тот ваш будущий приезд того, что здесь можно увидеть сегодня. Вы не сумеете прочувствовать свою поездку так, как сегодня, в канун строительных событий, в разгар геологоразведочных работ. Пока еще ничего из того, что вас ожидает здесь завтра, нет. Сегодня вы в полной мере можете, например, познать, что алтайские дороги — это одно из самых растяжимых понятий. Если, скажем, вы выедете рано утром на резвом «газике» в сухую погоду из Бийска, то, перемещаясь сначала горизонтально, потом вверх да вниз, вы можете ночью добраться до россыпи электрических огней Инского поселка геологоразведчиков. Но если вы попытаетесь проделать этот путь в период дождей, то вам понадобится более десяти суток. Из них немалую долю придется потратить на преодоление показательных препятствий районного чарышского тракта, любовно сохраняемых местным дорстроем, и чарышского парома, знаменитого своими вечно уплывающими припаромками. Вы, безусловно, проникнетесь уважением к местным шоферам, которым приходится круглый год возить на вездеходах по этим дорогам горючее, оборудование, продовольствие.

Предвидя эти осложнения, мы предпочли ненадежному в осеннюю пору земному пути небесный путь. Это обошлось нам в час полета и всего в... двое суток ожидания летной погоды у гостеприимных хозяев базовой Бийской экспедиции Западно-Сибирского геологоуправления.

Итак, в самолете, набитом электрооборудованием и ватой, мы пролетели над опустевшими желтыми полями алтайской целины и, сделав вираж у гор, приземлились в долине.

Признаться, мы ожидали бурную встречу. Дело в том, что на наших глазах росло местное население. Наша спутница, молодой геолог Инской партии, везла из Харькова свою деятельную дочь, и все мы дружно ждали, как папа, буровой мастер, встретит свое семейство. Самолет остановился, раскрылась дверь, и... где же папа? Увы, оказалось, что папа «не мог догадаться», что его семья прилетит именно сегодня и именно этим самолетом. Скажем еще, что идти папе надо было очень далеко по залитым водой таежным дорогам. Мы проделали этот путь до партии без хлопот, удобно восседая на тюках ваты, уложенных в кузов вездехода.

III

Вы не слышали, как нашли здесь, в Инском, магнитную руду? Как и многие открытия, это тоже произошло, можно сказать, на стыке наук, в данном случае лесной и геологической. Сначала здесь в горах был леспромхоз. И. В. Столяревский, работник леспромхоза, с помощью буссоли «нарезал» лесосеки. И вот однажды (дело было в 1952 году) буссоль «показала» не туда, куда надо. Явная аномалия! И действительно, вскоре он нашел куски магнетита. Сообщил геологам, а те уже отыскали целое магнетитовое месторождение.

С того и началось. Сначала рыли канавы и шурфы. Зимой 1955 года получили разрешение на скважину. Мужественные женщины-геологи Володина и Сезина отыскали в горах под глубоким снегом эти самые шурфы и канавы и наметили первую разведочную линию. 6 апреля эту скважину забурили... С тех пор буровики Корнеев и Полянский каждое 6 апреля справляют годовщину.

На первых порах к месторождению очень трудно было подступиться. Потом начали пробивать автомобильную дорогу. Впереди по тропе двигался трактор, грудью валил деревья. А за ним следом шла груженная продуктами автомашина. Внизу у болота остановились. Тут раньше лесник утопил двух коней. Двинулся в болото небольшой гусеничный трактор и завяз. Только кабина осталась торчать из грязи. Пришел трактор помощней, стал его вытаскивать и тоже затонул в болоте. Их бульдозером выволокли. Теперь на этом месте построена лежневка и около нее почтовое отделение. Болото осушили.

Пожалуй, больше всего хлопот принесла река Иня. Как все горные реки, она живет вольной жизнью. Когда сухо, шумит себе стеклянной водой по камням, незлобиво налетает на идущих в брод лошадей да на переезжающие по перекатам машины. А как пройдут дожди или станет таять снег, тут уж к ней не подступись.

Особенно досталось весной 1956 года. Река разбушевалась так, что десятитонные глыбы с грохотом перекатывались по ее дну. Снесло два моста. Связь

На буровой вышке № 47. Слева направо: старший буровой рабочий Александр Фефелов, младший буровой рабочий Екатерина Клипенко и сменный мастер Дмитрий Белоногов.

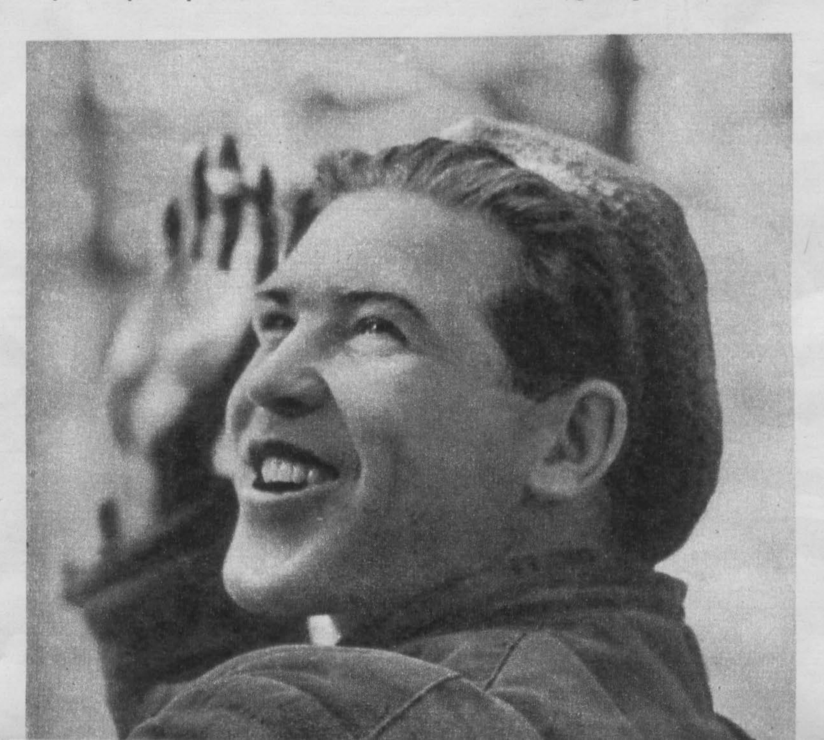
нарушилась. Хлеб доставляли на себе через горы. На счастье, горючее было запасено; электростанция действовала, и буровые работали. Бригады ночевали на вышках. После смены выходили на берег и производили закупки в продуктовом ларьке: перебросят через ревущую реку деньги, привязанные к консервным банкам с песком, а им обратно консервы бросают.

С большим трудом натянули меж берегов трос и сделали висячий мост. Плохая, конечно, переправа, но все же...

Досталось и весной 1957 года. Вода прибыла неожиданно, а все три трактора были за рекой, в другом поселке. Что делать? Трактористы Проскурин и Важенин, у которых машины помощней, решили идти напролом, через реку, связавшись тросом. Третий тракторист, Антипов, у которого трактор самый слабый, взбунтовался. «Если не возьмете, брошусь,— говорит,— один с трактором в воду, погибну,— говорит,— бесчувственные звери, на ваших глазах!»

Сердце — не камень. Пришлось взять. Зашел в воду мощный трактор Проскурина. Ледяные волны накрыли почти весь дизель. Одна выхлопная труба из воды торчит. Ничего. Вышел. За ним — второй. А у третьего, самого слабого, посреди реки заглох мотор. Поднялся из воды тракторист Антипов, раздвинул рот в виноватой улыбке, руки поднял: сдаюсь, мол, ребята, спасайте,

Старший буровой рабочий Александр Сафонов.

Возвращение с поиска.

вытягивайте! Его на тросе выволокли из ревущей реки.

Говорят, что инские трактористы ничего не боятся, кроме... маленьких елочек. Как увидят елочку, скорей в сторону: не дай бог раздавишь, выкладывай тогда леснику 300 рублей штрафа!

Теперь в Инском поселке геологоразведчиков более 300 домов, около 2 тысяч жителей. Основную массу домов построили сами жители. Приедет новая семья — дают бесплатно лес, тес, гвозди, кирпичи, стекло. Объединяйся с другими, ставь с помощью плотников дом. Дом поставлен — получай за работу и живи в нем, а дом сдай на баланс геологической партии. Впрочем, многие уже построили здесь и свои собственные дома: уверовали, что место надежное, вот и обзавелись хозяйством. В Инском теперь уже два магазина: продуктовый и промтоварный, — столовая, пекарня, овощехранилище, ледник, школа, клуб с киноустановкой, почтовое отделение, сберкасса, большая баня, медпункт, родильный дом на две койки. Когда открыли родильный дом, один многосемейный буровик выразил неудовольствие: что нам две койки! Однако, видать, перехвалился: пока хватает...

Старший научный сотрудник Сибирского отделения Академии наук СССР Геннадий Львович Поспелов консультирует геологов Белорецкого железорудного месторождения.

IV

Инское встретило нас гулом дизелей электростанции, тарахтением трактора, перетаскивающего сани-волокушу с одного берега на другой. На террасе клуба раздавались щелканье бильярдных шаров и азартные возгласы играющих.

Из раскрытых дверей свежерубленной баньки валил пар, и раскрасневшаяся хозяюшка встряхивала ладно поработавший веник. Хотя есть большая общественная баня, но без своей баньки у сибиряков, перебравшихся в эти места, жизнь не в жизнь.

Раскинутый на террасах по обоим берегам реки Ини, окруженной грядами затаеженных гор, поселок выглядел компактным и капитальным, как будто два года назад на его месте не было сплошной тайги и таежного болота.

Ключи и мелкие речки то мирно переливались с камня на камень, то вдруг перерастали берега и устремлялись прямо на улицы. По закоулкам молодого поселка шныряли малыши. Ребятишки повзрослее уехали учиться в другие места, где есть школы-десятилетки. Каждый день юные школьники деловито шагали прямо через бурные ручьи и замерзшие лужи в школу, считая ниже своего геологоразведочного достоинства обходить их посуху, а еще более юные, не доросшие пока до школы «таежники», подражая папам, устремлялись в приусадебную тайгу на «охоту».

Жизнь в поселке текла своим чередом, но вся она подчинялась ритму той главной жизни, которая шла в горах, где по вечерам зажигались огни буровых, и в долине — на площадке мехмастерской, где сверкали огни электросварки.

Об этой жизни начальник партии, старый коммунист Иван Трофимович Заикин, человек крепкой хватки, поставивший на своем веку не один геологоразведочный городок в глухих углах Сибири, сказал как-то полушутя:

— Алхимия, а не жизнь. Машины, глядишь, старые, а работают. Тракторы порой почти что без обуток, босиком, а бегают. Энергии не хватает, а все вертится. Все кругом закроет, ни входа тебе, ни выхода, а жизнь разведочная спотыкается, но идет, в компании идет. Без крепкой компании в нашем деле нельзя, брат.

V

Если бы вы захотели увидеть Инское месторождение своими глазами, вам бы пришлось, как и нам, забираться на крутые, поросшие лесом и малинником склоны и отыскивать там шурфы и канавы. Рудная зона проходит поперек долины реки Ини. Ее магнитная сила тянет к себе чувствительные стрелки магнитометров, и если бы она могла светиться, то в горы уходила бы широкая полоса света.

С буровых вышек можно оглядеть всю долину и ее выход из затаеженных «железных» гор в Хлебный Алтай. Отсюда в глубины земли уходят длинные скважины, нащупывая в кромешной каменной тьме рудную массу.

Раньше новые буровые вышки рубили в горах, в тайге, на месте. Теперь их собирают на базе, перетаскивают тракторами на новые места. Получается скорей и дешевле. Это виртуозная работа, требующая большой смекалки, мастерства, мужества. Один трактор вытягивает при помощи переброшенного через блок троса другой трактор на такую крутизну, куда он один ни за что не смог бы подняться. Там, разворачиваясь на откосах, с которых, кажется, вот-вот он должен был бы покатить-

ся кубарем, трактор выволакивает за трос бревна вышки, четырехногу копра и станок на салазках. Сложным их движением по горной тайге мастерски управляют с помощью троса, перекидываемого то через одни деревья, то через другие.

Так и шагают буровые вышки все дальше от Инского.

Да, крепкая компания на Инском. Собрались тут и ветераны и молодежь.

Однажды спросили мы одного из молодых:

— Ну что, трудновато?

А он в ответ:

— Как в разведке.

...Когда мы ехали на Белорецкое, по дороге встретили возвращавшуюся из командировки «хозяйку Инской горы» — главного геолога партии Марию Ивановну Селивестрову. Геолог она еще молодой, но о ней даже бывалые буровики почтительно говорят: «Мария Ивановна — она дело знает, да и рука у нее крепкая, вилять не даст».

VI

Если, попав на Белорецкое месторождение магнитных руд, вы подумаете, что обозреваете нечто недавно открытое, вы сделаете ошибку. Об этом месторождении знали еще в прошлом веке. И все-таки месторождение практически открыли лишь в 1956—1957 году. «Это мелочь, а не месторождение», — говорили до этого одни. «Это не руда, а убожество», — вторили им другие. Правы оказались третьи. Выяснилось, что руда тут совсем не плохая, легко обогащаемая, местами даже богатая.

Из Инского в Белорецкий разведочный поселок наша компания прибыла к ночи. Дорогу слегка подморозило, и мы проскочили все бедственные места на автомашине.

Утром мы любовались живописными пейзажами, а затем рассматривали керны — образцы руды. «Ну как? — ядовито улыбались белорецкие геологи. — Как рудишка?» Мы соглашались, что «рудишка» неплохая, и припоминали плохие рассказы, которые еще недавно о ней слышали.

Стоял солнечный день. На высокой березе над нами затаились две девчушки, забравшиеся туда, играючи в местные «прятки».

К ночи налетел холодный, ледяной ветер, закружился снег. На другой день погода стала еще хуже. Снизу с трудом притащился трактор с очередным грузом и переключился на срочные местные работы. Последний житель палатки, любитель суровой жизни, бородатый молодой геолог Ромашихин, решил наконец, что настала пора и ему перебираться. Жить в заснеженной палатке и готовить еду на железной печке хотя и романтично, но не очень-то приятно, даже если закаляться, натираясь по утрам мокрым снегом.

Нам пора было уезжать. Мы уже побывали на скважинах, которые работали без перерыва, несмотря на пургу, посмотрели планы разведки, поработали вместе с геологами с микроскопом, помечтали вместе с ними о будущем.

На лошадях мы выбрались по глубоко заснеженной дороге на край холмистой алтайской лесостепи. В воздухе один за другим пролетали самолеты. На одном из них мы и отправились в обратный путь.

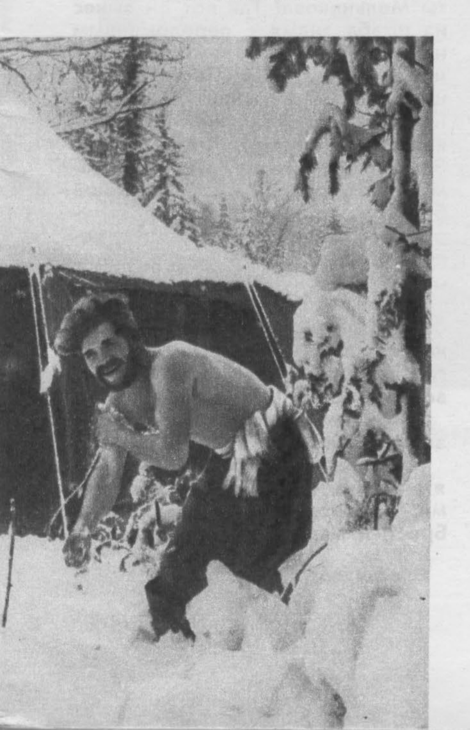
Когда мы собирались с инскими и белорецкими разведчиками, чтобы помечтать о том, где и что будет, как пройдут железные и шоссейные дороги, какие города построят здесь, нам иногда думалось: а вдруг здесь будет не два больших рудника — Инский и Белорецкий, — а один большой современный город, который их объединит? Ведь до Инского месторождения от долины Ини всего пятнадцать километров, а до Белорецкого — двадцать пять.

— Нельзя, далеко! — возражали одни.

— Чего далеко? — отвечали им другие. — Москвичи даже радуются, когда им от дома до службы всего двадцать пять километров. Будет электричка. Полчаса — и на месте. Пешком больше времени уйдет, если даже жить поблизости. С горы на гору находишься. А тут, на Ини, место ровное, речка, кругом горы, лес. Благодать! А климат? Здесь и помидоры вызревают. Курорт!

Что ж! В этой мечте есть реальные черты. Может быть, и возникнет здесь такой город. Возникнет, как памятник тому времени, когда Алтай стал железным.

«Хозяйка Инской горы» — Мария Ивановна Селивестрова.

Старший коллектор Белорецкой геологоразведочной партии Петр Ромашихин.

У ГЕРОЯ БРЕСТА

Н. МАР

Где живет Герой Советского Союза, защитник Бреста Петр Михайлович Гаврилов, в Краснодаре знает любой мальчуган:

— Поезжайте трамваем на самую окраину. Третья линия. Номер дома не знаю, но вы легко найдете: третий с края улицы!..

И вот я уже на третьей линии. Легко разыскал домик Гаврилова под номером 144.

Петр Михайлович сидел за столом и что-то писал. Он только что вернулся из длительной поездки по станицам Кубани, куда его приглашали, чтобы услышать живую историю героической обороны Брестской крепости. В местное отделение Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний поступило много заявок на лекции бывшего командира 44-го полка майора Петра Михайловича Гаврилова. Гаврилов тщательно готовил свою лекцию — документальный рассказ о том, как в первые часы, дни и недели войны советские воины защищали Брестскую крепость, приковав к ее фортам значительные силы фашистских войск. У него есть сделанная им самим специальная карта-схема крепости, хода боев. И вот теперь он частенько собирает чемоданчик — и в путь.

Прошу Петра Михайловича рассказать о его поездках. Он достает записную книжку, которая стала интереснейшим дневником.

— Затребовали меня в Отрадненский район. Я, конечно, собрался, карту, еще кое-что с собой взял. За десять дней прочел 25 лекций. Бывало, по три раза в день выступал. То в колхозе, прямо на бригадном стане, ждут, то в мастерских МТС. И скажу вам, очень интересные были встречи! В станице Отрадной сказали мне, что здесь есть бухгалтер Иван Михайлович Баранов. Он говорит, что тоже был в Бресте в июне 1941 года. Мы познакомились, разговорились.

— Где встретили войну? — спрашиваю его.

— В Бресте.

— Кого из командиров знаете?

— Батальонного комиссара Гребнева. Убит был в крепости.

Где находился штаб полка? Как были расположены батальоны? Когда была объявлена первая тревога? Кто дежурил по полку?

Иван Михайлович подробно рассказывает. В ночь на 22 июня Баранов по болезни находился в санитарной части. В начале вражеского обстрела обвалился угол здания, был убит дежурный фельдшер. Баранова назначили санитаром. Он оказывал помощь бойцам, пострадавшим при первом же нападении фашистов.

П. М. Гаврилов.
Фото Е. Умнова.

А потом вошел в состав группы, которой командовал Гаврилов. 25 июня, контуженный в бою, Баранов был захвачен в плен.

В Красногвардейской станице Гаврилов встретил учителя Константина Федоровича Горбатько — участника первых боев в крепости. В этот же день в усадьбе машинно-тракторной станции к Гаврилову подошел человек средних лет:

— Не узнаете, товарищ майор? — спросил он.— Да я ведь Менжулов, ваш солдат...

— А, кладовщик, полковой богатей... Менжулов...

Хранителю сахара и капусты, консервов и муки уже в первый час вражеского нападения пришлось взяться за винтовку. Пять дней он провел в тяжелых боях, и только после того, как его оглушило, немцы смогли захватить Менжулова в плен.

В районном Доме культуры после лекции, на которую собрался, наверное, весь райцентр, включая всех дедов, на сцену поднялся связист, еще крепкий казак Ефим Макарович Затолокин. Шестнадцать лет он не встречал своего командира полка, и вот теперь привелось увидеться...

Недавно Петр Михайлович получил письмо из станицы Старо-Величковской от Николая Григорьевича Мищенко.

«Немало времени прошло с тех пор,— писал Мищенко,— когда я последний раз видел вас в Брестской крепости... Помните, как приносил лед из подвала?..»

Мищенко сообщает, что после падения крепости его захватили в плен, отправили в лагерь Кюстрин, и с тех пор «пошло все колесом». Из плена солдат убежал, вернулся в родную армию и воевал до конца.

Удивительно интересна почта Гаврилова! Здесь множество приглашений из Одессы, Читы, Хабаровска, Балтийска, Киева... Приятно было получить известие о братьях-близнецах Алексее и Николае Исполатовых. Петр Михайлович хорошо помнит этих своих солдат: рослые, крепкие, чернявые ребята. Отлично учились военному делу, великолепно стреляли. Их звали просто «близнецы». Когда командир полка приходил в роту, он так и спрашивал:

— Где близнецы?

Исполатовы в ночь на 22 июня были на посту. Первыми же выстрелами, как вспоминает Петр Михайлович, Николай был ранен, потерял сознание. Позже пропал без вести. Как выяснилось, он оказался в плену. Трудная доля выпала Николаю. Он бежал из гитлеровского лагеря. Его поймали, били. Вторично бежал. Оказался во Франции, в партизанских отрядах. Вернувшись на Родину, Николай Исполатов окончил институт и теперь заведует учебной частью школы рабочей молодежи в городе Котельнич, Кировской области. Второй брат, Алексей, был пулеметчиком. Когда кончились боеприпасы, дрался штыком. До самого конца войны он был в боях. Потом окончил институт и теперь преподает в одном из вузов Москвы.

Письма, письма, письма... А вот письмо из Федеративной Республики Германии:

«Уважаемый господин Гаврилов! Узнав из журнала «Огонек» и «Литературной газеты» о торжествах, посвященных 15-летию героической обороны Брестской крепости, а также о присвоении вам звания Героя Советского Союза, не могу не поделиться с вами радостью и гордостью за вас, как бывший ваш подчиненный и участник обороны Брестской крепости. Я очень сожалею, что не имею возможности встретиться с знакомыми и товарищами по обороне крепости. Осмотрев снимки в журнале «Огонек», где солдаты откапывают знамя 393-го артиллерийского дивизиона, я так остро припомнил крепость во время обороны с ее развалинами и гарью, что мне показалось, что это было вчера.

...Писать собирался много, но поверьте, что мыслям тесно, а передать на бумаге не могу. Когда буду знать, что вы получаете эти письма, напишу больше. Сейчас скажу одно, что я горд за Родину, за народ и лично за вас!»

— Неожиданное письмо и несколько странное,— говорит Гаврилов.— Почему-то автор меня именует «господином», но он, несомненно, в Бресте был, так как называет фамилии людей, действительно оборонявших Брестскую крепость...

Среди толстых папок, где хранятся письма,— десятки приглашений. Героя Бреста зовут погостить пограничники и моряки Прибалтики, пионеры Киева, рабочие Одессы и Москвы, жители Калининграда и Владивостока, Архангельска и Еревана... Разумеется, зовут к себе в гости и друзья-однополчане: кто повидаться, у кого сын родился, а кто просто так ждет командира — отдохнуть, порыбалить или в лесу пожить... Петр Михайлович составил маршрут поездок и вот уже добрых полтора года, по выражению его жены, из поездов и самолетов не выходит... Объездил друзей в Прибалтике, на Украине... Недавно он три месяца путешествовал по городам Урала, Сибири и Дальнего Востока. И всюду находил боевых друзей — защитников Бреста, с которыми не виделся шестнадцать с лишним лет.

— Пригласили меня в Иркутске железнодорожники. И вдруг перед началом вечера подходит ко мне Егор Степанович Малюга, командир роты нашего полка. Обнялись и, знаете, даже заплакали... Восемь первых дней войны Малюга дрался в крепости. Два раза его ранили, и, несмотря на потерю крови, он пошел с бойцами на прорыв и, как оказывается, удачно все-таки пробился к нашим войскам. С тех пор мы не виделись... Или вот в Новосибирске я неожиданно встретил солдата Ивана Федоровича Черпаева. Геройски бился он в восточном форту Брестской крепости. Был ранен, контужен, попал в плен. Неслыханные муки перенес человек, но верным Родине остался. Сейчас Иван Федорович работает кладовщиком. Вот так встречаешь друзей из Бреста по всей нашей земле.

Как-то Гаврилов получил приглашение балтийских моряков. В Балтийске один из офицеров подвел к нему средних лет человека. Это был бывший подчиненный Гаврилова — Некрасов, которого Петр Михайлович давно разыскивал. По имевшимся сведениям, он находился в той самой группе воинов, которой поручили спрятать боевое знамя полка.

— Где наше знамя? Сейчас расскажу, товарищ майор. Помните старшину второй стрелковой роты Мельникова? Так вот он вынес из штаба знамя с переломанным на три части древком. Вместе с ним были я, Кусов, Пестов, Курицын и еще три наших солдата — не помню их фамилий. Мы отправились в подвал под кухней. Здесь отрыли нишу, свернули знамя в трубку, обернули надежной бумагой и на уровне пола замуровали в стене, обращенной к реке Муховец. Там же для приметы оставили свои подписи...

Рассказ Некрасова взволновал бывшего командира 44-го стрелкового полка, которого все эти годы не оставляла мысль о полковом знамени.

— Значит, цело наше полковое знамя, Некрасов?

— Конечно, цело! Если можно, я очень хотел бы с вами и другими однополчанами съездить в Брест, и мы его быстро найдем...

Краснодар.

Е. А. Грибов. НАГУЛЯЛИСЬ.

Всесоюзная художественная выставка, посвященная 40-летию Октября.

Н. А. Пономарев. Из серии «Северный Вьетнам». ВЕЧЕРНЯЯ ПЕСНЯ.

А. В. Кокорин. Из серии «По Индии». ВОЗВРАЩЕНИЕ С РАБОТЫ.

А. М. Бандзеладзе. Иллюстрация к грузинскому народному эпосу «ПЕСНЬ ОБ АРСЕНЕ».

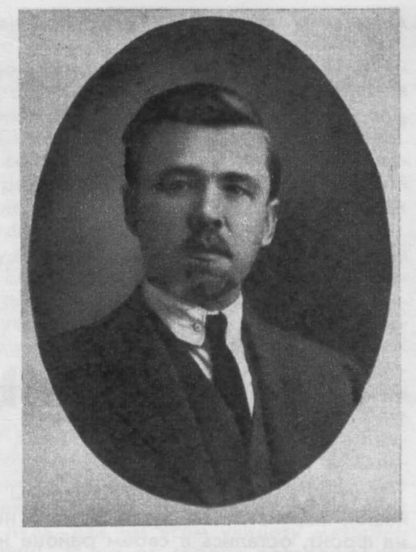
В. Н. Горяев. УЧЕНИЦЫ.

Всесоюзная художественная выставка, посвященная 40-летию Октября.

Г. В. Храпак. Из серии «Наша Москва». У КИРОВСКИХ ВОРОТ.

С ПИСЬМОМ ЛЕНИНА В США

П. И. Травин. Июнь 1918 года.

П. ТРАВИН

Среди хранимых мною бумаг есть особенно дорогая для меня справка. В ней говорится:

«Для определения стажа работы тов. Травина Петра Ивановича, сообщаю, что он известен мне как работник русской железнодорожной миссии в США, активно работавший в период 1917—1919 гг. по связи РСФСР с Америкой и в конце 1918 года успешно осуществивший доставку письма В. И. Ленина к американским рабочим, помещенного в XXIII томе 3-го издания сочинений В. И. Ленина.

С 1921 г. по 1923 г. включительно т. Травин П. И. работал в должности заместителя уполномоченного СНК по железнодорожным заказам за границей.

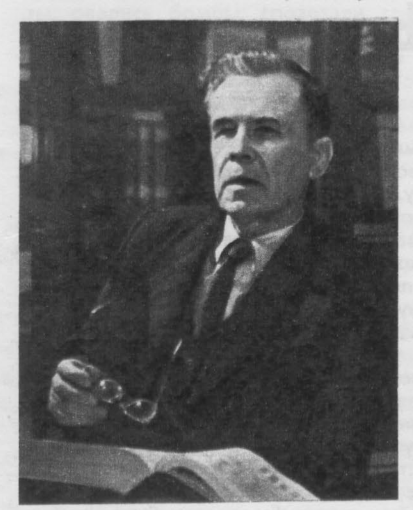
М. М. Литвинов — член ВКП(б) с 1898 г., партбилет № 2718650».

Мне действительно выпала честь выполнить одно поручение Владимира Ильича, и я горжусь, что справился с ним.

В 1907 году, скрываясь от царского суда, я попал в Америку и устроился там сперва матросом, а потом уже плавал в качестве рулевого и корабельного плотника.

Когда Временное правительство объявило амнистию политэмигрантам, я начал собираться домой, но воспользоваться этой амнистией не успел. После июльских событий в Питере Временное правительство, по сговору с американским, поставило такие полицейские рогатки для выезжающих в Россию, что политэмигранты объявили бойкот этим новым правилам и стали пробираться нелегальными путями.

Группа эмигрантов-моряков решила наняться на пароходы, идущие в Европу, а там сбежать на берег и любыми путями пробиваться в Россию. Мы открыли «Нью-Йоркский отдел Союза русских моряков» и выдали достойным товарищам русские членские билеты. Затем отправились в Бостон к генеральному секретарю американского Союза моряков. После длительных переговоров удалось наконец добиться обмена наших профбилетов на американские.

П. И. Травин. Январь 1958 года.

Мне повезло. Я поступил кочегаром на шведский пароход, направлявшийся в Роттердам.

Опасаясь немецких плавучих мин, мы шли у европейских берегов только днем. Когда начало темнеть, встали на якорь на рейде в Эгерсуне, в Норвегии.

Сговорившись с рыбаком, привезшим продавать рыбу, я ночью на его лодке добрался до берега. Через два дня я был в Бергене.

Бродя по улицам Бергена и обдумывая свое положение, я наткнулся на вывеску рабочей газеты «Арбейдер бладет».

Редактору этой газеты Мадсену, хорошо говорившему по-английски, я представился как отставший от своего парохода русский моряк, пробирающийся на родину, в Курск. Он сочувственно кивал головой, но сказал, что помочь ничем не может, так как советского консула в Норвегии нет. Тогда я вытащил из своего ботинка и показал ему маленький красный членский билет американского революционного, нелегального во время той войны, профсоюза «Индустриальные рабочие мира». Мадсен оживился и сказал, что с такими документами можно куда угодно проехать по Скандинавии, и тут же позвонил в Осло редактору газеты «Социал-демократ» Шефло. Поговорив с ним о чем-то по-норвежски, он испытующе взглянул на меня и сказал:

— Я отправлю вас сегодня же вечерним поездом в Осло. Там вас встретят и обеспечат дальнейший путь. Но до вечера еще далеко, и я попрошу помочь нам в одном щекотливом деле. Находящийся здесь русский царский консул перекрасился в представителя правительства Чайковского в Архангельске и занимается вербовкой солдат в белогвардейскую армию. Если бы вы достали нам какие-либо документы, подтверждающие эту подлую деятельность белогвардейского консула, мы добились бы через парламент, чтобы его выставили из Норвегии...

Я согласился.

И вот меня ведут прямо к самому консулу. Представляюсь отставшим от корабля моряком, желающим вернуться на родину, в Курск.

— Вот ты хочешь в Россию, — принялся меня агитировать консул, — там теперь большевики. Русскому человеку надо сначала отвоевать у них родину.

Узнав, что я воевал с японцами в 1905 году, он обрадовался и забегал по кабинету.

— Очень, очень хорошо! Получишь деньги, документы. Для тех, кто хочет спасать родину, мы ничего не жалеем.

Звонок. Появляется секретарь, достает из шкафа гербовые бланки на русском и французском языках, очевидно, отпечатанные еще при царе. При мне он взял узкую полоску чистой бумаги, заклеил ею на бланке слова «по указу его императорского величества» и перечеркнул корону над двуглавым орлом. Затем я получил направление в специальный пансион в Бергене и 70 крон.

Через час весь этот материал был у редактора Мадсена, а вечером я благополучно уехал в Осло и дальше, в Россию.

Меня принял товарищ Воровский. После продолжительной беседы о моем путешествии, к моему крайнему огорчению, он сказал, что мне надо ехать обратно в США. Я пытался возражать. Тогда было сказано, что мне поручат доставку письма Ленина к американским рабочим.

— Американские рабочие должны узнать правду о России, об Октябрьской революции, — сказал мне Воровский.

От волнения, от нахлынувших чувств я не мог произнести ни слова.

— Что же вы молчите? — спросил Воровский.

Не помню, что я говорил, но дал, конечно, согласие.

Мне передали три экземпляра письма Ильича, отпечатанных на машинке на тонкой бумаге. На каждом экземпляре стояла собственноручная подпись Ильича — «В. Ленин».

Зная, какие искаженные понятия имеет рядовой американец о событиях в России, я взял с собой по шести номеров «Правды» и «Известий», декреты о мире, о земле, по народному образованию, Конституцию РСФСР. В одном из номеров «Правды» была напечатана нота Советского правительства президенту США Вильсону с требованием прекратить интервенцию. Эта нота была передана через норвежского посланника в Москве, но в США не была опубликована.

Не мешкая, я отправился в путь и без особых приключений прибыл в Копенгаген. Остановиться пришлось в дешевой портовой гостинице. Я снял там двойной номер с голландской печью. Попросил печку не топить, ссылаясь на недостаток средств, — за отопление надо было доплачивать. В отдушине печки я подвесил письмо Ильича, предварительно запаяв его в футлярчик из белой жести и завернув футлярчик в асбест.

Устроиться на идущий в США пароход было трудно: слишком много было в Копенгагене безработных моряков-датчан.

Скоро я обнаружил, что за мной идет слежка. Копенгаген во время первой мировой войны был крупнейшим центром всех разведок, как антантовских, так и немецких. Они враждовали между собой, но были едины в борьбе против всего советского. Немало пришлось поволноваться, пока не удалось ускользнуть от шпиков. Я решил сыграть «ва-банк»; пошел в генеральное консульство США в Копенгагене и представился как застрявший в чужой стране американский моряк. В ход были пущены полученные ранее мною в Нью-Йорке документы: сертификат корабельного плотника, членская книжка американского профсоюза моряков и пропуск на право прохода на пристань в Нью-Йорке.

Консульство ограничилось проверкой отпечатка пальца, и на второй день я получил письмо в пароходное общество с просьбой предоставить возможность «американскому гражданину» отработать свою дорогу на родину в качестве матроса.

Так я был принят на идущий в Нью-Йорк пассажирский пароход «Хелиг Олаф» в качестве второго плотника. Должность эта дала мне возможность надежно спрятать на пароходе драгоценную почту. Чтобы застраховать себя от всяких случайностей по прибытии в Нью-Йорк, я решил подобрать себе помощника.

На второй день по выходе в море я проверял исправность такелажа и насвистывал американскую революционную песню о солидарности с бастующими грузчиками: «Удерживайте позиции, мы идем на подмогу». Один из помогавших мне матросов, датчанин Енсон, стал подсвистывать. Я тут же завел с ним разговор и узнал, что он раньше жил в Америке, состоял членом революционного профсоюза «Индустриальные рабочие мира». В Нью-Йорке он намеревался сбежать с парохода из-за низкой заработной платы.

Я быстро подружился с датчанином. Он согласился не уходить с парохода в Нью-Йорке и помочь мне. «Для революции», как он сказал. Я проинструктировал Енсона, как поступить с почтой в случае моего ареста.

Пограничные власти в Нью-Йорке придрались к моим документам и не дали мне сойти на берег. Меня арестовали и заявили, что отправят обратно в Европу. Однако, использовав свой портовый пропуск, я в тот же день вечером ухитрился проскочить со своей почтой на берег.

На следующий день я передал письмо Ильича группе американских товарищей, собравшихся на частной квартире.

Вместе с письмом Ленина были доставлены и другие материалы. Их широко использовали американские товарищи во главе с известным американским революционным деятелем Джоном Ридом.

Литературная запись **В. ВИРЧИКА и Т. КУДИНОВА.**

Короткие рассказы

Янка БРЫЛЬ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

Ей мы не скажем

В июле сорок четвертого года мы вышли из нашей партизанской пущи, и кого не послали на фронт, остались в своем районе на партийной и советской работе.

На нынешний, мирный глаз, нелегкое это было время. Кое-где еще пошаливали банды, по следам которых ходил наш истребительный отряд. Председателя сельсовета Сашу Туркача, спокойно-веселого и с какой-то поэтической ленцой парня, которого в бригадной разведке два года обходили пули и осколки, бандиты поймали неподалеку от райцентра. Утром пастушки наткнулись на его труп у брода обезрыбленной толом полицаев речки. Следующей ночью я дежурил в райкоме партии у открытого окна, положив на стол взведенный автомат. Днем мы, молодежь, привыкали к мирному труду, учились наводить порядок в районе и никак не могли обойтись без того, чтоб не собраться на площади, не почесать языки, не посмеяться. Времена были нелегкие, но веселые. Каждый вечер в уцелевшем клубе шли танцы. Рыжий Ананик, заведующий радиоузлом, был хорошим аккордеонистом...

Однако из всех Ананиковых танцев мне запомнилась только простая и страстная мелодия вальса, которой часто мы подпевали:

Ночь светла. Над рекой
Тихо светит луна...

Запомнилась, должно быть, потому, что ночи в тот последний военный август были на диво погожие, а может быть, и скорее всего потому, что подпевали мы вслед за Машей.

В меру веселая и в меру серьезная, легкая в танце, простая, милая чернушка в скромном пестреньком платье — такой вижу я сегодня Машу тех дней. Помнится, она приехала к нам, в Западную Белоруссию, в наш молодой коллектив, с востока, из Рязанской или Тульской области, работала, кажется, в банке или промкомбинате... Да в конце концов и не важно это; важнее для нас тогда было то, что все мы вскоре влюбились в Машу. И вольные птицы и, как говорится, уже попавшие в сети, не в обиду будь сказано женам, бывшим тогда невестами.

А досталась Маша одному.

Я знал его еще до войны. Ну, как, собственно, знал... Слышал, что Максим Третьяк работал при панах в подполье, сидел в тюрьме. Потом, в партизанах, он был командиром одного из отрядов нашей бригады. Не из первых товарищ и не из последних. На вид немножко заносчивый, хмурый, а засмеется — симпатично широкоротый с крупными редкими зубами. Под навесом густых соломенных бровей — маленькие, колючие и вместе с тем очень светлые глаза. Был он в то время заместителем председателя райсовета, ходил в своем командирском кителе без ремня, в сапогах и в фуражке защитного цвета с пятиугольным пятнышком на месте звездочки.

К зиме компания наша понемногу разбрелась: кто ушел на фронт, кто на учебу, кого перевели в другой район. Я уехал на работу в Минск.

И вот прошло почти тринадцать лет. Их, Максима и Машу, я за это время видел не часто. Хорошо запомнились только две встречи.

Вскоре после войны, там же, в райцентре, я видел их на ходу из кузова попутного грузовика. Был ясный летний вечер, выходной день, и они, Третьяки, шли широким тротуаром вдоль зеленой стены вишняка. Маша держала на руках свое беленькое сокровище, малыша в «конверте», и улыбнулась мне, кивнув головой. Он... Да что там притворяться? Я запомнил только ее, эту счастливую улыбку и глаза, полные гордой радости.

Позднее я начал замечать рядом с ней и Максима. Года два назад мы познакомились с ним поближе в Минске, на вечере у нашего общего друга. Чуть больше, чем хотелось бы, располневшая и как-то спокойно, с чувством собственного достоинства счастливая, Маша была хороша красой удачливой матери, которая с честью выполнила свое большое дело — вырастила двоих детей, а сама осталась все еще молодой и интересной. Ни раньше, ни теперь она не была красавицей: просто очень милая как человек и очень чистая, привлекательная как женщина. С ней было хорошо. Можно было, почти как тогда, весело и легко вальсировать, вспоминая нашу военную молодость, напевая, как тогда, про лунную ночь, которая так и не стала нашей... А на женскую, на материнскую красоту ее уже можно было смотреть глазами зрелого человека, который тоже научился знать во всем меру, уважать границы своего и чужого счастья...

Маша с Максимом казались нам счастливой парой. И не только нам: так считали и те, кто знал их ближе.

— Хорошие люди. И он и она...

Это говорит мне сегодня старый райисполкомовский шофер гуцул Намисто Микита Самойлович, после партизанства осевший в нашем районе. Я знаю его, можно сказать, давно, люблю послушать рассказы старика о прежней службе в австро-венгерской армии, когда еще царствовал, как он говорит, Франц-Иосиф «эрштэр». Мы уважаем друг друга и с удовольствием распиваем чарку в районной чайной, закусываем селедкой с горячей картошкой и беседуем о близких обоим нам людях, которые, к моему огорчению, сели в вагон и уехали всей семьей в гости к Машиным родителям.

— Хорошие люди, — повторяет старый Намисто и, разморенный чаркой, смолкает. После довольно долгой паузы он достает свою «луковицу» в большом, похожем на грушу футляре, долго смотрит на стрелки и почему-то переходит с украинско-белорусского языка на русский: — Извините за мою некультурность... Теперь уже двадцать три минуты пятого... Пойду сейчас на боковую. Что еще делать в святое воскресенье? А ваш автобус тем временем подойдет. Так и живемо...

Закончив на родном языке и вздохнув, он опять молчит. В этом молчании я начинаю подозревать что-то не совсем обычное. И верно: вот он, Микита Самойлович, смотрит на меня уже каким-то иным, решительным взглядом и начинает:

— Вам только и скажу... И он человек хороший, а она еще лучше... Як ридна доня, заботится обо мне, приглядывает за старым, одиноким человеком...— Он вытирает глаза и опять по-русски говорит: — Извините за мою некультурность... Я не говорю, что Максим Володимирович — несчастный человек, однако же не счастливый... Только вам скажу... Когда бы мы ни ехали мимо его родной деревни ночью, непременно остановится возле кладбища. Я, конечно, сижу в машине, жду. А раз пошел за ним следом. Потому, как долго очень они, Максим Володимирович, не возвращались. Подошел, гляжу... А он упал грудью на могилу и плачет... как дитя, плачет... Вы знаете, конечно...

Да, Микита Самойлович, я знаю, я как будто только сейчас вспомнил, что там, на кладбище, лежат первая жена Максима и первый сынок, расстрелянные немцами, когда он ушел в партизаны. Я не знаю даже имени той женщины, не видел никогда и мальчика. Только слышал: наша простая деревенская молодица, которая в панскую тюрьму посылала своему Максиму ломоть черного хлеба, вырвав его у себя изо рта, писала, оставляя следы слез на смешных, неуклюжих каракулях, что мальчик все спрашивал: "Где папа?"

— Извините за мою некультурность...— Старый гуцул Намисто глядит на меня и спрашивает, точно просит: — Мы ей никогда об этом не расскажем?.. Мария Матвеевна такая добрая... Не надо...

...Я один. Из окна автобуса гляжу на желтолистые березки и бурую пожню гречи вдоль дороги, гляжу на яркую, спокойную вечернюю зорю и думаю, шепчу без слов:

«Милая Маша! И в самом деле, может, нам лучше никогда не знать об этих его ночных слезах?»

Мать

Шла жатва, и она с каждым днем уставала все больше. Жаркая духота давила на немощную грудь. А работать надо, хотя туман застилает глаза... И она жала, никому ничего не говоря.

Вечером, возвращаясь домой со своим младшим, в то страшное лето единственным в хате сыном-подростком, старуха едва передвигала ноги, разбитые годами беспросветного труда... Поблекшие глаза ее, казалось, глядели на мир из-под низко надвинутого платка совсем безразлично... Однако она многое замечала. Вот, неожиданно остановившись, она оглянулась на своего хлопца, который тоже с серпом на плече почтительно шел сзади, сдерживая шаг, по-пастушьи «поклевывая» сладкий ржаной колосок.

— Гляди, Василь, как упирается... Эх! Держись, горемыка, стой!..

Сын перестал на миг «клевать», глянул в ту сторону, куда она показывала. За большой узорной дерюгой чересполосицы, где-то далеко-далеко за холмом потухала заря, а совсем рядом с межой, по которой они шли, стояла понурая копенка жита. Утром по нивам с горы в долину низом прошелся вихрь и надвинул копнам шапки на самые глаза. Мало того, ту, что послабей поставлена, так и всю наклонил, почти перевернул совсем. Та, на которую показала мать, склонилась всеми снопами вдогонку утреннему ветру, улетевшему уже на другой конец света, но не хотела упасть. И старая жнея улыбнулась, глядя на нее почти с такой же любовью к жизни, как в те годы, когда она была еще батрачкой в

панском имении и не знала устали, бегая возле чужого счастья.

Когда межа уперлась в большак, мать с сыном повернули влево и пошли тропкой, протоптанной в траве обочины, все так же: она — впереди, он — сзади. Справа высоко поднималась насыпь дороги, слева время от времени рядом гудели телеграфные столбы. Прогудит один, потом идешь, и вот опять стоит и гудит, словно живой, так печально, даже зловеще, жутко бормочет.

На одном столбе, уже недалеко от поворота на их хутор, старуха заметила белое пятно бумажки на уровне глаз. Прошла мимо: некогда на все обращать внимание... Потом остановилась. Сказать сыну, чтоб взглянул, не успела: он уже сам читал, бросив «клевать» колосок. Прочитав, содрал бумажку, изорвал на клочки и швырнул их, словно пригоршню песку, кому-то невидимому в глаза.

— Что это?

— Чтоб не давали есть бойцам. Чтоб доносили на них полицаям... Обещают водки и табаку...

— Пусть бы себе висело, сынок... Неужто их кто-нибудь послушает?..

Сын помолчал.

— Будут расстреливать тех, кто не послушает... Всю семью... И хату спалят...

— На все божья воля...

Они пошли дальше, опять друг за другом, молча.

Дома, в сенях старой хаты, года четыре тому назад — еще при панской власти — выдворенной из деревни на хутор, мать заткнула свой серп в щель над косяком. Сын сделал то же. Она обеими руками поправила платок, сверху вниз крепко провела по лицу, как бы снимая с глаз усталость, и уже хотела сказать, что вот подоит только корову и будут вечерять...

— Я пойду в деревню, — опередил ее Василь.

— Опять! — скорее испуганно, чем сердито, крикнула она. А потом решила взять лаской: — Не ходил бы ты лучше... Завтра ведь рано вставать...

— Ну что ж, и встану.

— Так хоть поужинал бы.

— Я скоро приду.

— Знаю я это «скоро»... — Попробовала еще припугнуть: — Ой, находишься ты! Доведет тебя этот Озареночек! Попомнишь ты мое слово!..

— Ничего, мать. Уже испугалась?..

— Вот тогда посмеешься! Нашел, чем шутить!.. По-твоему, я слепая — не вижу, или глупая — ничего не понимаю?..

Он вспыхнул:

— Еще чего, будет учить!..

И ушел.

Опять дожидаться целехонькую ночь!..

Вскоре старая хата среди серого, уже поночному однотонного поля устало потушила огоньки окон...

. . . .

Мать не спит.

Возле этого хутора фронт — трагическое начало войны — прошел, как внезапно налетевший вихрь, и верхом и низом. Ревели самолеты, рвались бомбы, грохотали танки, бежали по хлебам солдаты... Пронзил этот вихрь и душу: он неожиданно вымел из хаты обоих старших сыновей. Степан только в позапрошлом году, когда пришли товарищи, вернулся из панского острога, дождавшись наконец того, за что принимал му́ку. Владек, самый старший, хозяин, мобилизованный панами летом тридцать девятого года, только к заморозкам принес осьмушку вшей из немецкого лагеря. И вот ушли ее хлопцы опять, теперь уже на восток. И не возвращаются, как иные... Не успели и ожениться — так быстро пролетело время их долгожданной воли. Владек только лесу навозил, чтоб новую хату рубить. Степан сидел в сельсовете, председателем. А Василь — этот учился две зимы в Новогрудке...

Да, тех нету. Бог святой ведает, что будет дальше... А этот, последний, не хочет сидеть дома, ищет беды. Дождалась — даже не скажет, куда и зачем!..

...Они пришли еще затемно. Старуха не спала от боли в ногах, и осторожный стук в окно не разбудил ее, а просто напугал... Пока она подняла с подушки голову, пока в этой седой простоволосой голове сто раз шевельнулась мысль — кто это? — и даже радость — а может быть?.. — пока она успела встать, послышался до шепота приглушенный голос:

— Хозяин!.. Хозяин, открой!

Как ведется спокон веку, она сначала прижалась лбом к стеклу, поглядела... Потом вышла в сенцы, дрожащими руками вытащила задвижку и отворила дверь. Теперь стало совсем ясно то, о чем она сразу догадалась: это они, бойцы...

Один из них — сколько было всех, не успела сразу заметить в матово-прозрачных предрассветных сумерках, — один подошел к ней и все еще шепотом не то сказал, не то спросил:

— Мать?.. Ты нам хлебушка дай, родная... Из лагеря бежали... Ты не бойся, мы сразу же уйдем...

Серый и гладкий телеграфный столб со зловещим гудением проплыл перед ее глазами... И на нем та самая бумажка, что разорвал ее хлопец... Мелькнула мысль, тревогой сжав сердце: а он еще не вернулся!.. Белое пятно бумажки метнулось вместе со столбом вдаль и исчезло. Осталось только страшное, небритое лицо человека с большими глазами... Остались только они — теперь уже хорошо видно — четверо.

— Заходите, ребятки! Я вам хоть молочка... Хоть жажду прогнать... А лампу зажигать не будем...

Последние слова она произнесла, уже перешагнув порог.

. . . .

И на большаке и в местечке, на всем так хорошо знакомом и таком же коротком теперь пути от родной хаты до свежей ямы в лопухах добрые люди видели ее мученический поход. И всем было понятно, куда и за что.

Четверо босых, в солдатских лохмотьях мужчин, с руками, скрученными назади колючей проволокой, по двое шли следом. Ей фашисты сделали снисхождение: не связали рук. В конце концов они ее не боялись так, как этих безоружных, обессиленных беглецов. Один из солдат, еще совсем мальчишка, недавно остриженный под машинку, изо всех сил старался не упасть и, глядя на товарищей, как и они, поднимал голову повыше.

Свои худые, так мало в жизни целованные руки она сложила мозолями к мозолям. Шептала собственные, совсем новые слова молитвы. И в утреннем свете родного солнца ясным было ее родное лицо, хотя по морщинам невольно катились слезы. Она и здесь не думала о себе. Где он, ее Василек, почему не вернулся?.. Как хорошо, что он не пришел, не прибежал даже на пожар родной хаты!.. Видно, далеко уже где-то сынок, видно, откопали-таки они с Озаренком свои пулеметы... Где они, Владек и Степан?.. Сохрани их, боже, всех троих, от пуль, дай им всем увидеть материнскую могилу!.. И тут ее сердце возвращалось к этим, к чужим сыновьям, с которыми ее так прочно сроднила доля... Она слышала их шаги, шарканье босых ног по гравию, слышала тяжелое дыхание...

Жарко дышали клыкастые глупые пасти овчарок. Черной сталью поблескивали в голых до локтя, загорелых руках автоматы... Время от времени на обочине гудели телеграфные столбы...

Мать не ведала, кто она. Она не догадывалась, что не только с ужасом глядят на ее путь встречные; что образ ее останется в сердце многих мужчин горьким, неумолимым укором; что даже сильные люди будут вспоминать ее глаза и руки, прогоняя из души последний страх перед ночной атакой.

Перевел с белорусского
А. ОСТРОВСКИЙ.

Пятьдесят золотых лет

В. ПОЛЫНИН

Фото О. Кнорринга.

«В нашем селе состоится событие. Пятьдесят лет в счастливом супружестве пробыли Иван Григорьевич и Екатерина Михайловна Котовы, и собираются они отметить свой праздник торжественно, хотя в семейном кругу». Так сообщало нам письмо.

Когда слезы бывают не горькими...

Вот по какому поводу мы и прибыли в село Безводное, Кстовского района, Горьковской области. Безводным село называется не случайно. Хотя оно стоит на многоводной Волге, но судьба закинула почти половину деревенских домов на такой откос, что оттуда не докопаться до воды. Оттого до последнего времени, пока не провели по селу водопровод, который был встречен более восторженно, чем электричество и радио, нагорные жители поднимали воду на плечах по узкой крутой лестнице в 459 дощатых ступенек.

По этой самой лестнице хотя потихоньку, но зато без передышки и, главное, без особого труда забираются на свою Комсомольскую улицу к своему каменному в три окна дому Иван Григорьевич Котов и его верная подруга жизни Екатерина Михайловна. К этой немаловажной детали в описании их портрета следует добавить, что Ивану Григорьевичу пошел уже семидесятый год. Про возраст Екатерины Михайловны скажем просто, что она моложе.

В настоящее время оба они, по их словам, «отошли от дел и сидят дома», хотя персональный пенсионер Котов никогда не отказывается от общественных и партийных поручений. Екатерина Михайловна действительно не работает больше в колхозе и отошла от дел, если не считать, что на ее плечах до сих пор лежит все немалое домашнее деревенское хозяйство и воспитание подрастающего поколения. Но в нашем государстве дело это принято считать почетным, иначе не наградили бы Екатерину Михайловну орденом «Материнская слава».

О том, как встретились, полюбили друг друга Ваня Котов, кустарь, тянульщик медной проволоки, и Катя Гладкова, ткачиха медной металлической сетки, как поженились они и прожили в счастье и в согласии полвека, не расскажешь двумя словами. Но одной подробности из их биографии никак упускать нельзя: как только победил Октябрь и гренадер Иван Котов вернулся с фронта домой, он тут же вступил в Коммунистическую партию.

Он вступил в партию потому, что еще мальчишкой познакомился с подпольной работой сормовских рабочих, которые приезжали

Внучку Таню, рассылавшую приглашения, выручала техника.

из Нижнего Новгорода в Безводное на конспиративные совещания. Сам видел, как его будущий тесть, друживший с сормовичами, вел по Безводному в 1905 году демонстрацию кустарей с красными флагами и революционными песнями. Сам распространял по поручению сормовичей прокламации и листовки. На его глазах казаки схватили тестя и увезли в нижегородскую тюрьму.

...Семья Котовых окружена уважением не только жителей села, но и всего района. Оттого с охотой приняли друзья приглашение пожаловать на семейное торжество.

Гостей собралось столько, сколько могло уместиться за столами, уставленными винегретами, соленьями, заливными, маринадами, домашними пирогами, среди которых возвышалось произведение кондитера-профессионала из Горького, изготовившего специальный бисквитный торт с надписью розовым кремом «Золотая свадьба».

Супругов приветствовали друзья и представители различных организаций. Без официальных поздравлений обойтись не удалось. Секретарь райкома партии тов. Миляев преподнес подарок, потому что юбиляр — один из старейших членов партии в районе. Промысловая артель имени Ленина не могла не поздравить бывшего искуснейшего кустаря, который еще полвека назад умел тянуть на старом оборудовании—

«За встречу на бриллиантовой!»

«Горько!»

без алмазов, как теперь,— тончайшую, тоньше волоса, и едва видимую глазом медную нить. Не меньший специалист и Екатерина Михайловна. Она, в те еще времена, из той медной паутинки, работала частую, как ситец, металлическую медную сетку. «Так что примите, пожалуйста, дорогие Иван Григорьевич и тетя Катя, этот, нашего производства, умывальный прибор».

Маслов, председатель сельсовета, поздравлял «молодых» от лица Советской власти и вместе с тем от себя лично: Иван Григорьевич был его, Маслова, предшественником. Сельпо приветствовало Ивана Григорьевича как своего непременного члена правления — честного, аккуратного, принципиального ревизора.

Почетным гостем была старая учительница В. Н. Архангельская. В разгар пиршества кто-то поднялся с места и предложил:

— Товарищи, поднимите руки, кто был учеником Валентины Николаевны!

Это сделали почти все. Даже Аркадий Иванович Ухабин, старый товарищ Ивана Григорьевича, его ровесник, первый председатель Безводнинского волостного исполнительного комитета. И в этом нет ничего удивительного: Валентина Николаевна Архангельская преподает в селе сорок два года. Среди бывших учеников Валентины Николаевны теперь можно найти прокурора и врача, ученого и инженера. Десять учителей Безводнинской средней школы — выходцы из этого же села и учились у Валентины Николаевны.

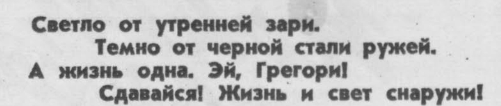
Не без участия старой учительницы вышли на большую дорогу второе и третье поколения Котовых. Старшая дочь, Мария,— машинистка, Александра — библиотекарь, Галина — контролер сберкассы, Виктор — слесарь, Надежда — сборщица, Лидия, самая младшая, — зубной врач. У Валентины Николаевны учился и старший сын Котовых, Геннадий, погибший на войне. Третье поколение Котовых — Ася стала преподавательницей немецкого языка, а Владимир, сын Александры, и сейчас учится у Валентины Николаевны.

В приволжских селах до наших дней сохранился почти весь торжественный ритуал свадебного обряда. Но золотую свадьбу праздновали здесь впервые за всю историю села. Оттого и дружка, секретарь колхозной партийной организации, был в некоторой растерянности и дирижировал праздником не совсем уверенно. Но это не помешало веселью, и «молодым», как пятьдесят лет назад, кричали «горько». Произносились тосты за здоровье юбиляров, за непременное празднование бриллиантовой свадьбы, что состоится ровно через двадцать пять лет, пили за «лучшее и красивейшее в мире село Безводное» и за родную Советскую власть.

Потом дружно, по-волжски окая, пели «Вот кто-то с горочки спустился», «Рябинушку», «Сережу-пастушка», а Иван Григорьевич персонально запевал «Кукушечку» и обнаружил голос низкий, слух музыкальный и даже способности артистические. Сын Виктор аккомпанировал хору на хромке. Зять Михаил, фотограф-любитель, истязал поющих слепящими вспышками фотолампы, обещая, как и все фотографы, в виде расплаты карточки. Молодежь отплясывала «Русскую», старики отхлопывали ритм.

Гуляли с восьми вечера до пяти утра.

С завидной бодростью держались на своей золотой свадьбе Иван Григорьевич и Екатерина Михайловна. Сохранили «молодожены» кипучую жизнерадостность и неистощимую энергию, вероятно, потому, что хоть и не всегда легкими были для них эти совместно прожитые пятьдесят лет, но зато были они счастливыми, золотыми.

Баллада о Грегори Афксендиу

Грегори Афксендиу был одним из руководителей кипрских патриотов. Он пал смертью героя в неравном бою: сто британских солдат штурмовали пещеру, в которой находился этот бесстрашный воин.

В английском лейбористском еженедельнике «Трибюн» опубликована «Баллада о Грегори Афксендиу», подписанная псевдонимом «Аноним». Здесь же приводится выдержка из английской буржуазной газеты «Таймс». Преуменьшая число солдат, штурмовавших пещеру, до шестидесяти, газета сообщает о гибели Грегори Афксендиу, чье тело было найдено «объятым пламенем». По словам «Таймс», бывший английский губернатор Кипра Джон Хардинг «обратился к солдатам полка герцога Веллингтонского, поздравляя их с успехом».

Светло от утренней зари.
Темно от черной стали ружей.
А жизнь одна. Эй, Грегори!
Сдавайся! Жизнь и свет снаружи!

Пока ты спал, пришла беда:
Враги устроили засаду.
Тому, кто их привел сюда,
Пять тысяч выдадут в награду.

На языке твоем родном
К тебе летит за словом слово:
«Сдавайся! Помни об одном:
В плену увидишь солнце снова!»

В пещере было пять друзей,
И ночью страх им был неведом,
Но лишь один остался в ней,
А четверо ушли с рассветом.

Твои друзья отвергли тьму.
Эй, Грегори, им жизнь дороже!
Меняй пещеру на тюрьму,
Не медли сам, сдавайся тоже!

Солдаты в нескольких шагах.
«Входите! — крикнул он. — Я встречу!
Я жду с винтовкою в руках!»
Был этот зов последней речью.

У входа шестьдесят стоят,
А там, где мрак и днем чернеет,
Один, но он храбрей солдат,
И шестьдесят войти не смеют.

Ружейный залп гремит в ответ.
Свист пуль в зияющем провале.
О, Грегори, и жизнь и свет
Теперь увидишь ты едва ли.

Ты ранен, ранен, Грегори,
Теперь уже не стыдно будет,
В спасенье двери отвори,
Никто за это не осудит.

Но он прочнее, чем гранит,
И бой кипит, а солнце низко,
И небо медленно горит
В лучах тускнеющего диска.

Пускают пулеметы в ход,
Гранаты, газ слезоточивый,
Чтоб опечатать грозный вход
Печатью смерти молчаливой.

И вот в пещеру наконец
С бензином вкатывают бочки,
И зажигает их свинец
Во тьме трассирующей строчки.

Но Грегори еще живой,
И шестьдесят еще у входа,
А лес вечернею листвой
Шумит, шумит, как непогода.

Взрывчатка в битву введена.
Идут саперы с динамитом.
И смолкли ружья. Тишина.
Его не взять в бою открытом.

Дымится шнур в ночной тиши...
Когда устанет стая гончих,
Любые средства хороши —
С оленем загнанным покончить!

Раздался взрыв, как гром, в горах,
И сердце перестало биться,
И шестьдесят, осилив страх,
Вошли в молчащую гробницу...

Был губернатор потрясен,
Он им воздал и честь и славу,
И в боевом приказе он
Победою назвал расправу.

Бессмертен подвиг смельчака.
О, Грегори, в своем народе
Ты жив и будешь жить века,
Герой, мечтавший о свободе!

Перевел с английского **А. МАМОНОВ.**

Конец полосатого заговора

СИРИЯ
ДАМАСК

Ник. ДРАЧИНСКИЙ
Специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

В приюте «крошки Бикепси»

«Мужчины да содержат женщин»,— гласит Коран, священная книга восточной мудрости. Крошка Бикепси никогда не читала Корана, но, потеряв клиентуру в Штатах, отправилась искать удачи на Восток. Она с завистью прочла в газете о какой-то своей соотечественнице-танцовщице, которая познакомилась в бейрутском кабаке с одним из многочисленных саудовских принцев. Он ей выписал чек на такую сумму, что танцовщица вначале перепугалась, а затем позвала полицию, чтоб та официально засвидетельствовала подарок. Бикепси не подвернулся такой расточительный покровитель, она кое-как перебивалась сначала в Бейруте, затем перекочевала в Дамаск.

Однажды Бикепси познакомилась с коренастым господином, пользовавшимся слуховым аппаратом. Он сказал, что ей не мешало бы обзавестись хорошей квартирой. Она стеснена в средствах? Это ничего, он поможет. Так появилась у Бикепси уютная квартира на улице Рауда.

Сюда часто заходили мужчины, и поэтому ни у кого не вызвало удивления, когда поздним вечером в субботу 3 августа трое мужчин позвонили у входа. Это были капитан Абдаллах, Надим и Стоун. Они вошли в темный коридор, и только после того, как захлопнулась наружная дверь, вспыхнула лампочка. Капитан увидел, что дверь им открывал высокий, громоздкий человек с рыжими волосами — мистер Джетон, вице-консул Соединенных Штатов в Дамаске.

Откуда-то выпорхнула Бикепси, но Стоун так на нее глянул, что она мгновенно исчезла. Все прошли в комнату налево от входа. Капитан Абдаллах осмотрелся. Окно плотно зашторено. Радиоприемник, вентилятор, пуф и широкий диван.

Трое сели на диван, а Стоун уселся напротив на пуфе и стал говорить о бедствиях, которые угрожают Сирии.

— Сирийская делегация поехала попрошайничать к Советам. Смотрите,— Стоун зашуршал газетой.— Глава делегации Халед Азем произносит в Москве речи о дружбе. Смешно. Эта дружба с красными приведет страну к катастрофе. «Большой прием в гостинице Советская», — читал Стоун. — Совет-ска-я! С этими коммунистами надо кончать. До тех пор, пока не будет покончено с коммунистической опасностью, на Ближнем Востоке не будет мира и процветания.

Абдаллах шейх Атие возражал. Тревожную обстановку, как он полагает, создает политика Америки, которая содержит на свои деньги Израиль, посылает ему массу оружия, а он непрерывно угрожает арабским странам, напал на Египет.

— Прежде всего нужно покончить с красной опасностью, — не унимался Стоун. — Если Сирия пристанет к американскому берегу, мы гарантируем, что Израиль будет сидеть смирно. Вы же понимаете, что без нас он и пальцем не пошевелит...

Американец долго развивал свой план. Ирак, Иордания, Ливан и Сирия должны объединиться под покровительством США. Египет будет изолирован. Но для этого нужно устранить некоторых людей в сирийском правительстве, как это было в Иордании.

Поскольку шейх Атие больше не спорил, Говард Стоун перешел прямо к делу. Он спросил Абдаллаха, какие военные силы находятся в его распоряжении, сколько солдат, танков, легкого оружия, сколько офицеров он может завербовать для дела из числа своих друзей и подчиненных. Капитан вспылил:

— Это уж слишком! Я офицер. Мне кажется, что у вас вообще нет еще людей и вы хотите сделать меня орудием, чтоб я вербовал для вас соучастников сомнительного дела!

Абдаллах вскочил и решительно направился к выходу, но Стоун загородил ему дорогу:

— Постойте, капитан. Вы зря горячитесь, ибо не представляете себе еще обстановку.

Американец заговорил о размахе «движения», как он деликатно именовал заговор. Гарнизоны Халеба, Хомса, Кабуна, Кутейфы готовятся к совместному выступлению. Он пригласил сюда капитана просто для еще большей уверенности в успехе дела. Капитану нужны доказательства? Он познакомит его с некоторыми участниками, одни имена которых говорят сами за себя. Кроме того, он будет иметь свидание с самим «шефом». При этом Стоун и рыжий консул переглянулись и загадочно улыбнулись.

Капитан снова сел на диван. Стоун стал расспрашивать Абдаллаха о других видных офицерах. Назывались имена генерального инспектора армии генерала Талеба Дагистани, полковников Аши, Каббани и других. Но Абдаллах не мог определить, кто же из них причастен к заговору.

Затем Стоун упомянул о полковнике Ибрагиме Хусейни. Хусейни был военным атташе в Италии и находился в Риме.

— Хусейни — образованный и сильный человек,— сказал капитан.— Он крупный офицер, а занимает пост всего-навсего какого-то атташе. Но я думаю, он не станет участвовать в этом деле.

Стоун рассмеялся:

— Он уже давно участвует и абсолютно надежен. Именно по его совету мы и обратились к вам.

— Хусейни — мой старый друг, — сказал Абдаллах.— Если он участвует в движении, я готов присоединиться. Что вы, собственно, мне предлагаете?

Стоун просиял. Он не мог скрыть своей радости. Он стал пространно говорить о составе будущего правительства. Оно будет сформировано из представителей оппозиции и некоторых эмигрантов.

— Эти люди имеют административный опыт, — говорил американец. — Но правительство лишь для виду. Вся власть — военным. Для того, чтобы возглавить власть, есть широко известный, сильный и верный человек.

— Кто? — спросил Абдаллах.

— Вы узнаете об этом в свое время и встретитесь с ним, — пообещал Стоун.

Он говорил уже сухо, как бы отдавая приказания. Нужно прежде всего подготовить своих офицеров и привлечь других. Для этого Абдаллах получит достаточно денег. Конкретные указания о действиях в момент выступления он получит от самого «шефа».

— Подумайте о танковом гарнизоне Катаны. Для успеха выступления очень важно его изолировать и обезвредить.

Район Дамаска, где расположены многие посольства и консульства иностранных государств.

См. «Огонек» № 3.

...Было уже совсем светло. Человек, который вот уже несколько часов, не отрываясь следил за окнами особняка с противоположной стороны улицы, устал. Без двух минут шесть дверь наконец открылась, и на пороге показались двое: высокий рыжий и серый, неприметный. Человек без труда узнал в них американцев. Они осмотрелись по сторонам и пошли по улице со скучающим видом. Затем рыжий вернулся и дважды нажал кнопку звонка, но не стал дожидаться, пока откроют дверь, а догнал своего спутника. Оба скрылись. Через десять минут дверь снова открылась. Вышли Надим и капитан Абдаллах.

Омар Хайям и «Форд» № 7175

Человек в наше время, даже если он не министр, а лишь ресторатор, должен зорко следить за политической ситуацией и предвидеть ход событий. Иначе он может попасть впросак, как это и случилось с одним владельцем ресторана в Дамаске.

Ресторан у него был неплохой, отделанный мореным дубом, с буфетом и музыкальным автоматом. Хозяин не поскупился на затраты, устроил свое заведение по европейским образцам и назвал его по-французски: «Тур д'аржан» — серебряная башня, хоть никакой, даже глиняной башни поблизости не имелось. Однако, когда Франция совместно с Англией и Израилем напала на Египет, возмущение сирийцев было столь велико, что хозяину пришлось пышную французскую вывеску поспешно снять. Он долго размышлял и решил, что наконец нашел незыблемое имя для своей харчевни: однажды вечером над входом вспыхнули огненные буквы «Америкэн бар».

Но тут появилась на свет пресловутая американская доктрина заполнения вакуума. Заокеанские колонизаторы, желая подчинить себе Сирию, повели против нее «войну нервов». Американское название харчевни отпугивало посетителей. Столики снова пустовали.

Сейчас ресторан вовсе лишен вывески. Хозяин, расстроенный неудачами, не знает, как его назвать. Администратор заведения мосье Арам говорил мне:

— Хозяин решил продать дело. Потерпел большие убытки.

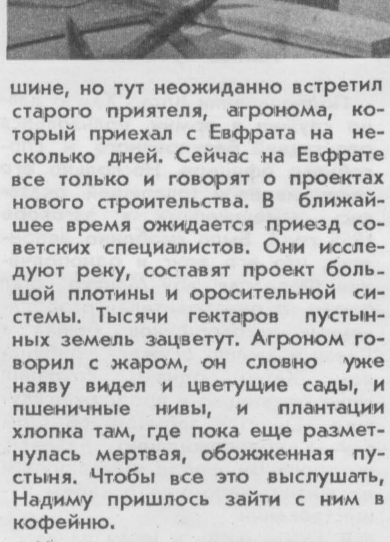
Правда, мосье Арам в погоне за клиентурой ввел в меню новое блюдо — «русский борщ», чем надеялся восстановить популярность ресторана; но хозяин твердо решил избавиться от хлопотливого предприятия.

В том же квартале, однако, есть еще один ресторан, который благополучно процветает, не испытывая потрясений. Он называется «Омар Хайям». Никто уже не помнит, сколько лет он существует: может, сто или двести, а может, и все 835 лет, прошедшие с того дня, как умер великий певец-жизнелюб, столь поэтично воспевший радости жизни.

«Омар Хайям» — харчевня небольшая, на вид невзрачная, без шика. Несколько столиков, покрытых белой клеенкой, стоят внизу, четыре — на антресолях. Но зато все восхитительные дары арабской кухни ожидают здесь посетителей. Во всем Дамаске вы не найдете такого вкусного, пахучего и сочного кебаба — традиционного восточного блюда. Кушанья сдобрены ужасающими порциями острейших приправ: кажется, будто глотаешь раскаленные угли. Особой гордостью харчевни является «Арак маа маза». Арак — это крепкий напиток, вроде водки, с сильным запахом аниса. Его обычно пьют, разбавив ледяной водой, отчего прозрачная до этого жидкость становится белой, как молоко. Вместе с крошечным пузырьком арака подается маза — двадцать пять тарелочек с разнообразными закусками, где есть и сырая печенка, и овечий сыр, и бараний язык, и тертый тахинн, и масса других деликатесов, искушающих посетителя, которому в этот момент невольно вспоминаются стихи Омара Хайяма:

Увы, не много дней нам здесь
пробыть дано,
Прожить их без любви
и без вина грешно.

Но человек, который сидел за столиком на антресолях в ресторане «Омар Хайям» 9 августа 1957 года, вина не пил. Это был капитан Абдаллах шейх Атие. Он лениво потягивал уже остывший кофе и поверх газеты, которую держал в руках, поглядывал на дверь. Была пятница — праздничный день у мусульман, когда в городе не работают правительственные учреждения, закрыты многие магазины и мастерские. В дверях появлялись все новые посетители, но Надима среди них не было. Приятель запаздывал. Абдаллах уже допивал третью чашечку кофе, когда наконец появился Надим. Он быстро поднялся наверх и положил перед приятелем пухлый белый конверт, перехваченный аптекарской резинкой.

— Ну, как? — спросил шейх.

— Инша Алла! — ответил Надим традиционным арабским выражением, которое приблизительно означает: «Как хочет Аллах». Посмотрев на часы, он добавил:

— Нужно торопиться, ровно в полдень мы должны быть на площади Мухаджерин.

По дороге Надим рассказывал Абдаллаху последние новости.

Вчера он должен был увидеться с Говардом Стоуном, но вместо него явился другой американец, рыжий Джетон. Он был необыкновенно осторожен и сказал, что Стоун занят делом чрезвычайно важным, сейчас уехал в Бейрут и поручил передать инструкции. Нужно свести к минимуму личные контакты с американцами, чтоб не посеять подозрений. Люди Сараджа шныряют повсюду, и сам начальник Второго бюро генштаба не такой человек, которого можно легко провести.

Деньги для капитана Абдаллаха Джетон обещал передать Надиму на следующий день — в пятницу. В этот день утром он должен подойти к кинотеатру «Фордос». На противоположной стороне улицы будет стоять автомобиль фирмы «Форд» с номером 7175. Надим сядет в машину и в выдвижном ящичке около руля найдет приготовленные деньги — десять тысяч фунтов. Затем на этой машине следует дважды проехать мимо кинематографа «Фордос». Это будет означать, что все в порядке, а затем они с капитаном явятся на следующее свидание.

Сегодня утром Надим, как было условлено, пришел к кино «Фордос», увидел «Форд» № 7175, стоявший неподалеку. Надим было уже направился к машине, но тут неожиданно встретил старого приятеля, агронома, который приехал с Евфрата на несколько дней. Сейчас на Евфрате все только и говорят о проектах нового строительства. В ближайшее время ожидается приезд советских специалистов. Они исследуют реку, составят проект большой плотины и оросительной системы. Тысячи гектаров пустынных земель зацветут. Агроном говорил с жаром, он словно уже наяву видел и цветущие сады, и пшеничные нивы, и плантации хлопка там, где пока еще разметнулась мертвая, обожженная пустыня. Чтобы все это выслушать, Надиму пришлось зайти с ним в кофейню.

Наконец ему удалось улизнуть от некстати появившегося друга, он добрался до «Форда», нашел в ящичке конверт, перетянутый резинкой, и совершил два круга на машине. А когда хотел поставить машину на место, оно оказалось уже занятым. Эти улицы всегда запружены лоснящимся автомобильным стадом, и найти место не так просто. Он потерял еще много времени и поэтому опоздал...

Сейчас им обоим нужно быть на площади Мухаджерин. Вчера рыжий сказал, что в полдень туда приедет Стоун с женой в автомобиле с дипломатическим номером 157. Они сделают два круга, остановят машину на площади, выйдут и сделают вид, что прогуливаются. Это означает: совещание с одним из руководителей заговора будет на следующий день, в субботу. Если же по каким-либо причинам Стоун с женой не приедут сегодня, то они появятся там же в субботу в 15 часов 30 минут. Тогда совещание состоится в воскресенье, в том же месте, в тот же час. Место — улица Рауда, дом № 6. Время — 23 часа ровно.

Друзья целый час просидели в летнем кафе на раскаленной и пустынной в это время дня площади, но дипломатический автомобиль так и не появился.

В столице Сирии повсюду видны леса новостроек. Арматурщик Хамед Саба работает на строительстве нового здания на площади «Семи озер».

Невидимая война

«Обвинительный акт по делу об американском заговоре» начинается словами: «От имени сирийского народа...». В нем говорится о борьбе Сирии за независимость и о стремлении империалистов взорвать республику изнутри. На этот раз «...политики Белого дома выбрали Говарда Стоуна. Нет нужды специально характеризовать этого человека, у которого жажда преступлений была столь же велика, как стремление голодного волка видеть кровь своей жертвы».

Говард Стоун торопился. Ему нужно было в короткий срок навербовать как можно больше заговорщиков. Но на кого опереться? Остатки из числа лидеров национально-социальной партии бежали в Ливан. Стоун знал, что это люди, готовые на все. Кто еще? Некоторое число бывших офицеров, скомпрометировавших себя связями с заговорщиками и уволенных из армии. Может быть, кое-кто из оппозиции правительству? Но на этих нельзя твердо положиться. Вот и весь его актив. Для организации переворота Стоуну нужны были офицеры, имеющие в своем распоряжении воинские части. В конечном итоге дело должны решать пулеметы и танки.

Он приказал эмигрантским лидерам национально-социальной партии установить связь с армейскими офицерами, на которых они могут рассчитывать. Завербо-

Река Барада рассекает город пополам.

ванный ранее военный атташе в Италии полковник Хусейни получил задание подобрать и рекомендовать кандидатуры офицеров для привлечения к заговору. Говард Стоун развил бурную деятельность. Но он не хотел повторять ошибки прошлых заговоров и поэтому организовал конспирацию по-новому.

«Он не нашел иного способа, как выйти на арену самому вместе со своими помощниками», — говорится в обвинительном акте. Стоун создал систему разъединенных между собой мелких звеньев по 2—3 заговорщика, одним из которых был американец. Если одна группа будет раскрыта, нить прервется в американском посольстве, огражденном дипломатической неприкосновенностью, куда полиция безопасности не может проникнуть. «Таким образом, Стоун осуществлял свои планы, злоупотребляя дипломатической неприкосновенностью, используя служащих американского посольства, их дома и автомобили», — отмечается в обвинительном акте.

Второе бюро генерального штаба получило первые сигналы о готовящемся заговоре еще за несколько месяцев до описываемых событий. Как в тумане, появлялись отдельные точки, которые пока трудно было слить в одну линию. Надо было терпеливо распутывать предательскую сеть.

Начальник Второго бюро 32-летний подполковник Абдул Хамид Сарадж разгадал тактику американского «специалиста по заговорам». Но он понял также, какие огромные трудности встали перед учреждением, отвечающим за безопасность страны. Разоблачение одной или двух разобщенных ячеек в сети заговора ничего не дало бы. Нужно найти всю цепь или выявить хотя бы главные ее звенья и нанести решающий удар. Нельзя торопиться, но и немыслимо упустить момент.

Разгорелась борьба против заговорщиков, тихая, скрытая от взоров посторонних, но ожесточенная и смелая. Решающую роль в успехе этой борьбы сыграли патриотизм и национальное достоинство сирийских офицеров.

Когда Надим рассказал Абдаллаху о своей первой беседе со Стоуном, они сразу же отправились в генеральный штаб и обо всем доложили командованию. В ответ получили приказ: принять предложение войти в заговор, узнать планы и выявить как можно большее число участников.

Сейчас, возвращаясь с площади Мухаджерин, капитан Абдаллах и Надим снова отправились в штаб. Там они сдали деньги в белом конверте. Принимавший их офицер слегка пожурил Надима за то, что тот не взял первой суммы, предложенной ему Стоуном.

— Республика ведет большие строительные работы, нужны средства, а вы отказались! — рассмеялся офицер и тут же серьезно добавил: — Мы имеем сведения, что на этих днях должно произойти нечто очень важное. Будьте начеку.

Голоса прошлого

Подполковник Катар Хамзе давно служил в армии, пользовался репутацией безупречного и способного офицера. Несколько его сослуживцев и товарищей оказались замешанными в заговоре 1955 года. Было особенно неприятно, что его друг и однополчанин Фаддалах абу Мансур стал одним из руководителей разоблаченных заговорщиков, бежал в Ливан и заочно осужден трибуналом. Катар, однако, сохранил свою репутацию и продолжал служить. Он стал забывать об этом случае, но неожиданно человек, которого он считал вычеркнутым из жизни, напомнил о своем существовании.

В конце июня к нему на квартиру явился некий молодой человек в штатском.

— Лейтенант Махмуд Неемэ, уволенный в запас, — представился он. Лейтенант осмелился нанести визит господину подполковнику дома, чтоб просить его помощи. Дело в том, что дисциплинарный совет недавно вынес постановление уволить его в резерв. Он ни в чем не виноват. Это все лишь придирки всесильного командира Мустафы Хамдуна. Несмотря на то, что председатель дисциплинарного совета Сухейни Аши хотел ему помочь, Хамдун настоял на увольнении. Но он страстно хочет снова служить в армии и просит ему помочь. Просьба эта исходит не только от него, робко добавил Неемэ, но и от друзей господина подполковника, ныне проживающих в Ливане.

По лицу Катара пробежала тень.

Уволенный лейтенант продолжал говорить о порядках, заведенных в армии, о бедственном положении страны и добавил, что все это будет изменено.

— Что вы хотите сказать? — строго спросил Катар.

— В армии существует движение, которое стремится изменить положение вещей.

— Новый заговор?

Махмуд ответил, что он не уполномочен обсуждать детали этого дела, но пришел к подполковнику по поручению руководителей национально-социальной партии, обосновавшихся сейчас в Бейруте. В движении участвует и Фаддалах абу Мансур. Для Катара имеется письмо...

В льстивых выражениях авторы письма воздавали хвалу Катару Хамзе за его храбрость и заслуги, а затем предлагали примкнуть к заговору. Как бы мимоходом в письме намекалось, что если подполковник не согласится, то его постигнут крупные неприятности.

Катар задумался.

— Если господин подполковник желает знать подробности и шансы движения, я вам устрою встречу с одним чрезвычайно важным лицом. От него вы получите все разъяснения, — сказал бывший лейтенант.

Катар продолжал молча размышлять, и Махмуд предложил:

— Я сейчас ненадолго уезжаю. А по возвращении зайду узнать ответ.

Спустя некоторое время Махмуд снова навестил Катара и получил его согласие встретиться с «важным лицом». Спустя еще три дня Махмуд появился в доме Катара, чтоб сообщить дату и место встречи.

— Через три дня, ровно в двадцать три часа по башенным часам Гиджазского вокзала, вы должны стоять на тротуаре около кинотеатра «Дамаск» по улице, ведущей к мечети султана Сулеймана. Иностранец подъедет на своей машине и откроет вам дверцу.

— Почему иностранец? — удивился Хамзе.

Махмуд замялся.

— Это — ответственное лицо... — сказал он.

...От полукруглой площади Гиджазского вокзала разбегаются три улицы. Направо шария Эль Наср — улица Победы — ведет прямо к главному входу в сук Хамидие, главный базар Дамаска, с его тысячью лавчонок и мастерских. Прямо от вокзала плавно сбегает вниз широкая магистраль, перепрыгивает реку по широкому мосту, снова подымается вверх. Улица несколько раз меняет свое название и заканчивается далеко на склонах рыжей горы Касьюн.

Стрелки на желтых часах Гиджазского вокзала еще только приближались к одиннадцати. Катар Хамзе решил задержаться на площади, чтоб не прийти слишком рано. Улица перед ним мерцала множеством разноцветных рекламных огней, они вспыхивали, гасли, отражаясь в изумительно чистой воде реки.

Любопытная это река — Барада! В древности ее называли Золотая река, очевидно, за щедрую влагу, которую она несет истомленной от зноя земле. Семь горных ручьев сливаются на окраине Дамаска и образуют речку. Она пересекает город, иногда проходит под домами и улицами, а на другой его стороне снова раздробляется на сеть оросительных каналов и исчезает, отдав свои воды пышным садам долины Гута...

Подождав еще немного, Катар пошел в третью улицу, налево от вокзала. Здесь мало огней, лишь одинокие фонари слабо освещают тротуар. Вдали виднелась мечеть султана Сулеймана — громоздкая полусфера купола и два остроконечных минарета, как отточенные карандаши. Рядом музей древностей. В нем туристам с особенной гордостью показывают глиняные таблички, испещренные знаками: люди, жившие здесь в глубокой древности — финикийцы, — изобрели алфавит, буквенное письмо.

Катар остановился, и почти одновременно рядом оказалась длинная серая машина. Дверца распахнулась, офицер сел, и автомобиль тотчас понесся вперед. За рулем сидел крупный рыжий иностранец. Прежде всего он попросил Катара показать свой документ.

— Мы вам полностью доверяем, — сказал рыжий, возвращая удостоверение. — Мы получили распоряжение из Ливана связаться с вами и иметь полное доверие.

Иностранец стал говорить о катастрофе, которая якобы угрожает сирийской экономике. Америка готова помочь, но Сирия скомпрометировала себя связями с коммунистами. Он всячески извинялся, что не может сейчас открыть все карты, ибо он видит мистера подполковника впервые. Но подполковник может поверить, что движение получило широкий размах, имеет все шансы на успех. При этом незнакомец вскользь упомянул имя генерального инспектора армии генерала Талеба Дагистани и некоторых других видных офицеров.

— Вряд ли эти люди пойдут против президента Куатли, — сказал Катар.

— Речь пока идет лишь о смене людей в армии, — возразил рыжий и стал расспрашивать, какие военные силы мог бы выставить для дела Катар, кто из его офицеров примкнет к движению.

— Их немало, — ответил подполковник, — но прежде нужно обеспечить их семьи и вообще иметь какие-то гарантии.

— Мы, американцы, гарантируем все необходимые средства. Семьи участников будут обеспечены, даже если переворот не удастся. Мы ответственны...

Машина пронзительно завизжала тормозами: рыжий увлекся и едва не сшиб мальчишку, переходившего дорогу.

— Арабская соба... — американец не докончил ругательства, вспомнив о спутнике. Он предложил Катару встретиться через три дня за час до полуночи у мечети Абу-Румани. При этом Катар не должен подходить к американцу, а лишь следовать за ним на некотором расстоянии.

Мечеть Абу-Румани построена недавно в характерном арабском стиле, который ныне на Востоке применяется лишь для сооружения храмов, все же остальные здания возводятся в духе модернистских архитектурных течений. Прямо против мечети достраивается большой белый дом — острые грани, прямые линии. Это дом Халеда Азема, министра, которого западная печать называет «красным мультимиллионером», ибо он решительно отстаивает политику независимости страны.

Катар Хамзе, глядя на белый дом, размышлял: Халед Азем сей-

В СИРИИ. Вечером в селе Маскене. Стадо возвращается с пастбища.

Фото Н. Драчинского.

Евфрат. С этой рекой связано будущее восточных районов страны. Недавно по просьбе Сирийского правительства советские специалисты исследовали реку и разработали проект строительства большой плотины и оросительных систем. Тысячи гектаров бесплодных земель пустыни превратятся в сады и нивы.

Мечеть Султана Сулеймана — один из архитектурных памятников Дамаска.

Новый Дамаск.

← Сук — восточный базар.

Пальмира — в древности один из красивейших городов мира. Ныне по-арабски он называется Тутмор, что значит «Погребенный город». Город давно разрушен и занесен песками. Сейчас департамент древностей Сирийской Республики производит здесь раскопки.

Солдат Хасан Рашид.

Крестьянин Саид Хаммади.

→ Сирийская торговая фирма рекламирует грузовики Минского автозавода.

Митинг бойцов гражданской обороны в Дамаске.

час в Москве. Глава правительственной делегации. Может ли он предположить, что, пока там идут переговоры, прямо под окнами его дома встречаются заговорщики, люди, которые стремятся не допустить именно того, чего добивается министр в Москве!

Появление рыжего прервало его размышления. Американец со скучающим видом прошел мимо и свернул в боковую улицу. Катар пошел за ним и вскоре оказался в полуподвале одного из домов.

Через минуту в комнату вошел человек со слуховым аппаратом. Он зло посмотрел на рыжего, почти подбежал к окну, опустил плотную штору, включил радиоприемник и только после этого поздоровался. Сказав несколько любезных слов о том, что он имеет о господине подполковнике самые лучшие сведения, Стоун сразу перешел к делу.

— Как вы считаете, какие силы нужны для того, чтоб подчинить себе гарнизон Катаны? Достаточно для этого сил, равных половине или трети гарнизона? — спросил он офицера.

— При умелых действиях вполне достаточно трети.

— О'кей! У нас есть контингент, равный половине этого гарнизона. Нужно будет сразу же разделаться с его командующим, Мустафой Хамдуном. Он имеет охрану из трех человек. Но я займусь этим сам...

Далее Стоун подробно расспрашивал Катара о многих видных офицерах, требуя исчерпывающих характеристик. Когда было упомянуто имя генерала Афифа Бизри, Стоун сказал, что этот человек очень опасен и от него нужно избавиться. А затем добавил:

— У Сараджа очень сильная охрана. Но мы с ним все-таки покончим. Три его предшественника во Втором бюро умерли не своей смертью. Должен ли Сарадж быть исключением из этого правила? — хрипло рассмеялся толстяк.

Хорошо, что в распоряжении Катара есть большое количество солдат и автомашин, чтоб их быстро доставить в нужное место.

— Итак, гарнизоны Эзры, Латакии, Халеба и Кабуна нам обеспечены, — загибал пальцы Стоун. — А теперь еще и Кутайфы, ведь вы полный хозяин своего гарнизона, подполковник?

— Почему же движение еще не началось, если все эти центры гарантированы? — спросил Катар.

Стоун ответил, что надо еще закончить комплектование и все предусмотреть, чтоб действовать наверняка и молниеносно.

— Вы к кому предпочитаете присоединиться в действиях, к генералу Дагистани или полковнику Аши? — спросил американец и, получив ответ, добавил: — Мы предлагали им возглавить руководство движением, но они оказались трусами и согласились лишь помогать успеху дела своими силами. Движение возглавляет человек смелый и решительный.

— Американец?

— Сириец.

— Кто?

— Имейте терпение, подполковник. Через три дня вы его увидите.

Диктатор ищет работы

Дорога из Бейрута в Дамаск, по которой пишущий эти строки проезжал в 1957 году, очень живописна. От синего моря она круто взбегает на вершину Ливанского хребта, петляя меж скал и обрывов.

Дорога идет все выше, природа становится все суровее. Здесь уже не видно пальм и пушистых пиний, в изобилии растущих внизу: стоят дубы, сосны, ели. У входа одного отеля хозяин посадил русскую березку, где-то им раздобытую. Выросло большое дерево, и сейчас люди приходят сюда посмотреть на белокорую красавицу, которую они называют «экзотическим растением», как мы именуем баобаб или орхидею. Полюбовавшись березкой, они остаются посидеть в ресторане.

Некогда склоны этих гор были покрыты зарослями знаменитого ливанского кедра, который ныне является эмблемой страны. Но сейчас найти здесь это дерево столь же трудно, сколь легко увидеть его изображение.

Издревле кедровые рощи варварски уничтожались. Их рубили египетские фараоны для своих дворцов. Тысячи невольников валили вековые деревья для строительства храмов. Турки вывозили ценную древесину, а во время первой мировой войны они кедрами топили паровозы гиджазской железной дороги. И ныне лишь далеко в горах осталось несколько островков-рощиц этого знаменитого дерева.

С перевала открывается вид на широкую плодородную долину, а за ней снова поднимаются синие горы — хребет Анти-Ливан. Там уже Сирия.

Дорога, смело врезанная в крутые бока горы, стремительно сбегает вниз и, оставив позади сады, серой стрелой рассекает долину. Земля здесь красная, и вспаханные поля похожи на кумачовые лоскуты. Достигнув предгорий Анти-Ливана, машина останавливается у короткого двойного бетонного туннеля. Это граница. Здесь совершаются пограничные формальности и производится таможенный досмотр.

Бейрут — крупный порт и главный торговый центр на Ближнем Востоке. Отсюда товары по автомобильным дорогам идут в Сирию, Ирак, Иорданию, Саудовскую Аравию. Поэтому у границы всегда можно увидеть длинные шеренги грузовиков, доверху нагруженных заморскими изделиями. Кабины расписаны пестрым орнаментом, на дверцах выведены изречения Корана, на крыше — хитроумные сооружения из гнутого металла, окрашенного в яркие тона. Иллюминация из разноцветных лампочек, как правило, окаймляет радиатор и козырек кабины. Вечером такой грузовик похож на летящую рождественскую елку.

Шоферы нервничают и ругают флегматичных чиновников, которые не спеша осматривают груз.

Имеется, однако, категория автомобилей, которые не ждут подолгу очереди перед туннелем, не проходят таможенных формальностей. У этих машин перед номером стоят небольшие, но магические буквы «CD» — Дипломатический корпус.

Вечером в середине августа длинная темная машина с дипломатическим номером, обгоняя грузовики, въехала в туннель и, почти не задерживаясь, вынырнула с другой стороны.

Километра через три — снова туннель. Это уже сирийский пост. Сержант в форме пограничной стражи поднял руку. Машина затормозила, шофер, приоткрыв окно, бросил:

— Американское посольство.

Сержант козырнул и жестом пригласил следовать дальше. Автомобиль рванулся вперед. Человек в светло-коричневом костюме, который сидел на заднем сиденье, нервно сцепив руки и втянув голову в плечи, облегченно вздохнул. Он снял ненужные очки и шляпу, нахлобученную на глаза.

— Не волнуйтесь, все идет отлично, — успокаивал его на английском языке сидевший с ним рядом спутник.

Вскоре мимо замелькали огни фонарей. Их становилось все больше: машина въезжала в Дамаск.

Коричневый человек снова надел очки и шляпу. Он словно вдавился в сиденье и не двигался.

Это был генерал Адиб Шишекли, бывший диктатор Сирии.

Несколько лет продолжалась в стране кровавая диктатура Шишекли. Президент был отстранен от власти, политические организации запрещены. Несмотря на свирепый террор, борьба против реакционного режима не затихала и завершилась победой. В феврале 1954 года ненавистный режим был свергнут, а сам диктатор позорно бежал.

После этого Адиб Шишекли предлагал свои услуги многим. Он договорился наняться помощником к генералу Глаббу, уже собрался ехать в Иорданию. Но в это время иорданцы выгнали самого Глабба. Когда началось вооруженное нападение на Египет, Шишекли немедленно отправился наниматься к агрессорам как «специалист» по арабским делам. Но агрессия вскоре была пресечена миролюбивыми силами. Шишекли остался не у дел.

И вот сейчас американцы отыскали безработного диктатора и тайно привезли в Дамаск.

(Продолжение следует.)

На улицах Дамаска.

АТТЕСТАТ И ДИПЛОМ

В слесарной мастерской.

Фото С. Ахмерова.

— Зачем мне учиться еще четыре года? — удивился восьмиклассник Толя Антипов.— Я хочу стать рабочим...

— Ты им и будешь. Кстати, какая специальность тебя интересует? — осведомился директор профтехнического училища.

— Специальность? Не знаю... Какая-нибудь... — растерянно ответил мальчик.

Такой разговор происходил сравнительно недавно в кабинете П. П. Куриловича, директора Новосибирского профессионально-технического училища. В тридцати различных городах Советского Союза организованы училища-интернаты с двенадцатилетним сроком обучения.

— Кого же будут готовить эти профтехнические училища? — спросили мы в Управлении учебных заведений трудовых резервов.

— Рабочих высокой квалификации, с широкой общей культурой. Словом, будущие выпускники — это рабочий класс нашего завтрашнего дня.

— Чем вызвано создание подобных училищ?

— Неустанным развитием советской техники. Она требует грамотных, образованных рабочих. С каждым годом эти требования будут возрастать.

— Какая разница между учебными программами училищ и средних школ?

— Большая. У нас дети будут учиться двенадцать лет. Из общеобразовательных предметов увеличена программа по математике, физике, черчению. В старших классах введены теоретические курсы по электро- и радиотехнике, основам автоматизации производства. С восьмого класса ребята ежедневно будут работать в мастерских. Они последовательно изучат слесарное, токарное дело, научатся работать на различных станках. Надо сказать, что мастерские во всех училищах прекрасно оборудованы и оснащены. С десятого по двенадцатый класс юноши и девушки выберут себе основную специальность и изучат ее. Вместе с аттестатом зрелости им будет вручаться диплом о присвоении шестого — седьмого производственного разряда.

Кроме того, все двенадцать лет ребята станут изучать иностранный язык. Воспитатели-педагоги в свободное время будут разговаривать с воспитанниками по-английски или по-немецки.

— Кого приняли в училища?

— В основном детей, не имеющих родителей. В дальнейшем будут приниматься и ребята, живущие в своей семье.

...Сто пятьдесят учеников первого, пятого и восьмого классов живут и учатся в Новосибирском училище. Пятиэтажное здание интерната просторно и уютно. В верхних этажах расположены спальни, пионерские уголки, читальные залы, комнаты игр для самых маленьких.

Производственные мастерские — гордость училища. Они похожи на заводской цех. В слесарном и столярном отделениях уже занимаются восьмиклассники. Остальные отделения: фрезерное, токарное, револьверное, сверлильное, кузнечное — оборудуются новейшими станками.

Открытое в прошлом году новосибирское училище еще строится и расширяется. Возле здания разобьют парк и большой фруктовый сад, отстроят клуб, спортивный корпус с закрытым бассейном, теннисными кортами, зимним катком.

И. ИЛЬИЧЕВА

Юбилей русской марки

Первые советские марки. 1921 год.

...Двое молодых людей любили друг друга. Но родители не желали благословить их брак и разлучили влюбленных. Несмотря на строгие запреты, они писали друг другу письма, наконец убежали из дома и поженились. Прожили вместе долгую жизнь, были счастливы, но очень бедны. Самой большой ценностью в их доме были письма, полные тоски, вздохов и нежности. Вдруг в один прекрасный день в их маленький домик входит элегантный господин и просит стариков продать ему конверты от писем, называя суммы одну крупнее другой...

Господин оказался богатым торговцем-коллекционером марок. Дело в том, что юноша в свое время посылал письма из одного и того же почтового отделения и наклеивал марки, которые вышли в свет крошечным тиражом. Через много лет они стали для филателистов огромной ценностью. Предприимчивый торговец разыскал обладателей марок и совершил сделку...

Те, кто собирает марки, — филателисты — расскажут вам тысячи подобных историй.

Великолепная коллекция марок была у покойного президента США Рузвельта. Страстным филателистом был наш русский ученый И. П. Павлов. Однажды он ответил своему домашнему врачу: «Мои марки действуют на мое здоровье лучше, чем ваш бром!».

Исполнилось 100 лет со дня выпуска первой русской марки. Эту дату москвичи-филателисты отмечают организацией выставки коллекций марок.

Коллекции бывают разные: собирают марки гашеные, чистые, только с цветами или только с животными...

С самой первой русской маркой произошел курьез. По правительственному указу она должна была быть с зубчиками. Но нужные машины, выписанные из-за границы, опоздали, и марка вышла без зубчиков.

...Маленькие синие и красные, желтые и зеленые квадратики бумаги, собранные в альбомы, рассказывают об истории, культуре, науке, спорте, природе, о великих людях разных государств и народов.

Б. А. Рыбальченко готовит на выставку коллекцию марок за один только 1957 год. А сколько событий было в минувшем году: 40-летие Октября, 40 лет Советской власти на Украине, запуск спутников, фестиваль! Собрать эту коллекцию вовсе не легко,— например, некоторые фестивальные марки уже сейчас стали уникальными. А. А. Мельника, пенсионера, интересует классика — марки XIX столетия. У подполковника в отставке А. М. Воробцова коллекция посвящена юбилею — 100-летию русской марки.

Филателисты готовятся к выставке, «добирают» недостающие экземпляры. Трудно сейчас найти марки «5-летка в 4 года» (1930 год), «Будь героем!», «Народное ополчение» (1941 год). Но в том и заключается радость собирателя, чтобы разыскать редкую марку и заполнить в альбоме пустую ячейку!

Марки, посвященные запуску спутников земли. 1957 год.

Во время выставки в почтовых отделениях будет действовать особый штамп для гашения — его рисунок сделал филателист Е. И. Раутский. Когда-нибудь марки, погашенные таким штампом, станут тоже редкостью.

Т. ТРОИЦКАЯ

Конверты со специальным гашением, посвященным VI Всемирному фестивалю молодежи.

Завет Григория Шишкина

Григорий Шишкин.

Когда партизанский отряд Нестора Каландаришвили сражался в предместьях Иркутска, выбивая из города отряды белогвардейцев, жена партизана Григория Шишкина почувствовала приближение родов. Оберегаясь от пуль, она спустилась в подпол — и на свет появилась я.

С детства я слышала это имя — Нестор Каландаришвили. У нас в семье и во всей Восточной Сибири его называли «дедушкой Карандашвили» — так было легче произносить эту фамилию. «Дедушкой» его называли не только за партизанскую бороду. В этом слове сибиряки выражали свои родственные чувства к замечательному человеку.

Начав революционную деятельность в Грузии, он встретил Октябрь в Сибири. Не перечесть, сколько овеянных легендой подвигов совершил он в этом краю в годы гражданской войны. Он организует партизанский отряд, превратившийся затем в кавалерийскую дивизию имени Каландаришвили. Он сражается с бандами Колчака и атамана Семенова. Когда в Якутии поднимается белогвардейско-кулацкий мятеж, «дедушка» с горсткой храбрецов мчится туда. Там в марте 1922 года в неравном бою оборвалась его замечательная жизнь.

По требованию иркутян останки Нестора Каландаришвили перевозят в город. Ему воздвигают памятник. Именем его названы улицы, колхозы.

До конца своих дней не мог забыть о Каландаришвили и мой отец.

«Саша,— наказывал он мне,— ты историк, должна взять на себя труд рассказать все о нем».

И сперва исподволь, ощупью, а потом с помощью грузинского академика Г. В. Хачапуридзе я стала выполнять завет отца.

На фоне большого полотна истории гражданской войны в Сибири все яснее проступает образ талантливого партизанского вожака. А где-то за ним я вижу и фигуру отца. В революции каждый из них сыграл свою роль. Каждый пришел к ней своей дорогой — батумский учитель Нестор Александрович Каландаришвили и Григорий Андреевич Шишкин, рабочий из глухих таежных мест на Ангаре.

Когда окончилась гражданская война, отец вернулся на прииски. Однажды, уже будучи московской студенткой, я увидела в «Огоньке» (№ 12 за 1937 год) фотографию отца в одежде старателя и рассказ о том, как его артель за полгода дала стране около 100 килограммов золота.

Нестор Каландаришвили.

И вот сейчас, выполняя завет отца, я как историк пишу диссертацию о его друге и партизанском командире Несторе Каландаришвили. Я живу сейчас в Грузии, и она стала для меня родным краем. Здесь мне в работе помогает много друзей. Я часто встречаюсь с Платоном Семеновичем Каландаришвили, сосланным в Сибирь еще до того, как туда попал его брат Нестор. Мне помогает и Михаил Варденович Церетели, партизанский соратник «дедушки».

Так, штрих за штрихом вырисовывается облик замечательного человека, большая революционная дружба русских и грузин.

А. ШИШКИНА-АХАЛАДЗЕ,
аспирант Института истории Академии наук Грузинской ССР.

МАЛЬЧИК С ГОЛУБЕМ

ВИТЯ ЧЕРЕВИЧКИН.
Скульптура Н. Аведикова.

В день 14-й годовщины освобождения Ростова от фашистов одна из улиц — 2-я Майская — была переименована в улицу имени В. Черевичкина.

Все, кто был при этом торжественном событии, дружно запели песню, неизвестно кем сложенную еще в годы Отечественной войны, песню про подвиг ростовского мальчика Вити...

Кто же он? Почему заслужил такой почет?

Витя очень любил голубей. Он соорудил самодельную голубятню и пристроил ее к крыше сарая. Потом началась пора увлечения книгами, спортом. Но с голубями Витя не расставался до конца своих дней. И погиб он из-за белоснежной голубки...

Витя отлично учился в школе. После семилетки поступил в ремесленное училище. Мечтал стать конструктором. Война сразу все прервала.

Училище отправили в тыл. Но Витя остался сборщиком на военном заводе. После смены, как и многие, он рыл окопы, возводил укрепления. Когда успевал Витя в такую тяжелую пору ухаживать за своими голубями, — этого не может объяснить даже его мать Анфиса Васильевна. Но голуби получали необходимый корм. Витя крошил для них пайковый хлеб, никогда не забывал поставить им свежую воду. И непременно выпускал покружиться, порезвиться на воле.

Незадолго до того, как фашисты ворвались в Ростов, Витя тяжело заболел. Мать осталась у изголовья сына. Он был в жару, но все-таки попросил Анфису Васильевну отпороть в телогрейке подкладку и зашить под нее лежащий в столе комсомольский билет.

Потянулись жуткие дни хозяйничанья фашистов. Однажды на домах появился очередной фашистский приказ, запрещавший населению держать голубей. Но Витя голубей не тронул. Перевел их в «подполье». И вообще стал очень скрытным. Он не говорил матери, куда уходит, зачем. Иногда прихватывал с собой пару голубей, прятал их на груди под телогрейкой. Унесенные голуби порой возвращались «домой» раньше их владельца.

Фронтом тогда был Дон. Части Советской Армии занимали позиции на левобережье, у Батайска. Краснозвездные самолеты-разведчики все чаще появлялись в небе над городом. Советская артиллерия била по военным объектам, и била очень точно. Фашисты догадались, что в городе имелись наводчики, корректировавшие огонь советских пушек. Кто же это мог делать?

...Гитлеровский патруль застиг Витю Черевичкина у штаба в момент, когда мальчик вынимал из-за пазухи уже второго голубя. Один успел взлететь и кружил над вражьим штабом. А другой так и остался в Витиной руке.

Наши танкисты, ворвавшись в Ростов-на-Дону, нашли расстрелянного фашистами комсомольца, прислоненным к стене. В руках он зажал голубя.

Хоронили Витю в парке, в братской могиле, с военными почестями. Молва о его подвиге быстро распространилась по городу, стала жить в песне.

Именем Вити Черевичкина названы школа № 8, где он учился, и пионерский отряд, с которым он выезжал в лагеря, ходил в походы. А недавно его имя присвоили одной из ростовских улиц — на ней он рос, на ней же и погиб.

Л. ДАВЫДОВ

НОВЫЙ СТРОИТЕЛЬНЫЙ МАТЕРИАЛ

Огромные глыбы, не правда ли? А между тем юноша держит их без особых усилий, словно это волейбольные мячи. Так выглядит новый строительный материал. Он чрезвычайно легок, прочен и дешев. Из него можно делать стеновые блоки и панели для строительства домов, дорожные плиты и бордюрные камни, ступени наружных лестниц и многое другое...

Получается этот необычный строительный материал из доменных шлаков с минеральными добавками. Работники треста «Запорожсталь» в содружестве с сотрудниками Криворожского научно - исследовательского горнорудного института построили специальную установку для производства шлаковой пемзы из огненно-жидких доменных шлаков «Запорожстали».

Ю. СЕРАДСКИЙ

Взрыв в Таганасае

Ничем не примечательный разъезд Кабулсай, Ташкентской железной дороги, стал оживленнейшим местом на малолюдном Арысском участке. Более полугода назад сюда приехали научные сотрудники институтов химической физики, физики земли Академии наук СССР, инженеры, взрывники.

За короткое время в пустынном местечке Таганасай на глубине 40 метров была сооружена камера, в которую мог бы вместиться двухэтажный дом. В камеру заложили тысячу тонн взрывчатки. К месту взрыва протянули 60 километров кабеля, было установлено около 150 различных точных приборов, действующих автоматически. 16 киноаппаратов, обеспеченных для верности дублерами, были нацелены на различные точки будущего взрыва.

В конце минувшего года в Таганасай прибыли научный руководитель экспедиции вице-президент Академии наук СССР академик М. А. Лаврентьев и академик Л. И. Седов.

Какие цели преследовал этот взрыв-гигант? Прежде всего научную.

Этот взрыв комплексно исследовали специалисты различных областей знаний. Задача — получить уточненную формулу для расчетов зарядов усиленного действия при больших глубинах их заложения. Попутно решалось много других научных и практических задач.

На Таганасай были настроены все сейсмические станции Средней Азии и Казахстана.

В 12 часов по московскому времени включается автоматика. С наблюдательного пункта, находящегося на высотке в 2 400 метрах от эпицентра взрыва, все смотрят на темную гряду. Вдруг на ровном плато стал расти холм, из недр его вырвалось пламя. Гигантский, ежесекундно меняющийся куст вырос на наших глазах.

...Через час небо прояснилось. Огромная воронка достигла глубины около 50 метров, диаметра — 200 метров.

Здешние места маловодны. Воронка — щедрый подарок жителям: они используют ее как водохранилище.

Взрыв закончился удачно. Взрывники уехали. Остались научные работники. Материал им достался богатейший.

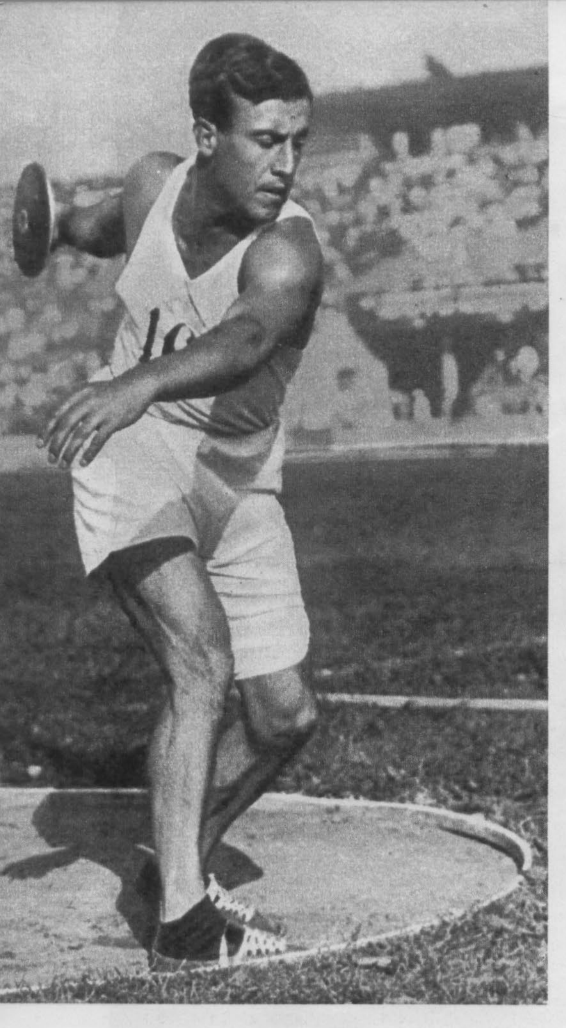
Л. ТОПОРКОВ
Фото А. Палехова.

После выступлений «Огонька»

Скопинский промысел восстанавливается

В связи с опубликованием очерка В. Титова «Скопинский корень» («Огонек» № 33 за 1957 год) редакция получила письмо председателя правления Рязанского облпромсовета товарища Караваева. Он сообщает, что очерк обсуждался на правлении облпромсовета. Выводы очерка признаны правильными, намечены меры к восстановлению промысла. Уже идет строительство новой гончарной мастерской, которая будет оборудована усовершенствованной печью; мастер М. М. Пеленкин принят на должность инструктора по обучению молодых керамистов. Уже в этом году скопинская артель «Керамик» будет выпускать художественных изделий на 200 тысяч рублей.

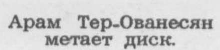

Игорь Тер-Ованесян прыгает в длину.

По стопам отцов

Еф. РУБИН

Арам Тер-Ованесян метает диск.

Фото Н. Волкова.

В 1947 году на стадионе «Динамо» шел традиционный парад физкультурников. Лучшие спортсмены показывали свое мастерство и награждались шумными аплодисментами. Но вот всеобщее внимание привлек известный тогда штангист Серго Амбарцумян. Он нес на двух руках штангу с огромными шарами на краях. Штангу он осторожно положил на поле стадиона, шары раскрылись, и оттуда выбежали маленькие черноголовые мальчишки, которые тут же затеяли футбольную игру. Стадион смеялся и рукоплескал Амбарцумяну, и малышам, и выдумке, которая символизировала молодость и красоту советского спорта.

Мы вспомнили этот эпизод потому, что среди детей, которые выскочили из шаров, был будущий чемпион и рекордсмен Советского Союза.

Четверть века назад на всю страну прогремело имя Арама Тер-Ованесяна, сильнейшего тогда советского метателя диска.

На последнем чемпионате Советского Союза в Лужниках мы вновь услышали:

— Первое место и звание чемпиона страны завоевал Тер-Ованесян.

Это оказался сын Арама Тер-Ованесяна, Игорь, черноволосый малыш, «вылупившийся» из шара на стадионе «Динамо».

Спортивные историки могут заметить, что Игорь Тер-Ованесян впервые выступил на Всесоюзной спортивной арене девяти лет от роду. Это будет чистейшая правда.

Игорь Тер-Ованесян — студент Львовского института физкультуры. Он отличный прыгун. Недавно он попробовал свои силы в десятиборье и занял третье место среди сильнейших многоборцев Советского Союза.

Игорь — десятиборец с «прыжковым уклоном». Он преодолел планку, поставленную на двухметровую высоту, прыгнул в длину 7 метров 45 сантиметров, наконец, взлетел с шестом на 4 метра. Такими результатами могут гордиться и «специалисты» этих видов легкой атлетики.

Несколько отстает он в метании, и в частности в метании диска, в чем был очень силен его отец. Это должно служить некоторым укором Тер-Ованесяну-старшему. Впрочем, Игорю всего 19 лет. Не все сразу. Придет очередь и для диска. Если Игорь улучшит результат в метаниях, он, несомненно, станет одним из сильнейших десятиборцев Европы.

Кто из любителей футбола не помнит Сергея Артемьева? Он был правым полузащитником в московских командах «Локомотив», а затем «Спартак» — игрок высокого класса. Физически он был очень крепок. Оттеснить его, столкнуть, сыграть корпусом против Сергея Артемьева никому не удавалось. Один из соперников Артемьева как-то сказал:

— Как же против него играть? Он силен, как слон!

С тех пор кличка «Слон» пристала к Артемьеву: она определила его силу и «непроходимость».

Несколько лет назад в московской команде «Локомотив» появился новый игрок — правый полузащитник.

Один из бывалых любителей футбола, посмотрев на этого молодого спортсмена, воскликнул:

— Да ведь это же «Слон», до чего же похож!

И действительно: по фигуре и по манере игры футболист очень напоминал Сергея Артемьева. Это был его сын Виталий. Он вырос в первоклассного спортсмена.

У Виталия Артемьева есть сын. Назвали его в честь деда — Сергеем. Приятели деда и отца зовут Сережку «маленьким слоненком». Он тоже все время пытается играть в мяч ногой.

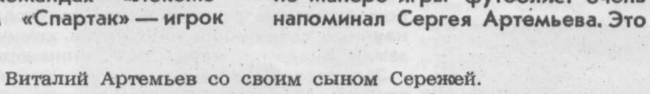
Анатолий Викторов был превосходным нападающим ленинградской футбольной команды «Динамо». Свой спортивный путь он начинал вместе со Всеволодом Бобровым в одном из заводских коллективов Сестрорецка.

Семья Викторовых гордится не только замечательным спортивным прошлым, но и хорошим настоящим. Спортивные традиции семьи поддерживает дочь Викторова — Лариса.

На III Дружеских играх молодежи она хорошо проплыла стометровку на спине, а через два месяца, выступая в Лейпциге, установила юношеский рекорд на эту же дистанцию.

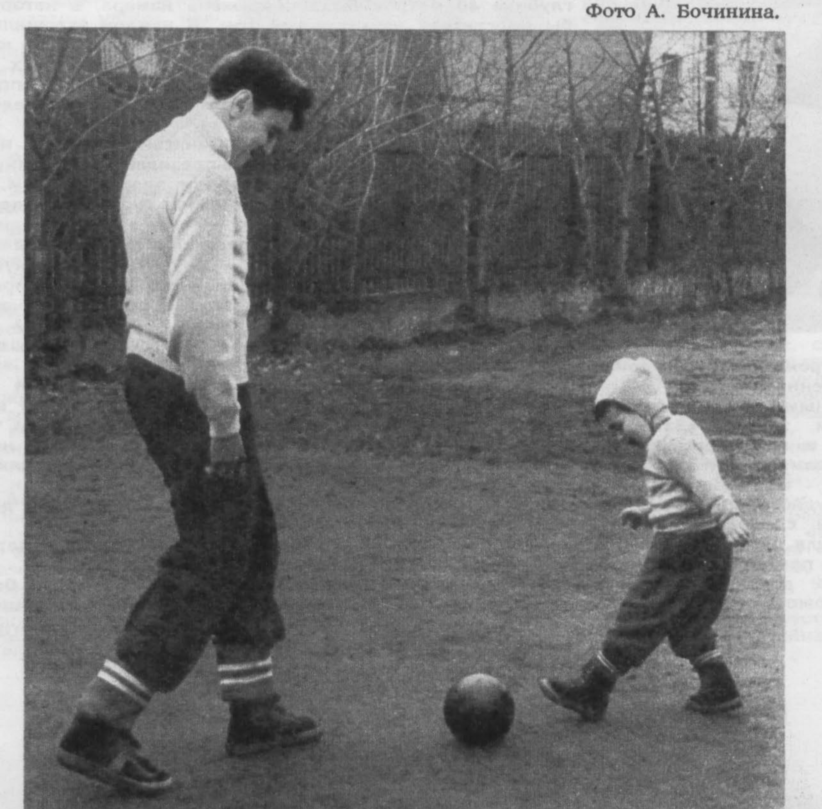
Другой ленинградец, Владимир Гайковой, славился своими мастерскими прыжками в воду с вышки и трамплина. Он был чемпионом страны. Сын его Геннадий увлекается волейболом и играет в сборной команде СССР.

Мы рассказали о семьях, где дети оказались, по меньшей мере, не хуже отцов, а отцы были знаменитыми. Молодое поколение продолжает дело отцов. Эстафета, подхваченная детьми, мчит дальше, навстречу новым победам, новым рекордам, новым вершинам. То, что было вчера рекордом, сегодня становится всеобщим достоянием, завтра — историей. Дети шагают шире родителей. Так происходит во всех областях нашей жизни. Так идет и в спорте. В спортивных семьях, как в капле воды, наиболее ярко и наглядно отражается знамение того замечательного времени, в которое мы живем.

Виталий Артемьев со своим сыном Сережей.

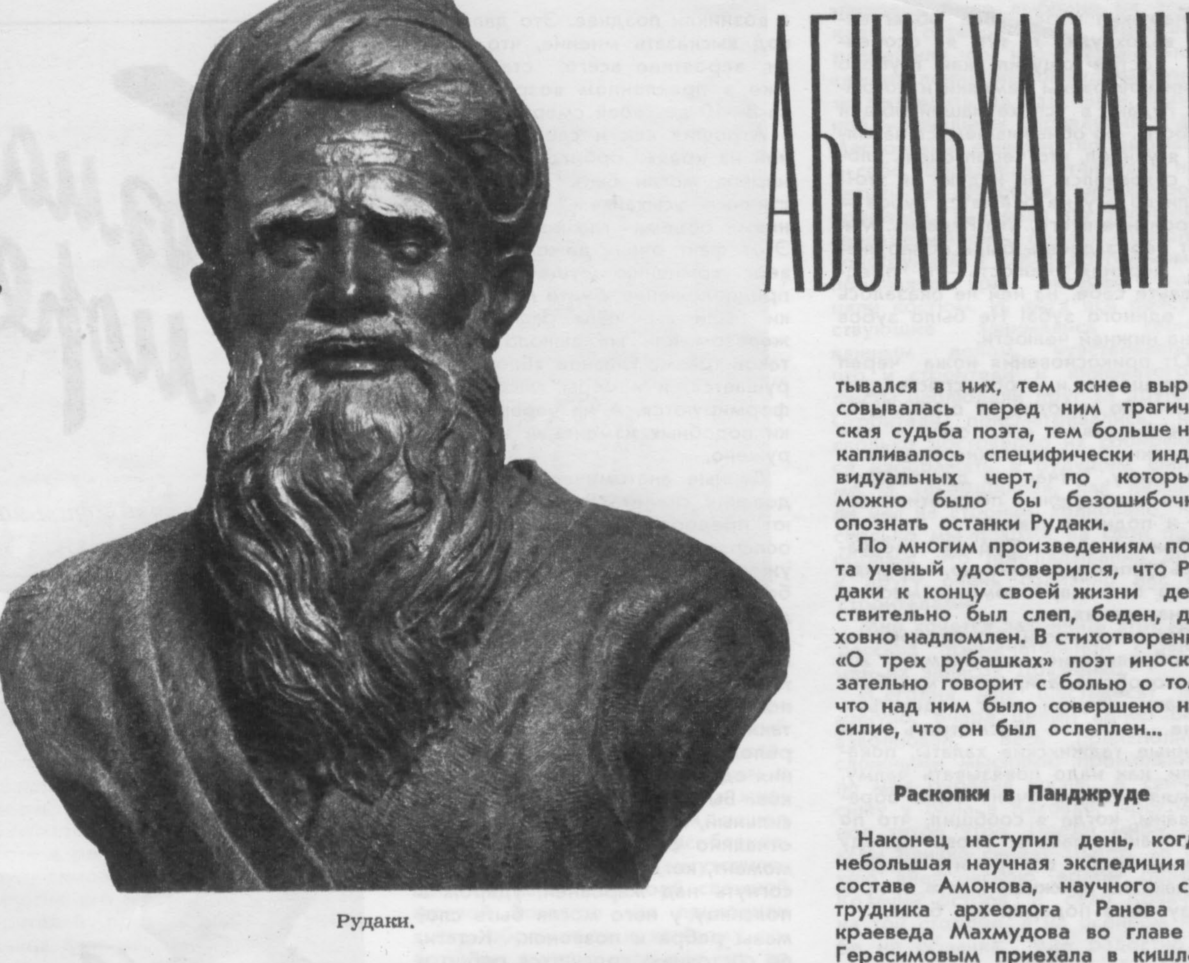
Фото А. Бочинина.

ЗДРАВСТВУЙ, АБУЛЬХАСАН!

Анна МОРОЗ

До самого последнего времени ни один из имеющихся портретов Рудаки — выдающегося представителя персидско-таджикской культуры, «Адама поэтов Востока» — не мог дать точного представления о его внешнем облике, поскольку каждый из них был лишь плодом воображения художника. И только совсем недавно появилась возможность воспроизвести документальный портрет прославленного поэта древности, 1100-летие со дня рождения которого будет торжественно отмечаться в нашей стране.

Рудаки.

В поисках могилы Рудаки

Воспроизвести портрет Рудаки... Об этом доктор исторических наук, антрополог М. М. Герасимов мечтал давно. Впервые он узнал о Рудаки в 1938 году от Садриддина Айни.

— Тогда, в беседе с Айни,— вспоминает М. М. Герасимов,— я услышал от него много интересного о деятелях таджикской культуры. Рассказывая о них, он упомянул Абульхасана Рудаки, блестящего поэта-импровизатора и музыканта X века, вкусившего и славу, и почет, и богатство, а окончившего жизнь в крайней нужде, слепым и одиноким.

«Вот бы мне сделать его портрет!» — подумал я. Но тогда никто еще не знал, где находится могила Рудаки, где ее искать...

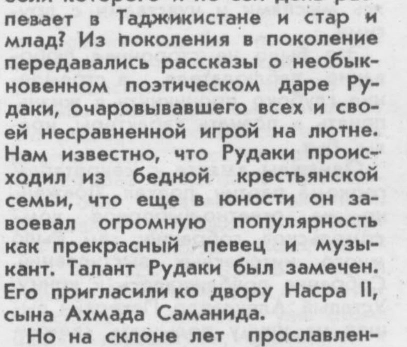
И вот весной 1956 года ученый получил из Сталинабада письмо с просьбой приехать и приступить к раскопкам могилы Рудаки.

«...приступить к раскопкам могилы Рудаки». Так было сказано в письме Союза советских писателей Таджикистана. Но как понимать эти слова? Значит, могила уже найдена? Но кем? Где? Когда? А если и найдена, то существуют ли неопровержимые доказательства, что она действительно является местом погребения Рудаки?

Когда Герасимов приехал в Сталинабад, ему вручили только что опубликованный перевод статьи С. Айни «Могила устода Рудаки и селение Рудак»[1]. В результате скрупулезного изучения исторических источников и исследований ряда ученых Айни пришел к убеждению, что Рудаки происходит из кишлака Рудак близ Самарканда и что могила его находится в местности Панджруде, примыкающей к Рудаку. Для проверки и уточнения своих выводов писатель организовал небольшую научную экспедицию, которая полностью подтвердила его предположения относительно места захоронения Рудаки.

Однако точное место могилы продолжало оставаться неизвестным. В этом кишлаке есть два кладбища — старое и новое. Конечно, нелогично было бы искать могилу Рудаки на новом кладбище. Но ведь и на старом нельзя было заметить ничего такого, что могло помочь в разрешении этой исторической загадки. Здесь не сохранилось ни надгробия, ни мазара (гробницы), которые обычно воздвигались на могилах в знак особого уважения к памяти почитаемых в народе людей.

Одно было совершенно ясно: Айни, по всей вероятности, прав. Но уцелела ли могила Рудаки? Ведь прошло целое тысячелетие... Разве мало было на протяжении веков грозных событий, которые могли уничтожить не только место погребения поэта, но даже самую память о нем?! Однако народ, давший миру такого гения, как Рудаки, с любовью сберег и донес до наших дней его стихи и песни. И в то же самое время сведения наши о жизни поэта чрезвычайно скудны.

Что мы знаем о поэте!

В самом деле, что мы знаем об этом замечательном человеке, газели которого и по сей день распевает в Таджикистане и стар и млад? Из поколения в поколение передавались рассказы о необыкновенном поэтическом даре Рудаки, очаровывавшего всех и своей несравненной игрой на лютне. Нам известно, что Рудаки происходил из бедной крестьянской семьи, что еще в юности он завоевал огромную популярность как прекрасный певец и музыкант. Талант Рудаки был замечен. Его пригласили ко двору Насра II, сына Ахмада Саманида.

Но на склоне лет прославленный поэт был изгнан из дворца и вернулся в свой родной кишлак. Когда-то баснословно богатый, всеобщий любимец, он влачил теперь нищенское существование и умер в бедности. Легенды говорят, что Рудаки был слеп.

Вот, собственно, все или почти все, что мы знали до сих пор о жизни устода. Как мало! А если еще принять во внимание, что до нас не дошло никаких сведений о внешности Рудаки, то любому становится понятна вся сложность проблемы, связанной с поисками его останков.

Еще до приезда Герасимова в Панджруд туда выехал научный сотрудник Института языка и литературы Академии наук Таджикистана Р. Амонов, которому удалось уточнить и подтвердить данные исторических источников. Теперь уже не оставалось сомнений насчет места погребения Рудаки, но вследствие того, что не сохранилось никаких данных о внешнем облике поэта, возникла опасность впасть в ошибку — любой найденный при раскопках скелет принять за останки Рудаки.

Как же быть? Где найти неоспоримо достоверные описания, либо сведения о внешности Рудаки, или хотя бы какие-нибудь указания на те или иные присущие ему индивидуальные особенности? И вот здесь на помощь Герасимову пришел сам Рудаки.

Ученый углубился в чтение тоненькой книжки, на обложке которой стояло имя Рудаки: то был сборник русских переводов его стихов. Уже при первом чтении стихотворений внимание Герасимова привлекли начальные строки «Оды старости», где Рудаки горько сетует на утрату всех своих зубов:

Во рту ни единого зуба.
Давно искрошились они...

Рудаки в старости не имел зубов... Надо ли говорить, как много значило для ученого это признание поэта! Но одного такого указания было недостаточно. Антрополог вновь и вновь перечитывал стихи, и чем дольше вчитывался в них, тем яснее вырисовывалась перед ним трагическая судьба поэта, тем больше накапливалось специфически индивидуальных черт, по которым можно было бы безошибочно опознать останки Рудаки.

По многим произведениям поэта ученый удостоверился, что Рудаки к концу своей жизни действительно был слеп, беден, духовно надломлен. В стихотворении «О трех рубашках» поэт иносказательно говорит с болью о том, что над ним было совершено насилие, что он был ослеплен...

Раскопки в Панджруде

Наконец наступил день, когда небольшая научная экспедиция в составе Амонова, научного сотрудника археолога Ранова и краеведа Махмудова во главе с Герасимовым приехала в кишлак Панджруд...

Собственно говоря, ученый искал могилу не так уж долго. Придя на старое кладбище, он остановился у сада, описание которого содержится в статье Айни, и пошел прямо в направлении могилы. Это место на первый взгляд ничем не выделялось. Но археологи тем и славятся, что обладают как бы двойным зрением, удивительной способностью «видеть невидимое».

Вот что рассказывает Герасимов об этом напряженном моменте, когда мысль, воля и интуиция исследователя привели его чуть ли не вплотную к тому месту, которое он разыскивал:

— Амонов завел с окружавшими нас колхозниками разговор о могиле поэта. И вдруг я уловил, как один из них, агроном Базаров, произнес слово «мазар». Он говорил, что помнит рассказы деда о том, что на месте могилы Рудаки был мазар. Вглядевшись внимательно, я заметил едва различимые следы площадки, изолированной от других могил. По всей вероятности, она служила основанием некогда стоявшего здесь мазара. Тут был заложен широкий раскоп, и вскоре на глубине 70 сантиметров нами были обнаружены остатки перекрытий из арчевых жердей. Сразу стала очевидна древность погребения. Жителям Средней Азии известно, как долго сопротивляется арча губительному действию времени. Не 50, 100, даже не 500, а 1 000 лет нужно для того, чтобы довести арчу до такого состояния, в каком она была в момент раскопок. Могила оказалась в самом центре площадки. Чтобы обеспечить сохранность скелета, я стал производить раскопки не сверху, а окружая могилу траншеями. Когда я начал расчищать головную часть, все сгрудились вокруг, притихли, и было только слышно как бы единое прерывистое дыхание. Вскоре я

[1] Устод — мастер, учитель. Так таджикский народ зовет своего поэта.

обнаружил череп. Все облегченно вздохнули, и тут я особенно остро ощутил, как глубоко заинтересованы земляки и потомки Рудаки в успехе нашей общей работы. По обнажившемуся затылку я увидел, что череп очень плохо сохранился. Но Рудаки ли это?! Если во рту не окажется зубов — вероятнее всего, что Рудаки... Минут через десять была обнаружена верхняя челюсть — и представьте себе, на ней не оказалось ни единого зуба! Не было зубов и на нижней челюсти.

От прикосновения ножа череп разрушался, и, чтобы спасти драгоценную находку, я одним движением извлек его, собрал все осколки и осторожно положил на газету. Тотчас же десятки рук столь же бережно подхватили меня и подняли наверх.

Поиски праха Рудаки увенчались успехом, конечно, прежде всего благодаря помощи местного населения.

Закрепив кости, я разговорился с собравшимися стариками, и мы долго обсуждали, каков мог быть Рудаки, как он мог одеваться. Мне принесли посмотреть старинные таджикские халаты, показали, как надо повязывать чалму. Земляки поэта очень были обрадованы, когда я сообщил, что по окончании работы вновь приеду к ним, чтобы похоронить останки Рудаки на прежнем месте, и привезу им в подарок его бюст.

Череп

Череп... Казалось бы, что может сказать череп о внешнем облике человека? И, тем не менее, всем давно уже известно, что Герасимову удалось установить ряд закономерностей, дающих возможность воспроизводить человеческое лицо по черепу, и достоверность его реконструкций уже ни у кого не вызывает сомнений.

Еще в Сталинабаде, предварительно исследуя находку из Панджруда, ученый обратил внимание на некоторые отклонения от нормы в строении шейных позвонков и основании черепа. Нельзя ли объяснить эти изменения как следствие привычки человека, лишившегося зрения, держать голову откинутой назад? Ведь обычно слепые держат голову именно так. Не случайно во многих произведениях искусства такая осанка слепого стала как бы трафаретом художественного образа. Характер отмеченных изменений позволял предполагать, что они отнюдь не являются прирожденными особенностями скелета, а возникли позднее. Это дало повод высказать мнение, что Рудаки, вероятнее всего, стал слеп уже в преклонном возрасте, лет за 8—10 до своей смерти.

М. М. Герасимов за работой над портретом Рудаки.

Атрофия век и следы изменений на краях орбит найденного черепа могли быть вызваны частичным усыханием и уменьшением объема глазного яблока. Этот факт очень важен: он подверг сомнению существовавшее предположение, будто глаза Рудаки были выжжены раскаленным железом или же выколоты. При такой травме глазное яблоко разрушается, и камеры глазниц деформируются. А на черепе Рудаки подобных изменений не обнаружено.

Данные анатомического исследования скелета Рудаки позволяют предполагать, что поэт был ослеплен, возможно, одним из ужасных насильственных способов, распространенных в те отдаленные времена в Средней Азии, когда человеку обжигали глаза над углями жаровни. Подтверждением совершенного над поэтом насилия могут служить также следы прижизненного перелома трех ребер и повреждения одного из поясничных позвонков. Высокий, физически очень сильный, Рудаки, надо полагать, отчаянно сопротивлялся, и в тот момент, когда его нужно было согнуть над жаровней, ударом в поясницу у него могли быть сломаны ребра и позвонок. Кстати, по состоянию сросшихся ребер и образовавшимся дополнительным суставным поверхностям поврежденного позвонка можно прийти к выводу, что момент перелома совпадает с моментом ослепления Рудаки.

Изучение анатомических особенностей скелета, найденного в Панджруде, пролило новый свет на историю жизни Рудаки. Перед нами как бы раздвинулась завеса веков, и мы ощутили в Рудаки живого, много выстрадавшего человека.

Теперь воспроизведение документального портрета царя поэтов Востока завершено. Деятели культуры Таджикистана безоговорочно признали в герасимовском Рудаки типичного таджика-зеравшанца из горных районов. Бесспорно, эта реконструкция является одной из наиболее выдающихся работ советского ученого.

...Лицо Рудаки трагично и вдохновенно. Каждая черта дышит благородством и величием. Страдальческая складка прорезает высокий лоб мыслителя. Незрячие глаза, чуть прикрытые веками, словно смотрят вдаль... Впечатление слепоты еще больше усиливают густые, нависшие стариковские брови. Свободно падает на могучую грудь окладистая, спутанная борода. Рот Рудаки приоткрыт, и кажется, что вот-вот поэт заговорит, вот-вот слетят с его губ исполненные глубокого смысла бессмертные строки стихов...

Незадолго до окончания работы над портретом в гости к Герасимову приехал автор сценария фильма о Рудаки, таджикский писатель Сатым Улуг-зода. Еще не переступив порога кабинета ученого, едва взглянув на бюст, стоявший на рабочем столе, Улуг-зода воскликнул:

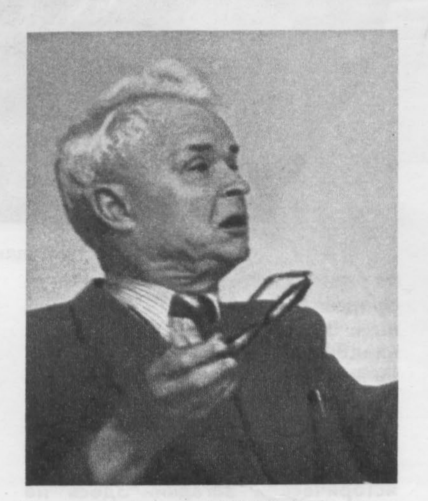
— Это наш Рудаки! Здравствуй, Абульхасан!

— Здравствуй, Абульхасан! — с радостью узнавания говорим и мы.

Поэма «о море»

На съемках фильма

Л. ПЧЕЛКИН

Народный артист РСФСР А. П. Довженко.

Для Александра Петровича Довженко работа была вдохновением. Его всегда увлекало новое, неизведанное. Я помню, когда снимался «Мичурин» — один из ранних наших цветных фильмов,— подолгу с художниками и операторами искал Довженко необходимое цветовое решение кадра... Прошло десять лет, и с тем же энтузиазмом и юношеским задором готовился А. П. Довженко к работе над широкоэкранным фильмом «Поэма о море».

Более полугода жил он в Новой Каховке, был близко знаком с рабочими стройки.

— Мне необходимы встречи с народом, — говорил он, — с моими людьми, чтобы умножать себя, свои мысли и чувства, братаясь мыслями и чувствами с другими.

Это было не стороннее любование наблюдателя, а стремление глубоко проникнуть в жизнь, понять и познать характеры, нравы, быт.

Однажды вместе с секретарем горкома партии поехал Довженко на отчетно-выборное комсомольское собрание; там было много интересных выступлений. Собрание приближалось к концу. Усталый Александр Петрович вышел на улицу подышать свежим воздухом. Была теплая звездная южная ночь. Около крыльца он увидел плачущую маленькую, худенькую женщину, очень юную, с ребенком на руках. Александр Петрович подошел.

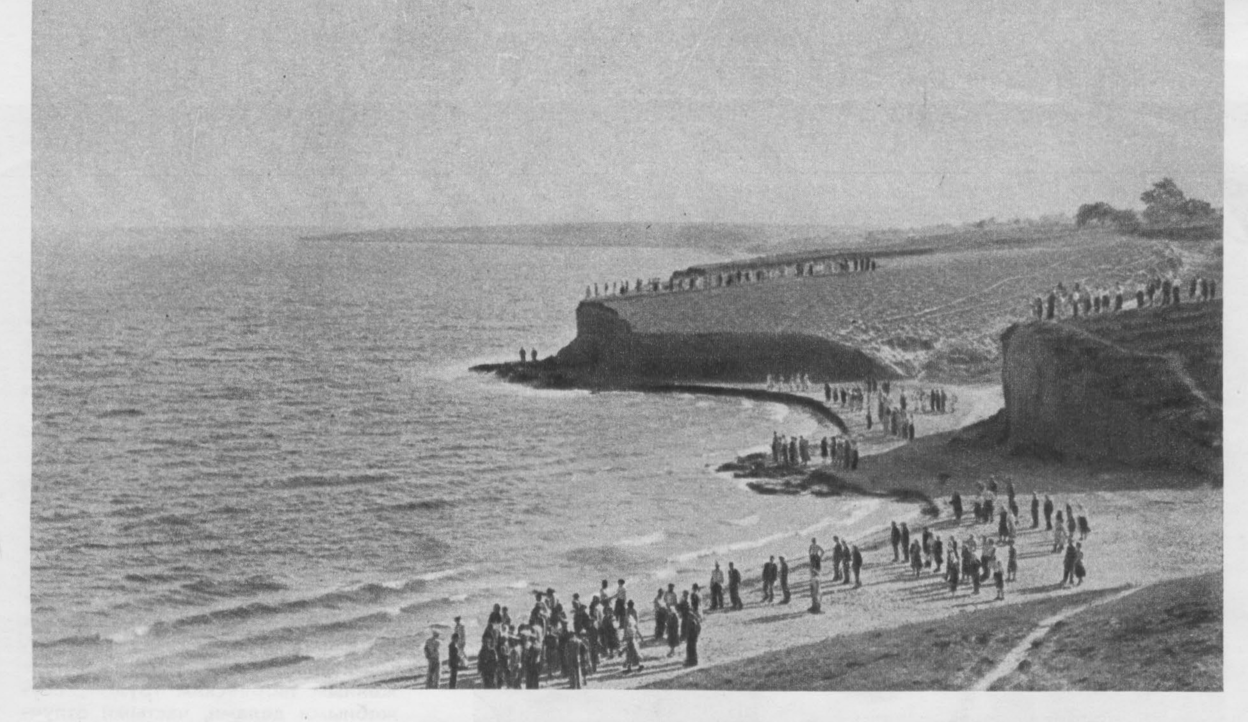
Она как-то сразу прониклась доверием к этому седому человеку с добрым лицом и все ему рассказала. Оказывается, один из прорабов, сидящий в президиуме собрания, бросил ее с ребенком на произвол судьбы. Рассказ девушки взволновал Довженко. От нее же он узнал, что кандидатура этого человека... выдвинута сейчас в состав нового комсомольского бюро.

Александр Петрович тут же вернулся на собрание, вызвал секретаря горкома и рассказал ему услышанное. Тот немедленно сообщил собранию об аморальном поступке комсомольца, предложив отвести его кандидатуру. Кстати, эпизод этот в несколько видоизмененной форме вошел в сценарий «Поэма о море». Случай этот произвел сильное впечатление на Довженко, и он часто потом говорил, что мастера кино очень мало еще сделали для воспитания молодежи.

Однажды, выбирая в Новой Каховке место будущих съемок, Александр Петрович встретился в поле с женщинами-колхозницами. Как всегда, завязалась беседа. Решив, что перед ними какой-то руководитель из Киева или Москвы, они стали жаловаться на неправильные действия председателя колхоза. И, хотя Довженко надо было срочно выезжать в Москву, он поехал в районный центр, встретился с секретарем райкома партии и передал ему жалобу колхозниц. Впоследствии мы узнали, что после обстоятельного расследования собрание колхозников сняло председателя с его поста.

Можно привести немало подобных примеров, когда Довженко из наблюдателя превращался в энергичного и требовательного участника событий.

...«Для того, чтобы волновать зрителя, надо не только артистам, надо автору быть взволнованным. Для того, чтобы потрясать, надо быть потрясенным. Для того, чтобы радовать, просветлять душевный мир зрителя и читателя, надо нести просветленность в своем сердце и правду жизни поднимать до уровня сердца, а сердце нести высоко»,— говорил Довженко на съезде писателей. И таким он был.

На берегу нового моря...

Большая, светлая комната в новом корпусе киностудии «Мосфильм» во время встреч и бесед Довженко превращалась в какой-то университет жизни.

Жизнь замечательного художника оборвалась в самый разгар его интересной творческой работы, за пять дней до начала съемок.

Работу над фильмом, задуманным А. П. Довженко, по его сценарию, продолжает тот же съемочный коллектив: постановщик фильма сейчас — заслуженная артистка РСФСР Ю. Солнцева, режиссер — автор этих строк, главный оператор — Г. Егиазаров, художники — А. Борисов и И. Пластинкин (это их первая самостоятельная работа), звукооператор — В. Лагутин. Музыку к фильму пишет композитор Гавриил Попов. В новом фильме играют известные артисты: Б. Андреев, Б. Ливанов, М. Царев, М. Романов, И. Козловский, Ю. Тимошенко и другие.

Интересной для Довженко была эта прогулка...

Александр Петрович часто подчеркивал, что «Поэма о море» должна стать поэмой о простых людях, об их жизни, дружбе, борьбе за светлое будущее. Людям Днепра, великой созидательной работе на его берегах посвятил Довженко свой последний, незавершенный труд.

И вот теперь мы путешествуем вниз по реке, мимо Канева, через шлюзы Запорожской плотины, туда, где создавалось Каховское море.

Съемка эпизодов, связанных с селом, проходит в живописных окраинах Канева, Черкасской области. Много интересного можно рассказать о четырехмесячной работе в районе Канева. Но, пожалуй, самое замечательное то, что многие его жители постепенно из зрителей превращались в участников фильма.

Колхозник Ничипор Павлович Бугай снимался в небольшом эпизоде. Расчищая дно будущего моря, бульдозеры должны снести дом одного из персонажей фильма, колхозника Басанского. Тот никак не верит, что на месте его хаты будет море, и всячески убеждает своего соседа, что будущее море пойдет стороной...

Ничипор Павлович играл роль этого соседа. Молча сворачивал он цигарку, как бы понимая и чувствуя то, что происходит в душе Басанского. Делал он это настолько правдиво и выразительно, что решено было ввести его и в другую сцену. Текст, который ему на сей раз предстояло произнести, был довольно сложный. «Слушайте, а может быть, черт его знает, я иногда думаю, заменить бы все это дело мирной атомной энергией? Как вы, Игнат Максимович? Эра ведь уже атомная!» — говорит он, обращаясь к генералу Федорченко — Б. Н. Ливанову.

На репетиции все обстояло благополучно. Но стоило дать команду «Мотор!» и начать съемку, как Ничипор Павлович терялся, сбивался, путал текст, потом совсем забывал его. Растерянный и виноватый, стоял актер. На следующий день опять репетиция, и вот тут «молодой» артист (в жизни ему за 60 лет) сам нашел очень верное приспособление. К удивлению всех присутствующих, он начал со своей сложной фразой, которую мы приводили выше, обращаться к каждому работнику группы, называя их по имени и отчеству. Сцена получилась естественная, фраза была им осмыслена, он «привык» к окружающим. После этого команда «Мотор!» уже не страшила исполнителя, и съемка прошла успешно.

Не менее одаренной оказалась и жена Ничипора Павловича — бабка Наталка, как ее все называют в селе Селище. В эпизоде разрушения хаты Шияна его мать-старуха, прощаясь с домом, целует косяки дверей. Когда «актрисе» объяснили задание и попросили показать, как бы она поступила в подобном случае, ее игра превзошла ожидания. Она искренне по-бабьи плакала и причитала, словно верила во все происходящее. Это было настолько правдиво и трогательно, что эпизод решили увеличить.

Все эти встречи с прототипами героев фильма подтверждали глубокое знание жизни у автора сценария — Александра Петровича Довженко.

Много интересного было и на грандиозном строительстве Сталинградской гидроэлектростанции, где мы снимали строительство Каховской ГЭС.

Место для съемок одного из эпизодов было выбрано на эстакаде. Гостеприимные строители разрешили нам кабинет начальника управления на командном пункте разделить на две части. В одной — начальник управления Г. Ф. Масловский ежеминутно вызывал к себе, беседовал, отчитывал начальников участков, инженеров, прорабов, требовал по телефону своевременной подачи бетона, конструкций и т. д. В другой — мы поправляли грим актерам, уточняли костюм. И, хотя все присутствующие занимались своим важным делом, чувствовалось, что и строители и кинематографисты наблюдали друг за другом. Строители присматривались, насколько достоверно их собираются изображать в будущем фильме, а «съемщиков», как называли нас на стройке, волновало, насколько мы похожи на свои прообразы. Это приглядывание друг к другу очень сблизило нас со строителями.

Мне хочется закончить этот мой рассказ примечательной страницей из записок Довженко.

«Сегодня мне шестьдесят лет минуло. Вчера целый вечер был взволнован, весь преисполнен сложными мыслями: промелькнула моя буревая жизнь. А сейчас сижу у окна в Каховке. Прекрасное тихое утро. Предо мной совсем близко синеет Днепр, за тихою днепровскою водой белеет Козачий остров и село Козачье на той стороне, а на осеннем небе ни облачка. Мне радостно и приятно, что свой осенний праздник я встречаю в новом социалистическом городе, в Новой Каховке, возле плотины, что создает тут новое море и новую жизнь, и вокруг меня молодые люди. Сегодня воскресенье, все отдыхают, и даже на речке уменьшилось рабочее пароходное движение. Я люблю Новую Каховку. Люблю Днепр — великую реку моего народа, чистый ласковый воздух, ясное небо и широту во всем, и сдержанность в пейзаже, и величавый покой. И нигде мне не хотелось бы так жить, как тут, на чудесном родном берегу, нигде и никогда я не проникался так любовью к людям, как тут. Каховка, где когда-то в прошлом столетии батрачил еще молодым мой отец, стала отчизной моего сердца, родиной самых дорогих моих чувств. Небо такое ясное, и воздух прозрачный. Я благословляю жизнь, великую и прекрасную, и благословляю свою судьбу, что одарила меня такими дарами. Всех людей сегодня я люблю, люблю свое правительство, партию свою...»

З. Кириенко в роли геодезистки Катерины.

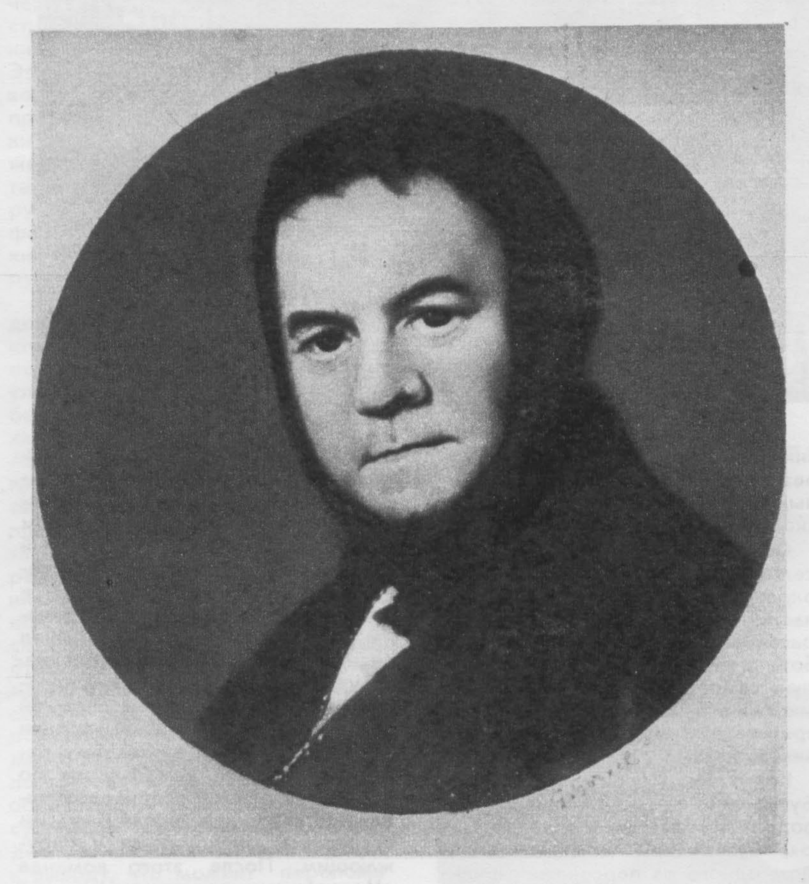

Мудрость Стендаля

При жизни его оценили немногие; правда, среди них были Гёте, Пушкин, Бальзак. Большинство же снисходительно считало его «осколком прошлого»: в пору расцвета туманных, мистических учений он сохранял приверженность к трезвой материалистической мысли своих духовных отцов, просветителей XVIII столетия. Критики называли его случайным человеком в литературе, дилетантом, не владеющим стилем. Потомки, как бы стремясь загладить вину современников, наоборот, провозгласили писателя человеком XX века, родившимся «слишком рано». В наши дни во всех странах отмечают 175-летие со дня его рождения.

Книги Стендаля действительно близки духу нашего времени, недаром Горький назвал их «письмами в будущее». И все же секрет бессмертия Стендаля и самый мудрый его урок в том, что он был поистине человеком своей эпохи, одним из тех, чьим трудом и борьбой совершался в начале прошлого столетия социальный и духовный поворот в жизни европейского общества.

Свой первый роман он написал, когда ему было за сорок, а до того прожил на редкость беспокойную жизнь.

Анри Бейль — позже, укрываясь от австрийской полиции, он стал подписывать свои книги именем Стендаль — родился за шесть лет до Французской революции. Его детство озарено отсветом революционного пожара, любимые герои его юношеских игр — суровые якобинцы и волонтеры республики. «Я любил свободу с ожесточением, — будет он вспоминать, — у меня были два или три изречения, которые я писал повсюду... Одно из них приходит мне на ум: «Жить свободным или умереть!» Характер будущего писателя, семнадцати лет вступившего в наполеоновскую армию, выковывался в трудных буднях войны, его университетом стала жизнь Европы. Европу он исколесил вдоль и поперек, организуя снабжение войск. Русский поход 1812 года завершил пору ранних странствий Стендаля. Из трагедии разгрома и гибели тысяч соотечественников на просторах России он вынес зрелость мысли, восхищение стойкостью русского народа: «Патриотизм и настоящее величие я... нашел в деревянных домишках России».

В мрачную ночь реставрации Стендаль делает запись в дневнике: «Аристократы и буржуа подписали договор, объединяющий и охраняющий их союз от всех бедняков и тружеников». Он покидает Францию, путешествует по городам Италии, осматривает ее древние памятники и полотна мастеров Возрождения, с упоением внимает «божественным мелодиям» Россини, переживает страстные увлечения. Выходят в свет его первые книги об искусстве и путевые заметки. Стендаля хорошо знают в среде патриотов-карбонариев. В награду за выполненные секретные поручения вождей подпольных обществ Стендалю и Байрону преподносят ветки белой акации — знак высокого доверия, которого удостоились немногие иностранцы.

Все, что Стендаль пережил, передумал за годы своих скитаний, все, что он вынес из размышлений о прошлом и будущем искусства и ожесточенных литературных сражений, он вложил в свои книги. В его романах и новеллах так много личного, что в Стендале порой видят лишь «певца своей жизни», озабоченного исключительно скрытыми движениями собственной души. При этом забывают, что он никогда не был кабинетным затворником или праздным созерцателем, что его личный опыт вобрал в себя опыт четырех десятилетий европейской истории. Он презирал поэтов, считавших единственным источником поэзии свое одинокое сердце. Стендаль даже сугубо автобиографические произведения писал не столько о себе, сколько о времени. Писатель умел мыслить исторически: трагедия его героев — трагедия целого поколения французов, выросших в атмосфере воспоминаний о героической поре революции и наполеоновской эпопее, но обреченных прозябать в мертвящем холоде безгероичной эпохи: «Двести тысяч Жюльенов Сорелей населяют сейчас Францию».

Стендалевский Жюльен, этот сын плотника, «созданный из того же материала, что и титаны 93 года», вынужден встать на путь приспособленчества, растрачивать весь пыл своего сердца и ума по мелочам, впустую. Он отворачивается от друзей и угождает людям, которых презирает; безбожник и атеист, он становится святошей; поклонник Робеспьера — пытается стать равным в кружке аристократов; будучи наделен острым умом, поддакивает глупцам, делает любовь рычагом для осуществления честолюбивых замыслов. Поняв, что современное общество — это вечная упорная схватка роскоши с нищетой, он избрал в этой борьбе оружие, предложенное самой эпохой, — лицемерие. И все же ему не дано окончательно заглушить в себе благородные задатки гордого и независимого плебея, вовсе отречься от бескорыстных порывов и стремлений к добру, живущих в его сердце, уйти от высшего нравственного суда — суда собственной совести. Удар звенящего топора гильотины обрывает жизнь Жюльена Сореля.

В годы июльской монархии Стендаль стал свидетелем того, как любимое изречение его юности зазвучало по-новому: в тридцатых годах ткачи Лиона подняли над баррикадами черные стяги со словами: «Жить работая или умереть сражаясь». Знамя революции и прогресса переходило в мускулистые рабочие руки. Обо всем этом Стендаль рассказал в «Красном и белом», проведя своего героя Люсьена Левена через страшные круги политического ада, именуемого буржуазным государством. Этот роман, быть может, самая горькая, гневная и саркастическая из всех книг Стендаля, — одно из немногих произведений европейской литературы, донесших до нас отдаленное эхо первых революционных боев пролетариата.

Стендаль знал о великих возможностях обновления мира, таившихся в народе: «Только из недр народных выходят гении, только там рождаются они, в классе бедняков. Это единственный класс, который способен на большие страсти и героические чувства. Он верил, что «золотой век, который слепое предание считает прошлым истории, на самом деле впереди». Писателя всегда влекли к себе натуры бесстрашные, цельные, волевые. Таких людей он нашел за пределами тусклого, прозаичного мира буржуа, среди своих итальянских друзей — карбонариев.

С Италией связаны последние годы Стендаля. Французский консул в небольшом приморском городке близ Рима, писатель лишь изредка бывает в Париже. Остальное время занято напряженным творческим трудом, служебными делами, частыми отлучками в Рим, где он работает в библиотеках над старыми рукописями, долгие часы проводит в музеях и древних соборах, встречается с друзьями; среди них — русский путешественник, брат декабриста, Александр Тургенев. 22 марта 1842 года, во время очередного наезда в Париж, на улице, Стендаля настиг сердечный удар. За гробом шли Мериме, А. Тургенев и еще двое друзей писателя.

«Роман — это зеркало, которое наводишь на большую дорогу. Оно отражает то небесную лазурь, то грязь дорожных луж», — написал однажды Стендаль. Прошло больше ста лет с тех пор, как он пронес по дорогам и перекресткам жизни умное зеркало своего искусства; в нем отразились и красное зарево революций, и черная ночь реакции, и человеческие страсти, и белый снег чистой любви. Отчего же правда о том далеком теперь веке, с такой беспощадностью высказанная им, волнует нас, людей иной страны, другого времени? Почему Горький призывал учиться у мудрого Стендаля, а писатель-коммунист Луи Арагон говорит о «свете Стендаля», помогающем писателям наших дней проникнуть в тайны современности и понять свое призвание?

Не оттого ли, что Стендаль был из той же породы гениальных «человековедов», что и Шекспир, Толстой, Достоевский? «Искусство живет только страстями», — писал он и ставил перед собой задачу «полного и пламенного изображения человеческого сердца».

Стендаль — создатель европейского социально-психологического романа. Вместе со своими великими современниками Бальзаком и Диккенсом он открывает историю реализма XIX—XX веков.

«Одною рукой мы держим перо, другою — меч» — так определил Стендаль место писателя в жизни. Художник-борец, он своими тревожными раздумьями о человеке и его счастье, страстными исканиями истины и жгучей ненавистью к общественному злу, всеми своими идеалами, устремлениями, а порой и заблуждениями был кровно связан с борьбой европейской демократии XIX века. Эта связь была почвой, питавшей реализм Стендаля. Его книги передают нам, современникам великого обновления мира, эстафету свободолюбия, гуманизма, правды.

С. ВЕЛИКОВСКИЙ

И. И. Левитан. СЕРЫЙ ДЕНЬ. ОЗЕРО. 1895 год.

Горьковский государственный художественный музей.

И. И. Левитан. ПЕРЕД ГРОЗОЙ. 1879 год.

Горьковский государственный художественный музей.

Ванька Лобан

Рассказ

Дмитрий ОСИН

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

I

Уходят под воду припойменные жарынские поля и леса, уходит старое кладбище. Елочки-монашки, сторожившие его, срезаны, кресты сняты. Затравеневшие бугорки могил сиротливо припали на обнажившейся, голой круче и напоминают о том, что здесь было.

Далеко, насколько видать, ходит разлившееся волжское море, ветреное, неустоявшееся, каждый день меняющее свои берега. Неделю назад оно плескалось внизу, у дороги; сегодня подошло к самому кладбищу.

Старая Жарынь давно перенесена на другое место, за тридцать километров отсюда, и называется теперь Ново-октябрьским поселком. Только сельские собаки забегают порой туда, где она стояла, и, не находя приюта, лают возле бывших селиб.

По кладбищу среди могил одиноко бродит какая-то явно нездешняя старуха, словно ищет и не находит что-то потерянное, забытое. Она в добротном крестьянском армяке, подпоясанном веревочкой, в сапогах с подковками. На голове теплый, шлыком платок; за спиной плетеный кошель.

Старухе лет семьдесят, но держится она бодро, истово. Морщинистое лицо тронуто нечастыми оспинами, губы стянуты горем.

— Ваньша! Сыночек! — чуть слышно бормочет она, точно окликая кого-то, и, не ожидая ответа, разговаривает сама с собой: — Все... все перекопано. Заросло все. Ни елки той, ни могилочки!

Выцветшие глаза ее покраснели, слезятся — не то от ветра, не то от невыплаканной, давней муки; руки трясутся. А вода подступает к самому бугру, вот-вот перехлестнет узенькую полевую дорожку, отрежет его от остальной суши.

— Все... все сместилось! Ни двора, ни Жарыни той; одно только кладище...

Размашисто крестясь, старуха обходит могилы еще раз, вглядывается, скорбно поджимает губы. Сапоги ее в глине, подол захлюстался.

— Вот тут вроде сват Кирилл, — узнает она. — А рядом — сеструха Дарка. Лежите, ничего-то вы не знаете... — тоненько, навзрыд разносится горестный одинокий причет. — Ваньша, кровиночка моя рожоная... и-и!

Где-то неподалеку размеренно стучит лодочный мотор. Приставив темную костистую ладонь к глазам, старуха оглядывается, стихает. Появление посторонних, по всему, неприятно ей. Давнее горе не ищет свидетелей.

— Почудилось, видать? А будто моторка шла, тарахтела...

Не разглядев ничего, она устало опускается на первый попавшийся бугорок, вытягивает ноги. Ветер налетает, пылит в лицо колкой водяной пылью и, сдается, делает все, чтобы море скорее захлестнуло это оголенное кладбище.

Отворачиваясь от него, Шитов запахивает старый, крытый бобриком пиджак. Моторка кренится, рвет кружевную, вскипающую пену.

С недавних пор он пристрастился удить с лодки. Подберется к какому-нибудь бережку и тягает красноперок или окуней, пока не надоест.

Речная текучая тишина завораживает, клонит в дрему. Жаворонки трезвонят, как одурелые.

Но Шитову не спится. Сорок пять лет, как один день, отработал он клепальщиком-глухарем на верфи в Сормове, а это что-нибудь да значит.

Крупный, нескладный, с неумело подстриженной седой бородой и шалашом пепельно-густых волос, он после смерти жены перебрался из Сормова в Городок, живет на покое. Сын работает монтажником на гидростанции, а Шитов возится с лодкой, нянчит внуков в свое удовольствие.

Жизнь его, как большая река, — идет, убегает вдаль, за синие плесы, за крутые излучины. Не упомнить всего, что в ней было да сплыло, но и не забыть, не вытравить из памяти.

— У воды жить, да без рыбы быть? — оправдываясь, глуховато бубнит он, когда невестка корит его за то, что день ото дня не сидит дома.

Ведерко в неделю — хоть малое, а все ж подспорье. А главное — забава по душе, вроде развлечения.

Меняются земли и воды, встают на реках плотины, разливаются невиданные моря. Когда-то здесь, на Жарыни, наезжая из Сормова, Шитов гулял на вечеринках. Здесь он женился, здесь в двадцать девятом году, во время коллективизации, работал уполномоченным по хлебозаготовкам...

А теперь нет ничего: ни памятных полевых росстаней, ни лугов, ни лесов, ни родных, ни знакомых. Вспоминай, не вспоминай — ничего не отменишь. Полой водой сошла, прокатилась былая жизнь — в море ли, в вечность — все равно не воротишь.

Смотав снасти, Шитов собирается домой. Липкая рыбья лузга усыпала лодку серебряными гривенниками. Ведро полно, вровень с краями.

Вешняя непогодь, неоглядное половодье. Море прибывает не по дням, а по часам.

«Не успеешь оглянуться — зальет и жарынское кладбище, — думает Шитов. — Зальет, заплеснет самое высокое место. Только барашки закипят под ветром...»

Моторка, не торопясь, обходит кладбищенский бугор, и, обернувшись, Шитов вдруг замечает на нем старуху. Она сидит, даже не глядя в его сторону.

Длинные языки воды перехлестнули полевую дорогу. Кладбище похоже теперь на остров, отрезанный от суши.

Привстав на корме, Шитов сердито окликает:

— Э-эй! Ты что это... а?

Но старуха сидит по-прежнему — то ли не слышит, то ли не хочет отзываться на оклик. Шитов осторожно подгоняет моторку к глинистому обрыву, выскакивает на берег.

— Эй, ма-ать! Ты чего тут? Слышишь...

Медленно обернувшись, та неохотно отзывается:

— Слышу. Не оглохла еще.

— Не видишь разве? Затопит...

Шитов широко взмахивает рукой, показывая, что вода отрезала дорогу. Лицо его красно, усы, борода мокры от брызг.

Старуха глядит на него, словно не понимая, о чем речь. Слезы мелко-мелко сыплются по ее щекам, бегут по подбородку. На нем клочки каких-то волос неопределенного цвета и назначения.

— Пускай топит.

— Тоже надумала! Садись-ка в лодку! — приказывает Шитов. — Нечего тут с покойниками...

Он помогает старухе подняться, перейти в моторку с трогательной и одновременно заботливой грубоватостью, которой можно не подчиниться и на которую нельзя обижаться. И старуха не обижается, а покорно садится на лавочке возле ведра с шевелящейся рыбой.

Словно для того, чтобы показать, какой опасности она подвергалась, Шитов неторопливо объезжает кладбище. Вода затопила низины вокруг; только по ту сторону разлива виднеется кусок полевой дороги, как будто кто-то вот-вот выедет по ней из морских глубин и, спасаясь от половодья, заспешит в гору.

— Издалека? — спрашивает Шитов, прищуренным глазом оглядывая неожиданную свою пассажирку. — Нездешняя, видно...

— С Урала.

— А чего сюда к нам забрела?

— На кладище.

— Схоронен кто, что ль?

Вытирая кончиком платка слезящиеся глаза, старуха запоздало всхлипывает:

— Ваньша! Сынок мой...

Обмахнув ладонью усы, бороду, Шитов недоумевающе вскидывает темные мохнатые брови.

— Как же это? Сама, говоришь, с Урала, а сын тут?

Старуха не без опаски поясняет:

— Раскулаченные мы. Тут, на Жарыни, прежде жили.

Шитова опахивает словно бы давним, забывшимся ветром. Завеса времени спадает, и он смутно догадывается о том, что недоговорено.

— Чья ж ты тут была... на Жарыни? Михеева, может?

— Лобанченкова,— хмуро поясняет старуха.— Ефима Лобанченка знавал ли?

— Кажется, знал,— задумчиво говорит Шитов.— На отшибе жили? Возле яра?

— Мы самые. Мы...

— Сын без ног? На тележке?

— Он, он... калекша. Ваней звали.

Моторка выходит на простор, валко взлетает с волны на волну. Пена рваными клочьями падает через наветренный борт и, шипя, истаивает среди лузги и снастей.

Старуха сидит, не шевелясь, закрыв глаза. Рябоватое ее лицо не то в слезах, не то в водяных брызгах. Губы запали горестно и немо.

А Шитов, пригнувшись, держит наперерез волне и, будто стряхнув с плеч три десятка лет, видит наяву и старую Жарынь, и себя, и Ефима Лобанченкова, и калеку Ваньшу. Ничто не забылось, не ушло из памяти; только, может, новое море, что разливается вокруг, навсегда затопит былое.

— Знал. Знал я и сына твоего. Старик-то жив или нет?

— Помер, царство небесное. А я у старшенького живу,— вздыхает старуха.— В Ревде, в леспромхозе...

— Сюда-то чего явилась?

— На родинное место глянуть. Последний разок.— Она поправляет сбившийся платок, истово оглядывается кругом.— Как услыхали, что море тут с весны разольется, Саньша и говорит: «Езжай, мать! Прощайся с Жарынью за всех нас... чтоб ей ни дна, ни покрышки!» Я и собралась.

— Собралась, да опоздала,— бурчит Шитов.— Жарынь вашу на новое место переселили. И следов не осталось!

— Пришла, а тут даже могилки Ваньшиной не сыскать. Хожу по кладбищу, как потерянная, слезами обливаюсь...

Шитов внезапно суровеет. Глядя на нее с едва сдерживаемой злостью, осуждающе машет рукой.

— Обливалась бы тогда, как живой был! А то не матерью ты ему обернулась, а мачехой.

Испуганно дрогнув, старуха виновато опускает голову. А Шитов с беспощадной и обличительной прямотой высказывает ей все, что пришло, теснится в сознании, не поддаваясь ни состраданию, ни жалости к ее горю, старости и одиночеству.

— Нет тому забвения и прощения нет. Какая ж ты мать, если родного сына не пожалела?

Он встает на корме, держась за рукоятку мотора, выпрямляется и похож сейчас не на старого сормовского клепальщика-глухаря, а на грозного и неумолимого судью.

— Думаешь, люди забыли, что в те поры было? Не-ет, все помнят! И хлеб в земле, и тебя со стариком, и сына-калеку вашего.

Слабо охнув, старуха беспомощно опускается на дно лодки. Плечи ее содрогаются от неутолимых слез. А жаворонки звенят и звенят над зазеленевшими берегами, будто славят того, о ком говорит Шитов, по ком непоправимо горько и безутешно плачет мачеха-мать.

II

Ванька Лобан шести лет упал с лошади. Отнялись у него ноги. И стали его катать по Жарыни на деревянной скрипучей коляске.

Рос Ванька, росла коляска. Менялись под ней щербатые березовые катки, пока не нашлись железные, со спицами. Те служили долго.

Страшно было глядеть, как играет он на гармонике. Красные извивающиеся меха, сизые пальцы на ладах да большая, лохматая Ванькина голова с трудными, каменно-безразличными ко всему глазами.

Еще умел он лепить чертиков из глины. И все мечтал сделать такого, чтобы на сорок верст кругом страшней не было.

Ребятишки за Ванькой гурьбой шли. Кто коляску помогал катить, кто выпрашивал табачку. А иные дразнились...

Батрачонок Сенька, приставленный к нему, кидался на задиравшихся с кулаками, но Ванька Лобан останавливал его:

— Пускай, Сеня! Корольково племя завсегда на человека накинуться норовит.

— Скоро им, Корольковым, укорот будет,— грозился Сенька.— Сам слыхал...

И, спохватившись, не договорив, снова впрягался в ременные лямки.

— Ох, и моему бате не миновать,— задумывался Ванька. И, помолчав, грустно признавался: — Одну только мамку жалко, а батю с братьями — нисколько!

На вечеринках подлетали к нему пьяные, разгоряченные вином и пляской одногодки-женихи.

— Ван Химыч! Гул-ляем, а?..

— Гуляем,— широко расплывался в улыбке Ванька.— Ходи, изба, ходи, печь! Хозяину негде лечь...

— А девки любят?

Лицо калеки будто ломала судорога.

— Лю-бят,— через силу врал он, снизу вверх поглядывая на сверстников и тепля в бледных, тонких губах маленький огонек самокрутки.

— Любят? Такого калекшу? — топая начищенным сапогом, выкрикивал Петр Корольков. И смех заглушал его слова.

В двадцать девятом году забеспокоились богатеи, дрогнул Федор Степаныч Корольков.

По ямам, по тайным бунтам гнил хлеб. Точила его земляная плесень да ржа, мыши гнездились в полове. А по селу из дома в дом ходили комсомольцы, и уполномоченный по заготовкам Шитов подсчитывал собранное зерно.

За амбаром, в лопухах и дедовнике, застигли братья Лобанченковы батрачонка Сеньку. Сидя на корточках, тот самодельным щупом шуровал под полом.

Братья остервенело выволокли Сеньку в поле и там, зажав рот, били в четыре кулака, пиная окровавленное, пугливо вздрагивавшее тело. Утром батрачонка нашли девки, ходившие полоскать белье, и отнесли в больницу.

Узнав о случившемся, Ванька Лобан одурел от горя и тоски и, как полоумный, потащился к другу на скрипучей своей тележонке. Когда его впустили в палату, Сенька приоткрыл затекшие, кроваво-студенистые глаза, попытался вздохнуть.

— Кто тебя... Сеня? — трудно спросил Ванька.— Корольковы?

Сенька, морщась, помотал забинтованной головой.

— Братья... твои,— прошептал он, облизывая пузырившуюся на губах алую тягучую слюну.— Григо-рий и Саш-ка. Выспитками... своло-чи!

— За что?

— За яму. Яму с хлебом я... открыл.

Он устало зажмурил глаза, отвернулся. Ванька скрипнул зубами от нахлынувшей ненависти и проклятого своего бессилия.

На Егорьев день нагрянула к Лобанченковым комиссия. Старый Ефим встретил гостей на пороге. Жена выбросила ему ключи от амбара.

Утопая в навозной жиже, комиссия пошла по двору. Возле амбара было чище и суше.

Распахнув мореные дубовые двери, Шитов не взглянул на пустые сусеки и приказал поднимать пол. Зажгли висевший на гвозде фонарь.

Под полом открылись присыпанные трухой доски, рубленый, как колодец, еловый обсад. Открыли и его. Фонарь осветил потайной просторный сусек: хлеба в нем не оказалось, он был пуст до дна; только землеройка-мышь билась в углу, настигнутая огнем.

— Враки! Не здесь спрятано...

Шитов сердито оглянулся. Горячечные от бессонницы глаза его встретились с большими непокорными глазами калеки. Забытый всеми, Ванька Лобан сполз с коляски и, хватаясь руками за стены, силился перелезть через порог в амбар.

Глянув на него еще раз, Шитов торопливо спрыгнул в сусек.

— Огня!

Ему подали фонарь.

Опустившись на колени, он пошарил руками, и рассохшееся дно сусека затрещало. Ефим Лобанченков визгливо ёкнул, шатаясь, пошел вон из амбара. Он был, как в жару.

Комсомольцы подхватывали доски; пыль поднялась столбом, повалила наружу.

Ванька уступил дорогу отцу и подполз к сусеку. Тусклый жар зерна, сваленного в огромный бунт, ударил ему навстречу. А Шитов уже запускал в него железный прут и не доставал до дна.

Назавтра старик заложил в рессорку буланую пару и собрал Ваньку в город, в инвалидный дом.

— Не дам я его,— отрезал он рассвирепевшим братьям.— Сам не могу и никому не дам! Калекша он, нейдет на него рука...

— Так пускай он и дальше старается,— злорадствовал Григорий.

А Сашка вторил:

— Батьку продаст, сам по миру!

— Будет вам! — цыкнул на них старик и погнал коней.

В городе он поднял сына, как мешок, с рессорки. Ванька почувствовал, как отец против воли прижал его к широкой своей груди.

— Видеть тебя не могу! — задыхаясь, выругался старик и брякнул его на землю.

А неделю спустя Ванька Лобан ночью подползал к отцовскому дому. Возле ручья летучие стрелы света догнали, ударили его в спину. Заметавшись, как заяц на большаке, он грузно рухнул в канаву.

Скрипнув тормозами, машина остановилась. Шитов выскочил из нее и, схватив Ваньку за руки, поднял на дорогу.

— Где пропадал... парень? — тревожась и радуясь, спросил он, вглядываясь в угрюмые, затравленные глаза калеки.

Ванька Лобан промолчал.

— А мы тебя заискались,— рассказывал Шитов.— Ребята, как потерянные, ходят. Комсомольская вечеринка сорвалась... играть некому.

— Некому? — недоверчиво переспросил Ванька. Слабая дрожь пробежала по его лицу.

— У отца твоего сколько раз спрашивали, у братьев. «Не знаем!» — бурчат. А Семен уже выздоравливает. Про тебя пытал: где, мол?

— А я в городе был,— прошептал наконец Ванька.— В инвалидошном приюте.

— Как же ты попал туда? Что делал? — Шитов не догадывался еще ни о чем.

Ванька Лобан жадно вдохнул теплый падун-ветерок, облизал потрескавшиеся губы.

— Батя свез. Братья убить меня хотели, да он не дал...

Шитов задумался, спросил:

— Где ж ты теперь жить думаешь?

— Дома.

— А братья?

— Ничего... уймутся!

— Ну, ладно. Завтра поглядим, решим. Я заеду.

Шитов обернулся к машине, открыл дверцу.

— Садись, Ваня!

— Тут близко. Я и сам... «дойду»,— хотел сказать Ванька, но не договорил и диковато насупился.

Назавтра Шитов заехал, как обещал. Ефим Лобанченков собирался уезжать, молча складывал в торбу белье, сухари и даже не ответил на вопрос о том, где Ванька. Шитов спросил у братьев.

— Не видали мы его,— хмуро отозвался Сашка.

А Григорий злобно добавил:

— Может, на Жарыни у кого скрывается? Дома ему все равно не житье!

Ничего толком не добившись, Шитов, встревоженный и недоумевающий, пошел из избы. Хозяйка-мать с мутными, как осеннее небо, глазами сердито отшатнулась от него в сенцах.

— Где Ванька? — требовательно спросил Шитов.— Ты-то хоть скажешь?..

— Нету! Не знаю я...

И заголосила, как по мертвому.

А вечером, на закате, отыскался Ванька Лобан. В яру, в ровчаке, где по ночам свирепо бились речные совы и выдранное подпушье висело по кустам лозняка.

Лежал он навзничь, сдавалось, подмигивая кому-то полузакрытым глазом, и щерил редкие зубы. Синие пятна ползли по лицу.

Кулацкие подпевалы говорили, что настигла калеку запоздавшая божья кара. А комсомольцы утверждали:

— Ванька Лобан отравлен своими!

Современник

Илья АВРАМЕНКО

В те дни, когда гражданская война,
дымясь фронтами, все еще гремела
и Родина, вконец разорена,
ни топлива, ни света не имела,
по ленинскому зову мой герой
строителем пришел на Волховстрой.

Пришел он со студенческой скамьи,
чтоб положить свой первый камень в зданье,
чтоб молодость и замыслы свои
связать с великим планом созиданья,
чтоб высечь из волны плененный свет...
А было парню девятнадцать лет.

И, не давая отдыха рукам,
он день и ночь работал неустанно:
сырую землю в тачках по мосткам
выкатывал наверх из котлована,
в слежавшийся веками донный грунт
кувалдою вгонял железный шпунт.

Единственной в ту пору нам была
и верною помощницей лопата.
О, сколько в сердце хлынуло тепла,
когда на стройку прибыл экскаватор!
Сюда его по рельсам подвезли,
и люди насмотреться не могли.

Гремела цепь, тяжелая губа,
врезаясь в землю, черпала едва ли
и полтора положенных куба,
но грабари уже торжествовали.
А мой герой — он даже, говорят,
почти влюблен был в этот агрегат.

Доверием Отчизны дорожа,
прошел он курс практической науки:
от земляных работ до монтажа
бетонных блоков — все познали руки.
Да, он уже десятником ходил,
когда плотины гребень возводил.

А дальше — путь-дорога повела
в суровый край, в леса, что нету глуше,
где Свирь в болотных зарослях текла,—
к ней проходили только волокуши,
и это чудо транспорта тогда
именовалось попросту «беда».

В упрямой схватке воли и волны
плотина, перерезавшая реку,
ползучие смирила зыбуны,
не знавшие покорности от веку...
Он техником приехал на Свирьстрой
и здесь прошел науки курс второй.

Обузданный стремительный поток,
рванувшийся к бетонному порогу,
в турбины хлынув, светом в свет потек.
А он опять пустился в путь-дорогу.
Его уж знали: что ни говори —
он с Графтио работал на Свири!

Но в злое лихолетье, в трудный год,
когда, как хлеб, мы берегли патроны,
он возводил у Пулковских высот
могучую плотину обороны.
И был тот год экзаменом всего.
мужания и выдержки его.

Проходит время юности... Страна
в сражениях и в стройках возмужала.
Серебряною прядкой седина
и у его висками пробежала.
А так же он подтянут и побрит,
и тот же огонек в глазах горит.

Себе маршрутов сам не избирал.
Едва война пошла на завершенье,
уехал по заданью на Урал,
чтоб выполнить партийное решенье.
И там, на стройке новой и большой,
он стал уже и сердцем и душой.

Всю жизнь за ним ревниво я слежу.
И вот он вновь — так, значит, было надо —
к далекому подался рубежу,
на верхний плес великого каскада,
и строит ГЭС на бурной Ангаре.
Мы виделись в дождливом октябре.

Над бешено ревущею водой,
над пенящейся кипенью прорана
стоял он, как волна реки, седой,
не растерявший юности ни грана.
Над ним, как символ времени, плыла
«шагающего» длинная стрела.

Кругом вздымались острые холмы
со дна реки исторженной породы.
И вспомнили с улыбкой доброй мы
те первые строительные годы,
бессонный труд тех первых копачей,
белесый сумрак волховских ночей.

Высокий, крепкоплечий и прямой,
одетый в китель строгого покроя,
и в летний зной и лютою зимой
он на лесах встречается с зарею.
И тонкие черты его лица
несут задор того еще юнца.

У ног моих то пенилась вода,
то зажигала пламя голубое...
А он шагал к бетонщикам — туда,
где вырастала стенка водобоя,
где клетки арматуры заливал
крутым бетоном автосамосвал.

И думал я, рассеянно следя
за легкою, спокойною походкой:
не в дымке ли такого же дождя,
такой же, может, сумрачной погодкой
встречал он там — в истоках наших лет —
советской энергетики рассвет?

Его душа таких полна щедрот,
что никогда нигде не обмелеть ей!..
Седоволосый юноша идет
дорогами страны сквозь пятилетья.
И верю я: теперь мы с ним должны
у енисейской свидеться волны.

Демонстрация профессоров и студентов в Париже.

«Хуже, чем при Людовике»

На практических занятиях по геологии на 540 студентов приходится 32 микроскопа. К микроскопу подходят в порядке «живой очереди».

Улицы Парижа и других университетских городов Франции видели в последние недели шумные и многолюдные демонстрации студентов и профессоров. Требования, написанные на плакатах, одинаковы повсюду: высшая школа Франции задыхается без новых учебных зданий, без оборудованных по-современному лабораторий, не хватает стипендий, чтобы обеспечить даже самых нуждающихся студентов. «Кризис высшей школы»,— недвусмысленно заявляет печать. Вот несколько фактов, взятых из французской прессы, об условиях, в которых идут занятия в Высшей школе точных наук в Париже.

Десять тысяч студентов учатся в здании, официально рассчитанном на 2 200 человек, но построенном еще в 1895 году для 1 400 студентов.

Один профессор рассказывал, что в предоставленной ему аудитории — 30 мест, а в составе группы — 520 студентов. Он вынужден ежемесячно восемнадцать раз повторять одну и ту же лекцию.

Во время лекции на «галерке» девушки теряют сознание от духоты, а рядом нет даже медпункта, где бы можно было привести их в чувство.

В печати было опубликовано следующее заявление студентов: «Мы живем гораздо хуже, чем студенты Сорбонны во времена Людовика XI».

В самом конце истекшего года в кабинете министров Франции обсуждался «закон об экономии». Министр финансов Пфлимлен предложил удержать 10 миллиардов франков из ассигнований на строительство и реконструкцию университетских зданий. Министр просвещения Бийер заявил: «Уже двадцать пять лет Франция не получает Нобелевских премий по точным наукам. Если ничего не изменится, через четверть века мы будем «слаборазвитой» в научном отношении страной. Или мне дадут 150 миллиардов франков, или я подам в отставку».

Г-н Бийер не получил требуемых франков, но и в отставку не подал...

О. ПЕРЕСЫПКИН

Памятник Верному

Лет пятнадцать назад рабочий из итальянского селения Луко (в районе города Борго Сан Лоренцо) Карло Сориани, возвращаясь вечером с работы, услышал отчаянный лай: в канаве тонула собака. Сориани помог псу выбраться из канавы, взял его к себе и позднее дал имя Верный. Собака сильно привязалась к своему спасителю; каждый вечер она встречала его у автобусной остановки.

Во время войны фугасная бомба убила Карло Сориани, но Верный вот уже четырнадцатый год каждый вечер в определенный час продолжает ходить на автобусную остановку.

Жители Луко и Борго Сан Лоренцо решили, что такая преданность должна быть отмечена. Верный получил золотую медаль за верность. 29 декабря прошлого года в Борго был сооружен ему памятник.

Вдова Карло Сориани с собакой Верным у памятника, открытого в его честь.

Беседа в кельнской кнейпе

Я не стал бы переводить немецкое слово «кнейпе» на русский язык, хотя на первый взгляд это очень легко сделать. Немецко-русский словарь вам подскажет, что это «пивная», «харчевня», «погребок». Действительно, здесь можно и выпить пива, и перекусить, и заказать бокал недорогого рейнского или мозельского вина. Но ни одно из этих слов не передает главных особенностей немецкой кнейпе.

В кнейпе приходят не только за тем, чтобы выпить или поесть. Здесь трудовой люд проводит свой досуг. Посетители хорошо знают и стоящего за стойкой хозяина и друг друга. Как правило, все они соседи и встречаются здесь почти ежедневно. Когда я впервые приехал в Западную Германию, один местный журналист советовал мне: «Если хотите узнать мнение простых немцев, посещайте кнейпе. Каждая из них — это настоящий политический клуб».

Я вспомнил этот совет, посетив недавно Кельн, и зашел в кнейпе одного из рабочих кварталов неподалеку от завода Форда. Большинство ее постоянных посетителей — рабочие этого крупного автомобильного завода. Вечерело. В небольшом зале, уставленном грубыми дубовыми столами без скатертей, было сумрачно и пустынно. Только за одним столиком сидели четверо молодых парней и, судя по выразительной жестикуляции, обсуждали какой-то футбольный матч.

В отличие от несколько замкнутых и немногословных жителей северных районов Германии, население прирейнских городов гораздо живей и общительней. Вот и теперь ко мне очень скоро обратился пожилой человек в скромном поношенном костюме и в клетчатой рубашке без галстука.

— Можно подсесть, а то скучновато как-то в одиночестве?

— Разумеется,— ответил я.

Когда он сел и положил на стол узловатые, натруженные руки, в которые, наверное, навсегда въелась металлическая пыль и машинное масло, не трудно было определить, что передо мной рабочий-металлист.

Разговор о погоде вскоре перешел к вопросу о том, что же вообще сулит западным немцам ближайшее будущее.

— Если все пойдет по-старому,— медленно произнес мой собеседник,— то вряд ли можно ждать хорошего. Сначала создали бундесвер, потом ввели всеобщую воинскую повинность, теперь идут разговоры об атомном и ракетном вооружении. Я по прошлому знаю, что такое до добра не доведет.

Я напомнил, что в печати были опубликованы результаты опроса, который проводил западногерманский институт по изучению общественного мнения в двенадцати крупнейших городах ФРГ, в том числе и в Кельне. Семьдесят три процента опрошенных высказались против предоставления атомного оружия бундесверу и семьдесят четыре — против создания американских ракетных баз.

— По статистической науке,— сказал металлист, — может, так и получается, но я лично не знаю ни одного человека, который хотел бы этого...

Поодиночке и небольшими группами в помещение входили новые посетители. Вот в дверях создалась какая-то толчкучка. Один человек поддерживал дверь, чтобы она не закрылась, два других проталкивали что-то громоздкое. Оказалось, это молодая чета пришла в кнейпе вместе с грудным младенцем, который мирно спал в коляске.

Увидев высокого, широкоплечего юношу в спортивной куртке и щупленького, не первой молодости человека в очках, мой собеседник закивал им, подзывая к нашему столику.

— Вот знакомьтесь, это тоже рабочие с Форда. А это,— он указал на меня,— журналист из Москвы.

Лица обоих на какой-то миг отразили недоумение, а затем, добродушно улыбнувшись, юноша сказал:

— А что ж, интересно поговорить.

Подсел и пожилой. Мы вернулись к прерванному разговору.

— Обороняться нам не от кого,— рассуждал металлист,— никто нам не угрожает.

— А опасность какая! — вступил в разговор подсевший пожилой.— Если здесь будут базы и начнется война, то по нашим городам тоже ударят не из пистолетов. В прошлую войну за одну ночь было разрушено больше половины Кельна. А теперь атомные и водородные бомбы.

— Ну, войны, может, еще и не будет, но вооружение уже сейчас вот где у нас сидит! — похлопал себя по шее молодой.

Он член социал-демократической партии. В газете их партии — «Форвертс» — недавно были опубликованы точные цифры затрат на вооружение ФРГ. С 1955 года, когда начал создаваться бундесвер, и до 1961 года, когда намечается закончить его формирование, по самым скромным подсчетам, будет затрачено 60 миллиардов марок. К этому надо еще добавить расходы на содержание иностранных войск, размещенных на территории Западной Германии.

— Вы подумайте только,— воскликнул юноша,— что можно было бы построить на эти деньги!

Разговор продолжался несколько часов. К нам присоединилось еще несколько человек, и среди них не было ни одного, который одобрил бы ведущуюся сейчас в Западной Германии гонку вооружений...

Е. ПРАЛЬНИКОВ

Кельн.

В зале суда. Защитники и обвиняемые по Мултанскому делу. Стоит первый слева В. Г. Короленко.

„Мултанское дело"

Мрачно в избе Михаила Кобылина. В густом табачном дыму тонут иконы с потемневшими от времени ликами святых.

На грязный стол уронил захмелевшую голову Яшка. Склонившись над ним, Кобылин нашептывает план убийства крестьянина Матюнина.

Через несколько дней в лесу был обнаружен обезглавленный труп.

И ни в чем не повинные удмурты, обвиненные в убийстве крестьянина для принесения человеческой жертвы языческому богу Курбону, были посажены в тюрьму...

Это спектакль Сарапульского театра «Мултанское дело».

А вот подлинная история.

5 мая 1892 года недалеко от села Старый Мултан, бывшего Малмыжского уезда, Вятской губернии, на лесной тропе между деревнями Аныком и Чульей был обнаружен труп.

Царская полиция, разжигая межнациональную рознь, клеветнически обвинила группу мултанских удмуртов в убийстве с ритуальной целью нищего Конона Дмитриева Матюнина.

Четыре года длился этот позорный процесс, привлекший внимание передовой общественности России.

Самое горячее участие в судьбе удмуртских крестьян принял выдающийся русский писатель-демократ Владимир Галактионович Короленко. Он побывал в селе Старый Мултан, выяснил все подробности и выступил в защиту осужденных в московских и петербургских газетах.

Короленко привлек для защиты подсудимых крупных профессоров, этнографов, юристов и сам выступил на суде с гневной, обличительной речью, раскрывающей подлинную суть «Мултанского дела».

После восьмидневного судебного разбирательства все доводы обвинения были отвергнуты, и черносотенная свора царских прислужников вынуждена была отступить.

4 июня 1896 года был вынесен оправдательный приговор и жизнь удмуртских крестьян спасена.

Много лет прошло с тех пор, но имя Короленко и его гражданский подвиг здесь не забыты. Всюду и все вам напоминает о нем: названия улиц, колхоза, библиотеки. «Мултанскому делу» посвятил свой роман и один из популярных удмуртских писателей, М. Петров.

Недавно Сарапульский драматический театр показал спектакль на эту тему. Пьеса родилась в театре. Артист Н. М. Куликов, использовав материалы В. Г. Короленко и роман М. Петрова, написал народную драму «Мултанское дело».

Творческий коллектив и режиссер Р. М. Романовский создали интересный спектакль.

В центре его — образ замечательного русского писателя — В. Г. Короленко.

В том, что спектакль пользуется большим успехом, немалая заслуга исполнителя этой роли — автора пьесы актера Н. М. Куликова, создавшего не только внешне, но и внутренне художественно достоверный портрет писателя-гуманиста.

Когда в заключительной сцене суда Короленко обращает к судьям страстный призыв: «Сломайте тюремные решетки, за которыми уже четыре года сидят семеро ни в чем не повинных, тогда каждый из вас со спокойной совестью сможет сказать своим детям: «Я сделал для народа доброе дело»,— в зале возникают горячие аплодисменты взволнованных зрителей.

Пафос спектакля «Мултанское дело» в Сарапульском театре заключен в словах В. Г. Короленко, написанных на театральном занавесе, взятых эпиграфом к спектаклю: «Человек создан для счастья, как птица для полета».

Ю. РАЛЬФ

Сцена из спектакля Сарапульского драматического театра «Мултанское дело». В зале суда выступает Короленко — артист Н. Куликов.

Фото П. Катаева.

Прохор и Лорд

Леонид ЛЕНЧ

Рисунки Б. ЖУТОВСКОГО.

В Москве, на Полянке, в большом хорошем доме, в старой барской квартире — восемь комнат, все двери в коридор, — жила стенографистка Вера Ильинична Гусыкина. Возраст? Не будем уточнять. Еще не осень, но, увы, уже и не лето. Наружность? Приятная. Не красавица, но все, например, находили, что у Веры Ильиничны чудные глаза — серо-синие, как морская волна. И рот — яркий, свежий, только у губ горькие морщинки — следы женского одиночества.

С мужем Вера Ильинична разошлась лет семь назад и с тех пор, поменяв отдельную квартиру на две комнаты в разных районах, жила одна, самостоятельно. Кто был виноват в разрыве? Я лично думаю — он, а не она. Впрочем, тоже не будем уточнять.

Как работник Вера Ильинична заслуживает высшей похвалы. Работала она в творческих организациях: у писателей, у композиторов, у художников. И везде ее отмечали как превосходного мастера своего дела. Какую бы ахинею и как бы быстро и косноязычно ни нес «очередной оратор», Вера Ильинична, все, бывало, запишет точно, четко, сама перепечатает расшифрованную запись на машинке — и вот вам, нате, ужасайтесь тому, что вы нагородили в пылу нахлынувшего красноречия.

Еще надо сказать, что у Веры Ильиничны был кот Прохор — роскошное животное, рыжей масти, с голубыми таинственными широко расставленными глазами.

Вера Ильинична уйдет на работу, а Прохор весь день сидит в прихожей на подзеркальнике — неподвижный, важный, брезгливо-аристократический. Поблескивают загадочно-полузакрытые глаза, на толстой усатой скептической морде как бы написано: «Я вас всех презираю!»

Однако как только услышит Прохор тяжелую поступь Веры Ильиничны на лестнице, мгновенно прыг на пол и — к двери. Войдет Вера Ильинична (под глазами тени усталости), ласково скажет: «Здравствуй, Прохор!» Кот в ответ коротко вякнет, будто ответит на приветствие, и, томно урча, задрав хвост, побежит по коридору впереди хозяйки.

Летом Вера Ильинична уехала в Крым, в Алупку, отдыхать. Прохор остался на попечении ее соседки Светочки Толоконцевой, медицинской сестры из поликлиники. Светочка дружила с Верой Ильиничной и с удовольствием оказывала ей всякие мелкие услуги.

Когда через месяц Вера Ильинична, загорелая, посвежевшая, с непотухшими еще отблесками синего черноморского пламени в глазах, вошла в квартиру, Светочка ахнула:

— Верочка Ильинична, да вас просто не узнать, как вы хорошо поправились! Вы такая стали... такая... Ой, мне так хочется вас поцеловать, но у нас грипп ужасный в поликлинике, лучше не буду!..

Вера Ильинична усмехнулась, сама чмокнула Светочку в прохладную, яблочно-тугую щеку, потом взяла с пола радостно урчащего Прохора и стала гладить и нежно целовать своего рыжего питомца с какой-то, как подумалось Светочке, «страстной печалью».

— Зайдите ко мне, Светочка, вечером после дежурства, — сказала Вера Ильинична, продолжая ласкать кота,— я вам отдам груши. Я привезла для вас немножко. Настоящий дюшес, объедение. И вообще... мне нужно с вами посоветоваться!

Что-то необычное, волнующее, даже романтическое появилось в облике стенографистки. Вся она словно светилась изнутри.

«Наверное, она влюбилась в Крыму!» — подумала Светочка с тревожной завистью. И точно, оказалось, влюбилась стенографистка! В ветеринарного врача из Воронежа, пятидесятилетнего вдовца, с которым познакомилась в доме отдыха в Алупке.

— Только вы, бога ради, не подумайте, что у нас пошлый курортный романчик, — рассказывала Свете вечером Вера Ильинична. — И Сергей Иванович — серьезный человек, энтузиаст науки, пишет кандидатскую работу о профилактике бруцеллеза среди телят. Он мне читал — это захватывающе интересно!.. Вот уже не думала, не гадала, что со мной может произойти такое!..

— Любовь нечаянно нагрянет, когда ее совсем не ждешь! — усмехнувшись, наставительно сказала Светочка и деловито спросила: — А он-то вас любит?

— По-моему, любит!

— Что же вы решили?

— Сергей Иванович настаивает, чтобы я как можно скорее переехала к нему в Воронеж. У него там квартира, хозяйство, маленький садик...

Светочка покачала головой, сказала:

— Москву бросить? Ну, знаете, «це діло треба розжуваты»! — И осторожно, чтобы не забрызгаться соком, надкусила спелый дюшес.

— Меня это не останавливает, — задумчиво произнесла Вера Ильинична. — В общем-то, конечно, жалко оставлять Москву, но что же поделаешь, раз так получилось! С любимым человеком можно жить где угодно: хоть в лесу, хоть в тундре, хоть в какой-нибудь там Тьмутаракани, уверяю вас, Светочка. А тут — Воронеж, хороший старый русский город. Есть другое «но», более серьезное... хотя, возможно, вы будете смеяться!..

Помолчав, Вера Ильинична тихо сказала:

— Я не знаю, что мне делать с Прохором!

— Как что делать? Брать его с собой в Воронеж! Тем более, что ваш... избранник — ветеринар. Значит, он должен любить животных.

— Он-то любит... Но у него живет черный пудель, который не переносит кошек. Он их просто рвет. Его зовут Лорд. Я все выяснила.

— Тогда пусть ваш Сергей Иванович, как мужчина, пойдет на жертвы и... отдаст комунибудь своего Лорда!

— Это исключено. Он его обожает...

— Ну, знаете, что-нибудь одно надо обожать: или вас, или пуделя!

Вера Ильинична печально улыбнулась:

— Все это не так просто, Светочка. Он пожилой человек, у него свои привязанности, свои привычки. С этим надо считаться!

— Тогда вы идите на жертвы, Верочка Ильинична. Нельзя же так. Из-за кошки — и ломать свою судьбу! Оставьте вашего кота хотя бы мне. Даю вам слово, что буду обращаться с ним бережно и аккуратно! А то хотите, к нам в поликлинику его сдадим, у нас мыши появились, я поговорю с главным врачом. Прошку могут даже в штат зачислить!..

— Ни за что! — страстно сказала Вера Ильинична.— Ты слышишь, Прохор?!. Тебя в поликлинику!..

Кот, лежавший на ковре на полу, услыхав свое имя, поднялся и вежливо вякнул.

— Видите, он же не кот, — с той же страстностью продолжала говорить Вера Ильинична, — он маленький рыжий человечек, настоящий друг. Он такой чуткий, он все понимает. А вы говорите — оставить его! Прохор, скажи, могу я тебя оставить?!.

Вогнув спину и приподняв зад, Прохор стал царапать ковер передними лапами, делал разминку спинного хребта. Его великолепные голубые, с черными черточками зрачков глаза, устремленные на хозяйку, были бесстрастны, но всем своим видом кот как бы говорил: «Лично я за свою судьбу совершенно спокоен!»

...Прошел месяц. Вера Ильинична, похудевшая, грустная, ходила как тень, мучилась. Влюбленный ветеринар метал громы по телефону и молнии по телеграфу, звал, умолял, торопил.

И вот, по совету осторожной Светочки, решено было сделать так: комнату в Москве пока оставить за собой, поехать в Воронеж вроде как бы в отпуск за свой счет — выяснить обстановку на месте. А Прохора взять с собой, тем самым «поставить ветеринара и пуделя перед свершившимся фактом».

— Лечат же людей гипнозом! — смеясь, уверяла Светочка Веру Ильиничну. — Вот пусть и ваш ветеринар поднатужится, полечит своего Лорда, внушит ему, что нельзя бессмысленно кидаться на кошек. А вообще Прошка и сам себя в обиду не даст, не тот кот...

Вера Ильинична с Прохором уехали. Через неделю пришла от нее телеграмма: «Сергей Иванович настоящий рыцарь Лорд прелесть есть надежда на благополучный исход целую Гусыкина».

А потом Вера Ильинична замолчала.

Но Светочку это не тревожило: у нее появились свои волнения. За Светочкой начал ухаживать некто Георгий Георгиевич Блюкин, имевший какое-то отношение к театральным делам. Светочка в поликлинике делала ему диатермию по поводу плексита, и на этой почве у них и произошло знакомство.

Георгий Георгиевич Светочке понравился: высокий, суховатый, височки седые, одет элегантно, очень вежливый. Он пригласил ее на просмотр нового спектакля «Бесприданница». Светочка надела заветное шерстяное платье, вполне миленькое, сделала маникюр, причесалась у парикмахера и пошла.

«Бесприданницу» она смотрела впервые и весь спектакль проплакала над печальной судьбой Ларисы. Наплакалась до того, что нос распух и веки некрасиво набрякли и стали малиновыми. Георгий Георгиевич косился на неё в темноте, дергал больным плечом, с насмешливой ласковостью шептал:

— Ай, ай, ай, нервочки-то у нас, оказывается, слабенькие. Надо процедурочки принимать!..

Домой он отвез Светочку на такси (она подумала: «Сразу видно, тоже рыцарь, вроде

как Верочки Ильиничны ветеринар») и, прощаясь, поцеловал ее маленькую, жесткую от частого мытья руку. И это тоже произвело на Свету большое впечатление.

Прошло еще три дня. Георгий Георгиевич снова пригласил Светлану, теперь на обсуждение спектакля «Бесприданница».

— Я буду выступать! — сказал он многозначительно.

Когда Георгий Георгиевич, в темном костюме, прямой, представительный, вышел на трибуну, у Светочки часто забилось сердце. А Георгий Георгиевич строго поглядел на людей, сидевших в зале, и скрипучим голосом стал бранить спектакль, который Светочке так понравился. Она услышала, что актриса, игравшая Ларису, «не донесла», а актер, игравший Карандышева, «не выразил» и что вообще на всем спектакле лежит «тусклая печать ползучего эклектизма». Говорил Георгий Георгиевич очень долго, гладко, но скучно, и хотя много раз произносил слово «любовь», оно в его устах тоже звучало скучно, холодно, словно он имел в виду при этом не великое и красивое человеческое чувство, а свою болезнь — плексит.

Наконец он кончил говорить, вернулся на свое место, сел и шепотом спросил Светочку:

— Ну, как вам понравилось мое выступление?

— Ничего,— грустно сказала Светочка.— Только длинно. У меня голова заболела, я пойду.

— Хорошо, идемте, я вас провожу.

Они оделись и вышли на улицу. И тут Георгий Георгиевич сказал, что Светочке совершенно необходимо пойти с ним в кафе-мороженое, посидеть в тепле, выпить вина, и тогда «головка у нее пройдет». Светочка согласилась, чтобы не обидеть своего рыцаря.

В кафе было немного народу. Они сели в угол за маленький мраморный столик. Георгий Георгиевич заказал ореховый пломбир и рюмку портвейна для Светочки, а себе — коньяку. Радиола играла что-то красивое и печальное, на душе у Светы было смутно и тревожно. А Георгий Георгиевич как ни в чем не бывало щурил светлые глаза, поглаживал седые височки, сосал коньяк и все рассказывал про свою однокомнатную квартирку со всеми удобствами, которую его знакомые девушки называют «сверхуютным гнездышком».

Говоря это, он положил свою руку под столом на круглое Светочкино колено, но девушка так дернула ногой, что чуть не опрокинула столик со всем заказом. Георгий Георгиевич испугался и больше не приставал.

Из кафе поехали опять на такси, но не осматривать «сверхуютное гнездышко», а домой к Свете. Георгий Георгиевич настоял на том, что он проводит ее до самых дверей: мало ли что может случиться с девушкой, у которой так болит голова!

На полутемной площадке лестницы он вдруг засопел, обнял Светочку за талию и полез целоваться, дыша на нее запахами коньяка и зубной пасты. И вот тут Света дала волю тому чувству гадливости и неприязни, которое сумел возбудить в ней Георгий Георгиевич Блюкин. Она вырвалась и сказала насмешливо и резко:

— А ну-ка, больной, успокойтесь!

Георгий Георгиевич криво усмехнулся:

— Сегодня вы больная, а не я... Зачем же капризничать, кисонька? (Он понизил голос.) Пойдем, посидим к вам. У вас комната далеко по коридору? Мы тихонько... как мышки! — И он захихикал.

Тогда Света изо всех сил толкнула Георгия Георгиевича в грудь. Он отлетел на два корпуса назад и с размаху сел на площадку. Шапка у него свалилась с головы. Света побежала к себе наверх по лестнице.

Когда она открыла своим ключом входную дверь и зажгла свет, она увидела, что на подзеркальнике в передней, свернувшись уютным рыжим клубком, спит Прохор. Это было так неожиданно, что Светочка даже вскрикнула. Она быстро пошла по коридору, постучалась в комнату Веры Ильиничны.

— Войдите! — раздался слабый голос.

Вера Ильинична, осунувшаяся, с печальными глазами, сидела на диване перед раскрытым чемоданом, разбирала вещи. Женщины поцеловались. Помолчали. Светочка спросила:

— Расстались?

Вера Ильинична грустно кивнула головой.

— Неужели из-за кота?!

— Нет. Лорд и Прохор как раз очень подружились. Мне не хочется об этом говорить, Светочка... Трудно в его и в моем возрасте начинать совместную жизнь. У него свои привычки, у меня — свои... И в общем произошла ссора... И я подумала, что вторично не смогу перенести то, что уже один раз перенесла. И решила все оборвать и уехать.

— Как же он вас отпустил?! Ведь он вас...

Вера Ильинична не ответила.

— Верочка Ильинична, а я думаю, что любви вообще нет! — горячо сказала Света. — И вообще на эти вещи надо просто смотреть, не фантазировать.

— Нет, если у него любовь настоящая... — начала стенографистка и, не докончив фразы, снова замолчала.

— Как же будет теперь, Вера Ильинична?

— Как было, так и будет!

И жизнь потекла по-прежнему: Вера Ильинична бегала по совещаниям, докладам, семинарам, Света лечила миозиты и артриты в своей поликлинике, Прохор спал на подзеркальнике.

Однажды в поликлинике снова появился Георгий Георгиевич Блюкин. Со Светой даже не поздоровался, а когда старшая сестра в процедурной сказала ему, улыбаясь многозначительно: «Светлана вами займется», — сделал кислую гримасу и нарочито громким голосом, так, чтобы все слышали, произнес: «Нет, нет, только не эта грубиянка». Светочка вспыхнула, стоя за шелковой занавеской в кабинке, и тоже громко, чтобы он слышал, сказала: «Попадается же такой больной, на него жалко даже ток тратить». Она вышла из-за занавески, с гордо поднятой головой проследовала мимо надутого Георгия Георгиевича в коридор и скрылась в пустовавшем кабинете профессора-консультанта с табличкой на двери «Болезни сердца». Здесь в одиночестве Светочка тихо поплакала минут пять; что-то очень уж обидное, горькое, грязное было в том, как отомстил ей Георгий Георгиевич Блюкин. Потом, мысленно выругав себя за «чувствительность» «дурой мокроглазой», она быстро привела себя в порядок и тихо сказала самой себе:

— Все! Больше никаких фантазий!

А вечером Вера Ильинична (Светочке показалось, что стенографистка снова как бы светится изнутри) показала ей только что полученную телеграмму: «Лорд смертельно скучает Прохору необходимо их свидание чувство гуманности и любви животным вынуждает меня выехать Москву с собакой надеюсь не будете возражать».

— Вы понимаете, Светочка, что это значит? — сияя, спросила девушку Вера Ильинична.

— Побачим, как сказал слепой, — ответила ей Светочка и прибавила: — У меня голова болит, Верочка Ильинична, извините, пойду лягу...

Через два дня, вернувшись домой с работы, Светочка еще в прихожей услышала громкий собачий лай. «Лорд приехал!» — подумала она и улыбнулась — таким веселым и звонким был этот лай.

Она постучала в дверь стенографистки. Никто не отозвался. Лай не умолкал. Светочка приоткрыла дверь и заглянула в комнату. Рослый черный пудель, расставив лапы, стоял бочком посередине комнаты и лаял на кота, прижавшегося к ножке обеденного стола. Рыжая шерсть у Прохора стояла дыбом, одной лапой с когтями, приведенными в полную боевую готовность, он махал в воздухе перед оскаленной мордой пса. А на диване сидели, прижавшись друг к другу, Вера Ильинична и симпатичный седоватый мужчина в синем костюме. По их счастливым лицам девушка поняла, что сейчас нет им никакого дела ни до Лорда, ни до Прохора, ни до чего на свете.

Она тихо закрыла дверь и ушла к себе.

ХУДОЖНИКИ-ДОШКОЛЬНИКИ

В редакцию «Веселые картинки», в гости к своему любимому журналу, пришли ребята — не только постоянные читатели, но и юные корреспонденты-художники.

Когда мы были маленькими, то, пожалуй, не рисовали так здорово и весело, как эти малыши.

Каких только тем не затрагивают они! Лена Коротаева изобразила трех богатырей, о которых ей читал папа; Марина Беленкина придумала новый спутник (пятилетняя Марина сообщила в редакцию, что в нем путешествует дружная пара — собака и кошка — и, чтобы им «было хорошо», она «посыпала пол песочком»), а Лара Бузыкина прислала даже изошутку, где трудолюбивая кошка ловит рыбку. В редакции малыши получили подарки: игрушечную железную дорогу, большую куклу, книги. Глядя на ребят, взрослые пожалели, что в детстве они не имели такого смешного журнала.

Л. и Ю. ЧЕРЕПАНОВЫ

Фото Риммы Лихач.

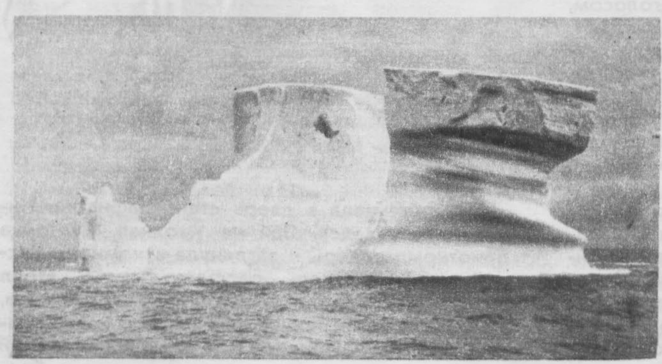
Из почты Огонька

Эта фотография сделана в 1907 году в одном из сел Самарской губернии. Таким примитивным способом производили полстолетия назад поверители Палаты мер и весов клеймение и проверку весоизмерительных приборов.

Горький. П. ЛАТОНИН

Нельзя было не снять

Мне довелось участвовать в одиннадцатом рейсе китобойной флотилии «Слава». Айсберги в Антарктике не редкость, но иногда они имеют такую причудливую форму, что нельзя было не снять их.

Ю. НЕЦВЕТАЕВ
Ленинград.

Полярное сияние

Снимок сделан на севере Кольского полуострова работниками Северной научной станции Института физики атмосферы Академии наук СССР. Станция ведет научные наблюдения по программе Международного геофизического года.

М. БРАГИН
Кольский полуостров.

Цветы под рентгеном

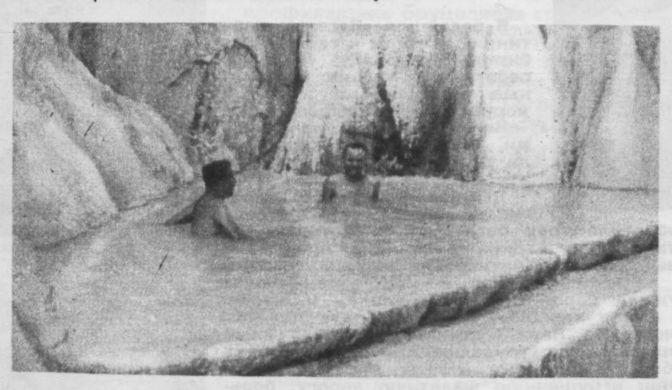

Этот отпечаток с рентгенограммы растений сделан с помощью диагностического рентгеновского аппарата. На рентгенограмме хорошо видно строение лепестков и цветов. Использованы ультрамягкие рентгеновы лучи, которые получены путем несложного переключения в автотрансформаторе, пленка с лицевой стороны завернута в один слой черной бумаги.

Доцент В. ПАНОВ
Одесса.

Гарм-Чашма

До недавнего времени даже памирцы с трудом добирались до горячего целебного источника Гарм-Чашма, расположенного высоко в горах южного Памира. К источнику вела узенькая, извивающаяся по крутым склонам тропинка. Летом прошлого года здесь была проложена дорога. У источника началось строительство нового санатория.

Побывав летом вместе с альпинистской делегацией Ленинградского университета на Памире, я заснял источник.

О. РАСПОПОВ

МАЛЕНЬКИЕ БАСНИ ДЖАННИ РОДАРИ

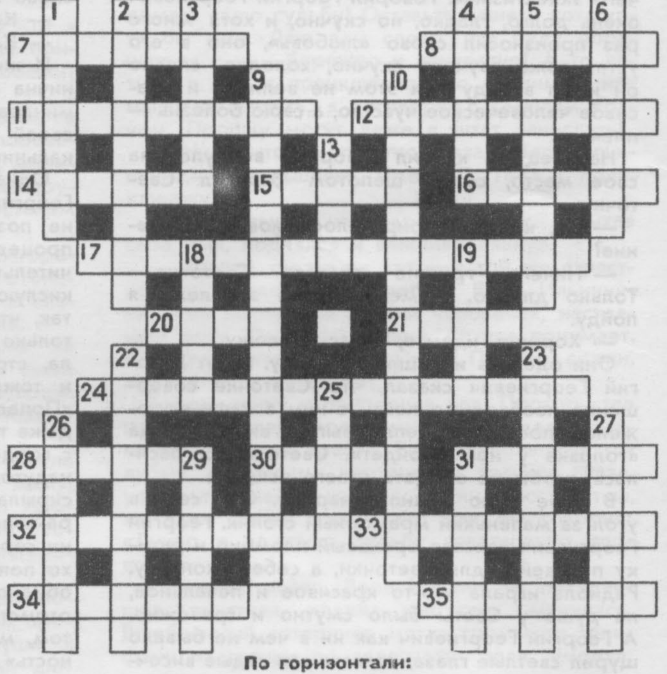
Одна спичка расхвасталась:
— Если захочу, подожгу весь мир!
— Ладно, ладно,— говорит ей кастрюля,— пока попробуй развести огонь в печи, а то нечего будет есть.

Хвастался листок бумаги:
— Я белый-пребелый!
— Жаль,— ему говорят,— жаль, что ты не испачкан немного чернилами, например, несколькими стихами новой «Божественной комедии».

Одна авторучка, оставшись без чернил, пожелала умереть:
— Кому я теперь нужна? Я ничего больше в жизни не смогу сделать...
— Да перестань,— ей говорят,— не делай из этого трагедии: тебе ведь нужно только немного чернил.

Перевел с итальянского С. Русаковский.

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Оптический прибор. 8. Арифметическое действие. 11. Русский скульптор. 12. Персонаж пьесы А. Н. Островского «Бесприданница». 14. Лужайка в лесу. 15. Механизм для обработки материалов давлением. 16. Точильный камень. 17. Сельскохозяйственная машина. 20. Народно-поэтическое повествование. 21. Приток Печоры. 24. Разработка и выполнение проектов машин, сооружений. 28. Рыба из рода бычков. 30. Пушной зверь. 31. Драгоценный камень. 32. Музыкант. 33. Комедия Мольера. 34. Персонаж поэмы Н. В. Гоголя. 35. Разновидность гипса.

По вертикали:

1. Основоположник военно-полевой хирургии. 2. Перемена тональности в музыке. 3. Ягода. 4. Металл. 5. Ископаемое животное. 6. Русский изобретатель XVIII века. 9. Город на Украине. 10. Обработка пищевых продуктов для хранения. 13. Письменная принадлежность. 18. Покатый спуск. 19. Мягкая кожа. 22. Произведение М. Горького. 23. Распорядитель на транспорте. 25. Советский сатирик. 26. Римский поэт. 27. Русский шахматист. 29. Народный артист СССР. 31. Спортсмен.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 3

По горизонтали:

7. Долгунец. 9. Моделизм. 10. Радикал. 11. Актау. 12. Крюки. 13. Касымов. 17. Смурый. 18. Шарден. 19. Ржанка. 20. Идиома. 24. Вельбот. 25. Хинди. 27. Шприц. 29. Сатирик. 31. «Шахтёрка». 32. «Капуцины».

По вертикали:

1. Косеканс. 2. Ягода. 3. Шнур. 4. Эдил. 5. Флуер. 6. Изоктан. 8. Цадаса. 9. Макамы. 13. Клычков. 14. Виандот. 15. Туман. 16. Одеон. 19. Регистан. 21. Аспирант. 22. Улитка. 23. Оберек. 26. Друть. 28. «Певцы». 29. Сырт. 30. Купе.

На вкладках этого номера репродукции работ Е. Грибова — «Нагулялись», Н. Пономарева — «Вечерняя песня», А. Кокорина — «Возвращение с работы», А. Бандзеладзе — иллюстрация к эпосу «Песнь об Арсене», Г. Храпака «У Кировских ворот», В. Горяева «Ученицы», И. Левитана «Серый день. Озеро», «Перед грозой» и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, И. А. УРАЗОВ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление В. Епанешникова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

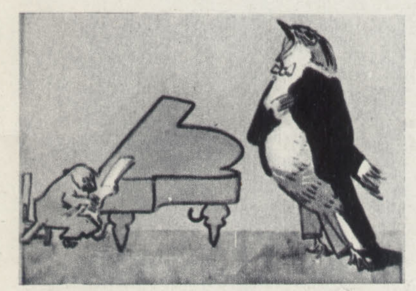
А 00512. Подписано к печати 15/I 1958 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 300 000. Изд. № 5. Заказ № 3383.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

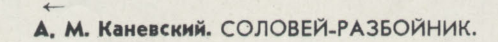
Графика

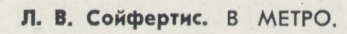
на Всесоюзной художественной выставке, посвященной 40-летию Октября.

Приехал.

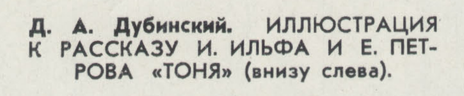

Спел.

Опустошил.

← А. М. Каневский. СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК.

Л. В. Сойфертис. В МЕТРО. →

Д. А. Дубинский. ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РАССКАЗУ И. ИЛЬФА И Е. ПЕТРОВА «ТОНЯ» (внизу слева).

Ю. И. Пименов. ДЕВОЧКА И МОСТИК (внизу справа).

Цена номера 3 руб.